11-10. D-142.

PEHEPTYAPS 11 HAHTEOHS.

TEATPANDEOE OBOSPEEEE.

издаваемое

в. межевичемъ и и. песоцкимъ.

aprint and motion of the parties,

сь твих, чтобы по отполатаній представлено было въ Ценеррацій В мигеть увидопенное числе зазамовировъ, 1817 годи, морта 31-годи

годъ шестой.

1844.

TOCYMAPCTBEH. AKAMEM.

TOMS ILLECTON.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

AUDITUDE A STATEMENT.

в. маниванчам и и писоциямъ.

печатать позволяется,

съ тъмъ, чтобы по отпечатании представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 1844 года, марта 31-го дня. Ценсоры П. Корсаковъ и А. Очкинъ.

TOAL-HECTOR.

TRAKE

TOME LINGTON.

PEHEPTYAP'B II HAHTEOH'B.

1844.

КНИЖКА ЧЕТВЕРТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Cmp.
І. Философія и Исторія музыки. Нъсколько словъ о духовной музыкъ.	
Статья Жоржа Ортига	1.
II. Утро. Стихотвореніе Н. С	8.
III. Бояринъ Федоръ Васильевичъ Басеновъ. Трагедія въ пяти дей-	
ствіяхъ, въ стихахъ. Сочиневіе Н. В. Кукольника	9.
IV. Ньть, другь мой, инть! Стихотвореніе Н. С	73.
V. Два разсказа Семена Игнатьича. 1. Ивань Иванычь Морошка. 2.	
Петръ Иванычъ Морошка	74.
VI. Пъсня Испанца	96.
VII. Матеріалы для Исторіи русскаго театра. Н'Есколько подробностей	
о Медоксв и о старинномъ московскомъ театрв	98.
IX. Искусство и художники. Дюпре	119.
Х. Юмористика. Петербургскія маніи	137.
ХІ. Смесь. Несколько словь о действительности и идеалахъ (Разсужде-	
ніп отнюдь некритическое, Петра Парф) Ничто не ново подъ	445
дуною. — Новый Шевспиръ. Изъ записокъ путешественника	100
Странный поклониявъ. — Письмо Ронкони. – Чему быть, тому не	
минсвать. Разсказъ Поль-де-Кока. — М. lle Марсъ въ дезабилье.	
- Анекдоты и медочи	140.
(BRUIN 4 PER 19 19 19 19 19 19 19 19 19 19 19 19 19	Name and Address of the Owner, where the Parket of the Owner, where the Parket of the Owner, where the Owner, which is the Owner, which is the Owner, where the Owner, which is the Owner, which

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

1. Нистранные театры.

Cmp.

I. Парижские театры. Corrado d'Altamura, лирическая драма, соч. Ричии. - Lady Henriette, балеть соч. Сепь-Жоржа и Мазилье. -Oreste et Pylade, ком. опера, Скриба и Дюпеня — L'Agiotage, комедія Пикара и Анпи. — La famille Cochois комедія Лонпре. - La réparation forcée, комедія. - Champmeslé, комедія Люка. Pierre le millionaire, комедія г-жи Аисло. — Le voyage impossible вод. Ксавье и Комберусса.-Carlo et Carlin, вод. Дюманоара и Мельвиля. — La Bohémienne de Paris, драма Поль-де-Кока и Густава Лемоноа. - Les amans de Murcie, драма Ф. Сулье. Les mystères de

водевиль Кейзера.-Ein Morgen, ein Mittag und ein Abend in Wien.

2. Pycchie meampou

I. Провинціальные. (Екатеринбургскій театръ. Contre-барана. - Еще о Екатеринбургскомътеатръ. В. Л. - Кіевскій театръ, П. Томиловскаю.

П. Обозрание петербургскихъ концертовъ, съ 13-го февраля по 17-е марта 1844 г. (Общій взглядъ на концерты. - Рубини - Тамбуриви. — Віардо-Гарціо. — Тадини и Ассандри. – Деранкуръ. – Шоберлехверъ-Даллока. - Финкъ-Лоръ - Ровци де Бевьи. - Шюгцъ-Ольдози. - Моликъ - Клара Шуманъ-Викъ - Концерты Филармонического общества. - Концерты любителей. - Концертъ въ Импер. Соб. Университеть - Пицполото, Нигри и Сетти. - Бёмъ -Кюнь. - Кнехть, Карат Мейерь. - Вольбрюкь и Колова. - Братья Рубинштейны. - Завлючение

III. Разныя извъстія

Подписка на «Репертуаръ и Пантеонъ» принимается: Въ С. Петербургъ, въ конторахъ изданія, состоящихъ при книжныхъ магазинахъ М. Д. Ольхина, на Невскомъ-Проспектъ, противъ арсенала Авичковскаго Дворца, въ домъ Завътнаго, и въ Гостиномъ Дворъ, по Суровской линіи, № 13.

Въ Москвъ, въ конторахъ изданія: между Дмитровкою и Петровкою на валу въ прежде-бывшей книжной лавкъ А. С. Ширяева, а вынъ Сепшиикова и Базунова; въ ихъ-же книжныхъ лавкахъ, на Никольской улицъ, подлъ Казанскаго Собора, въ домъ подъ № 4 и 5; равно въ книжныхъ магазинахъ О. И. Хрусталева, В. В. Лошнова, А. В. Глазунова и К. А. Полеваго.

Сверхъ-того, въ Газетной Экспедицін С.-Петербургскаго Почтамта.

Цена за годовое изданіе десять рублей серебромъ. За пересылку и доставку на домъ полагается полтора рубля серебр.

Къ этой книжке приложенъ портретъ парижскаго певца ДЮПРЕ (во весь ростъ), рисованный и литографированный въ Парижъ.

Печатать позволлется. 3-го априля, 1844. Ценсоры П. Корсаковъ и А. Очкинъ.

ФИЛОСОФІЯ » ИСТОРІЯ МУЗЫКИ.

ньсколько словъ о духовной музыкъ.

(СТАТЬЯ ІОС. ОРТИГА.)

При настоящемъ направленіи музыки, каторая вообще стремится къ преувеличенію, чувствуєтся необходимость постояннаго заведенія, гдъ хранился-бы, въ чистотъ и неизмънности, священный залогъ древнихъ преданій искусства, преданій, которыя чтимы были композиторами всъхъ странъ, и которыя дълали ихъ какъ-бы членами одной школы. Нътъ инаго средства побъдить опасную наклонность умовъ къ увлеченію новостями. И надо сознаться, что плеческій школы, заведенныя нъкогда во Франціи по всъмъ Капитуламъ, какъ нельзя-лучше удовлетворяли этой цъли. Тамъ образовались отличные органисты, отличные музыканты, отличные пъвцы, неръдко по образцамъ старой итальянской школы. Новъйшіе музыканты жальли объ отмънъ такого учрежденія, либо обнаруживали желаніе видъть вновь подобное. «Религіозная музыка», говоритъ Фетисъ, «удерживаетъ за искусствомъ его классическія формы.»

«Когда полумаешь», говорить Словарь новыйшей музыки (Dictionnaire de musique moderne), «что пъвческія школы во Франціи имъли ніжогда четыгре пыслчи воспитанниковь, и что число это приводится нынів къдвумъ стамъ съ небольшимъ, перестаешь удивляться, отчего музыка мало-по-малу исчезаетъ въ провинціяхъ. Т. У.—Отд. І.

Франціи. Благотворность консерваторіи не простирается за стъны Парижа; между-тъмъ какъ пъвческія школы, размъщенныя повсъмъ пунктамъ королевства, давали возможность собирать и обработывать богатые таланты и прекрасные голоса на самыхъ тъхъ мъстахъ, гдъ природъ угодно было ихъ производить. Со времени почти совершеннаго уничтоженія ихъ, мы ежедневно несемъ утраты, которыхъ ничто не вознаграждаетъ. Разсадникъ хорошихъ музыкантовъ уже не существуетъ; искусство гаснетъ въ департаментахъ, и малочисленность профессоровъ, тамъ находящихся, преклонныя ихълъта, явно грозятъ ему конечною гибелью.»

Однимъ изъ самыхъ плачевныхъ результатовъ уничтоженія пъвческихъ школъ, и, можетъ-быть, самымъ вреднымъ для общественной нравственности, было то, что въ церковь перешла театральная музыка. Прискорбно даже видъть, когда какой-нвоудь органистъ, или, лучше сказать, піанистъ, забывая святость мъста, гдъ находится, не подозръвая, по-видимому, величаваго и важнаго характера, какой придаетъ религія своимъ обрядамъ, осмъливается низойдти до стиля романса, и вмъсто учоныхъ фугъ, вмъсто высокихъ піесъ, гдъ Сеяны, Бальбатры раскрывали всъ сокровища гармоніи и колоссальныя силы ихъ инструмента, поражаетъ слухъ жалкими пародіями увертюръ Россини. Сами искусные композиторы не устояли противъ общаго стремленія, и церковныя музыка ихъ можетъ назваться такою лишь по словамъ, ее сопровождающимъ.

Отдавая полную справедливость чудесному искусству, неоспоримому достоинству композиціи, чему столь заслуженно удивляются въ духовной музыкъ Моцарта, Бетховена, Херубини, нельзя удержаться отъ мысли, что тутъ нътъ еще истиннаго вдохновенія. Эти столь гармоническія имена принадлежать гораздо-больше сцень, инструментальной музыкъ, нежели церковной. Намъ кажется, что великія, возвышенныя мысли, высокія и чудныя концепціи не нуждаются въ сборь такого множества различныхъ инструментовъ. На театръ можно, даже должно употреблять всъ средства къ очарованію умовъ. Волшебство декорацій, вгра сцены, положеніе, слова, не меньше музыки способствуютъ драматическому выраженію. Но въ храмъ, композиторъ одинъ съ своимъ искусствомъ, передъ лицомъ Бога, чъмъ замъпить всъ эти средства обольщенія? Вмъсто-того, чтобъ искать высокихъ эффектовъ въ высокомъ вдохновеніи, или въ духовной выразительности, ихъ думали находить въ наукъ и механизмъ силъ оркестра. То, чему надлежало быть только средствомъ, поставляли цълію. Херубини—знаю, въ какомъ величавомъ свътъ представляется уму это имя—Херу-

бини, создатель новаго рода музыки, соединялъ все могущество искусства, въ своихъ церковныхъ твореніяхъ. Между-тъмъ авторъ, столь классическій и частый въ музыкальномъ отношенів, представляетъ весьма-мало примъровъ этихъ величественныхъ пъсенъ, чудныхъ мелодій, выраженія высокихъ и величественныхъ идей. Въ окончательномъ результатъ находимъ, что его композиціи, по стилю относятся къ комнатной музыкъ. Помощію отличнаго вкуса, можетъ-быть, силою таланта и науки, Херубини удалось замънить геній. Но все-таки спрашиваешь себя, ужели храмъ есть театръ, гдв надо прибъгать ко всъмъ родамъ обольщеній? ужели въ немъ должно отступать отъ величественной простоты? Не ужели такая искусственность, такъ-ловко контрастирующій языкъ инструментовъ, такое разнообразное построеніе звуковъ, выходящихъ изъ оркестра, не есть блистательный имодъ долгаго и трудолюбиваго опыта, также какъ не есть истинное выражение вдохновенной ръчи энтузіазма?

Есть правственныя приличія, которыми слишкомъ-часто пренебрегаютъ, потому-что онт не касаются прямо искусства, но отъ соблюденія которыхъ зависятъ иногда величайшія красоты. Напримъръ, весьма понятно, что оперная музыка, обязанная представлять вст положенія жизни, должна нъкоторымъ образомъ примъняться къ нравамъ, привычкамъ, обыкновеніямъ общества, ежедневно мъняющагося, и что она должна преображаться наравнт съ обществомъ, по-крайней-мъръ, въ отношеніи формы и сталя. Но требовать, чтобы церковная музыка, върная истолковательница не измънныхъ догматовъ, подвергалась такимъ-же превращеніямъ; вводить въ нее перемъны, происходящія въ свътской музыкъ,—значитъ давать ей непрочныя и фривольныя формы, окрашивать въ модный цвътъ то, что по натуръ своей неизмънно. За исключеніемъ кое-какихъ легкихъ преобразованій, требуемыхъ вкусомъ, луховная музыка должна оставаться всегда одинаковою.

Великіе мастера старой школы понимали эти истины. Безсмертныя произведенія Жомелли, Б. Марчелло, Дуранте, Лео, Генделя, величайшаго изъ всъхъ, не-смотря на свойственный каждому художнику особый характеръ, не-смотря на то, что художники жили не въ одно время, и не на одной земль, представляютъ едва замьтные оттънки различія относительно искусства. Глубоко проникнутые величіемъ предмета, они порождали свои торжественные гимны, гдъ по-очередно слышатся различныя чувства, какія пробуждаетъ религія, утъщительная въ обътованіяхъ, страшная въ угрозахъ, предписывающая надежду и страхъ вмъстъ. Музыка ихъ,

кажется, влохновлена тъмъ-же духомъ, который нъкогда одушевлялъ пророковъ. Она-то смиренна и покорна, какъ трепетная молитва, возносящаяся къ престолу Предвъчнаго, то громоносна, какъ гласъ самого Бога. Наука для этихъ мастеровъ служитъ только вспомогательнымъ средствомъ; они употребляютъ ее какъ подножіе, съ котораго воспаряютъ въ горнюю область, куда переносятъ насъ; и если когда уклоняются они отъ правилъ, то съ тъмъ, чтобы стать выше ихъ.

Благодаря уничтоженію пъвческихъ школъ, имена этихъ славныхъ композиторовъ, по большой части, едва извъстны ныньшнимъ французскимъ музыкантамъ. Лаландъ — единственная знаменитость, которую Французы могутъ противопоставать Италіи. Безъ сомнънія, есть много прелести въ его простыхъ, натуральныхъ и чистыхъ мелодіяхъ; въ его всегда правильномъ стиль, умърсиномъ и благоразумномъ употреблении средствъ науки; въ его напередъ подготовленныхъ переходахъ, наступающихъ не круто и не нечалнво; въ теченів музыкальной рачи, правда, насколько медленномъ, но ровномъ; особливо въ его напъвахъ, въ его готическихъ формахъ, заимствованныхъ у грегоріанскаго цънія, но освъженныхъ цвътами контрапункта. Не-смотря на то, Лаландъ не могъ основать школы. Причины, лежащія глубже, чемъ обыкновенно думають, объясняють, можеть-быть, этоть пробыль въ развити искусства во Франців. Весьма-естественно, что если къ музыкъ прилагале классическое ученіе, въ томъ видь, въ какомъ прилагали его къ литературъ, и въ какомъ разумъють его серіозные умы нашего времени, то ученіе это, творящее вив религіи, для понятій человъка правила и авторитетъ чисто человъческія, должно было воспрепятствовать всякому развитію, какое получаеть искусство отъ религіозныхъ вдохновеній. Оттого-то школа Херубини, вли, точиве сказать, французская школа, въ высшей степени, соединяя въ себъ всъ богатства гармовін и силы инструментовки, не вполнъ удовлетворительна въ отношеніи къ духовной выразительности. Такъ-какъ музыка была уже не новое искусство, то, простыя и естественныя, но ходячія модуляціи, граціозныя, чистыя, но однохарактерныя пъсни, родъ отдълки чисто схоластическій, какъ-бы заключавшій воображеніе въ границы робкой рутины, натурально ве могля пробуждать ощущеній, уже свыкшихся съ искусствомъ, слишкомъ сжатымъ въ своихъ формахъ и необширномъ средствами. Надлежало расширить пробитую дорогу; но выйдти изъ колеи рутины, для того, что-бы вступить въ кругъ науки и заключиться въ немъ, значило только вполовину достигнуть цъли. Моцартъ не могъ совершить этого великаго переворота. Доказательство, что

геній повстрачаль, самъ того не зная, препятствія въ принципахъ, которыхъ приложенія не подозраваль.

Извъстно, что г-жа Сталь находила Моцарта слишкомъ-замысловатымъ (гор ingénieux). Мы вовсе нерасположены раздълять онлософскія и литературныя мижнія этой славной женщины. Но истинный источникъ, откуда почерпаетъ душа высокія чувствованія, не могъ быть незнакомъ ея страстной и пламенной душъ. Ни одинъ писатель не умълъ лучше ея отличать то, что въ произведеніяхъ ума бываетъ плодомъ минутнаго вдохновенія, отъ того, что есть только порожденіе, хотя блестящее, но всегда разсчитанное, искусственнаго порыва воображенія. «Прекрасные стихи», говорила она, «не составляютъ поэзіи.» Примънимъ это правило къ музыкъ, и оправдаемъ его примъромъ, взятымъ у величайшаго композитора новыхъ временъ.

Накто, можетъ-быть, искреннъе насъ не удивляется Моцарту. Это музыканть сердца, самый истинный, самый глубокій, самый патетическій изъ композиторовъ. О немъ можно именно совершенно-справедиво сказать, что у него льются слезы въ голосъ. Онъ Шекспиръ музыкантовъ. Но, подобно Шекспиру, его можно упрекнуть въ накоторой вычурности, изысканности. Никогда два геніальныхъ человъка не-представляли столь-поразительнаго множества одинаковыхъ качествъ. Одинакое чувство, одинакая чувствительность, одинакая глубина, одинакое знаніе человъческаго сердца, одинакій характеръ, одинаковый духъ, одинаковая тонкость такта. одинакая разборчивость вкуса въ употребленіи украшеній. Одинъ такой-же музыкантъ, какъ другой поэтъ: голоса ихъ исходятъ изъ одного и того-же мъста и ударяются въ одно и то-же мъсто. Оба они достигли точки, которую почти никогда нельзя перейдти, доходя до нея пробитыми путями; оба приблизились къ совершенству, которое, по нашему мнънію, есть не столько совокупность всъхъ великихъ качествъ, сколько отсутствіе недостатковъ.

Но оставимъ поэта, котораго привели мы гдъсь только для большаго полтвержденія удивительной всеобщности правилъ, явныхъ повсюду въ порядкъ физическомъ, какъ и въ порядкъ нравственномъ, о которомъ тоже можно сказать Ньютоновы слова: Natura est sibi consona. Возьмемъ теперь одного музыканта, и поищемъ въ его «Requiem» примъра, поясняющаго нашъ вопросъ. Знаемъ, что, по новымъ открытіямъ, часть этого творенія слъдуетъ приписать Сусмайеру. Но, не путаясь въ чисто-біографическомъ вопросъ, посмотримъ на «Requiem» въ томъ видъ, какъ онъ есть.

Бросимъ взглядъ на погребальный гимнъ «Dies irae.» Первымъ двумъ стихамъ можно только удивляться; нътъ ничего выше, величественные. Перейдемъ къ третьему и слъдующимъ:

Tuba mirum spargens sonum Per sepulcra regionum, Coget omnes ante thronum. Mors stupebit...

Какую музыку внушитъ подобная поэзія?

Признаемся, тутъ овладъваетъ тягостное чувство, когда видишь, что великій композиторъ разсудиль поставить соло баса на этотъ стихъ, потомъ соло тенора и перваго и втораго дискантовъ на слъдующихъ, чтобы совокупить наконецъ эти четыре голоса на пятомъ стихъ. Если глядъть на одно музыкальное достоинство, это превосходно, восхитительно; тутъ вся разборчивость Моцартовской отдълки. Но идетъ-ли эта симметрическая форма къ величію дъйствія, къ потрясающей драмъ, какую представляетъ уму композитора мысль последняго суда? Это значить превращать Іосафатову долину въ концертную залу. Выражение «Mors stupebit» проходить незамъченнымъ: не видать этого ужаса мертвецовъ и самой смерти. Навърное, здъсь или нигдъ излиный безпорядокт есть эффекть искусства. Херубини совсемъ виаче поняль это место. Вы слышите громъ трубъ, мъшающійся съ стонами скрипокъ, съ воплями инструментовъ, учоный хаосъ, царствующій въ оркестръ; клики страха, глухія и прерывистыя слова, исторгаемыя ужасомъ; видите грознаго ангела, гонящаго мечемъ трепетную толпу смертныхъ, и безпорядочно становящаго ихъ вкругъ престола неумытнаго суліи.

Херубини постигалъ всю опасность сравненія своего произведенія съ Моцартовымъ, потому онъ и ваписалъ свое по совершеноновому плану. Моцартъ принялъ форму ораторіи. Метода эта приличные церковнымъ пыснямъ. Херубини выбралъ совершеннодраматическую форму. Онъ взяль гимнъ въ цыломъ, въ совокупности, и сдылалъ изъ него одинъ хоръ, или, точные, одно лыйствіе, гды все движется и слъдуетъ одно за другимъ. Въ твореніи Моцарта, можетъ-быть, больше полробностей, больше разнообразія, больше роскоши; за то у Херубини больше эффектовъ и единства. Безъ сомнынія отъ насъ здысь не потребують полробнаго разбора этихъ двухъ великихъ произведеній, разбора, который быль-бы столь-же общиренъ, какъ ихъ партитуры. Красоты въ нихъ безчисленны, но принадлежатъ слишкомъ исключительно музыканту. Жела-

тельно-бъ видеть композитора побольше поэтомъ, и, если смею сказать, почаще христіаниномъ. Желательно меньше искусства, при такой-же учоности и большемъ вдохновении.

Довольно сказано въ доказательство, что новъйшіе не вполнъ постигаютъ искусство музыки. Конечно, люди геніальные бываютъ во вст времена; природа производитъ ихъ всегда и повсюду: это растеніе, прозябающее на скалахъ. Откуда-же, однако, это безмърное превосходство однихъ и безсиліе другихъ, смотря по разности временъ? Истинное вдохновеніе можетъ происходить только изъ глубокаго чувства убъжденія. Напрасно разгорячаютъ голову, когда холодно сердце; напрасно умъ обратитъ на мигъ въ дъйствительность то, что было для него только пустою теоріей: высокое требуетъ души убъжденной; иначе, наука безплодна, мертва.

Съ такими мыслями, бывало, приходишь въ школу Шорона (Сhoгоп), и слушаеть тамъ старинную музыку, о которой нынче нътъ и помина, исполняемую съ удивительной стройностью, съ темъ искусствомъ, которое есть не иное-что, какъ совершенное уразумъніе природы. Полтораста учениковъ, которыхъ большая часть со-стояла изъ дътей, подобно Іоасу, воспитанныхъ подъ сънію храма, вдами отъ внъшняго міра, учились пъть безконечное вемичіе Господа, и, чуждые власти моды и перемънъ, вмъстъ съ отличнымъ курсомъ практической музыки, проходятъ курсъ исторіи музыкальныхъ произведеній. Невыразима прелесть этихъ дъвственныхъ голосовъ, поющихъ великія композиція, внушенныя духомъ христіанства. Шоронъ уничтожиль при нихъ оркестръ, будто для того, чтобы простота ихъ была еще поразительные. Тамъ юноши наполняли свою память всемъ, что есть прекрасивищаго въ старинныхъ авторахъ, и научались судить, по выходъ изъ школы, не есть-ли иногда на языкъ искусства-злоупотребление то, что на языкъ моды зовется изобрътеніемъ? Часто въ одинъ и тоть-же урокъ слышишь, бывало, мъста изъ Палестрины, жив-шаго въ Италіи въ XVI въкъ; Генделя, жившаго въ Англіи въ началъ XVIII стольтія; Гайдена и Моцарта, Германцевъ, предше-ствовавшаго намъ періода. Такимъ-образомъ обозръваютъ трехъ великихъ геніевъ, три великія націи. Такимъ-образомъ, Шоронъ искусно сближалъ готическія воспоминанія музыкальной литературы съ темъ, что въ новыхъ авторахъ есть свежейшаго, или и граціознайшаго. Великіе люди, поочередно, приносять дань своего генія, каждый съ своей особою физіономіей, своимъ оригинальнымъ характеромъ, всъ върные общему преданію. Любопытно, какъ сокровища гармоніи мішались туть съ самыми богаты-

ми, самыми чистыми, самыми приятными мелодіями, и какъ наука, постоянно подчиненная выраженію, служила тутъ только вспомогательнымъ средствомъ, подобно екалъ, полагаемой зодчимъ въ основу пирамиды, которая смелостью формъ и пареніемъ, какое онъ ей придалъ, кажется не принадлежитъ больше землъ. Въ настоящее время и этого уже нътъ; со смертію Шорона все прекра-THAOCE.... DEPENDENCE THE PROPERTY OF THE PROP

cas years the convent of the convents of some or some on the college. regalists the standard from the second record records selection

en crier againstic exageres YTPO, er stransfell sereguen sie

-получина в тусклый дучь дрожить; небо — чистое; И заря горить Золотистая; Синій паръ земли Разстилается; И свирѣль вдали Заливается. И звучить въ поляхъ Пъсня чудная... И струя въ волнахъ Изумрудная. credenator nava medicina? Operationenapaya

вичний почетилисти вызванием візничног выявный опунан. reput et reur, ver en nomer entropera erre commentante, mon a resident automate. Bereiche sonn von urgenne sennecht a saue conero cenia, namenti en encel occiono cualononidi, caonan opicumanagara suparrepona, non erguna of many molecular lindounte-

ears, the permitted of

den andress objectes

an niama ca orama

n dance an orns!

someour colist, upa manuis monin. Taxuna-ospenous, illagons

BOSPHH Based from a runs and

волрина О. в. Бассити

ФЕДОРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

BACEHOK'L.

Трагедія въ пяти актахъ,

вт стихахт.

АБИСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Our na Moseus

Василій Васильевичь Темный, Великій Князь Московскій.

Марія, его супруга.

Іоаннъ, десяти зътъ, въ-посаъдствіи Великій Князь, прозванный Великимъ, сынъ ихъ.

Юрій, восьми літь, второй сынь ихъ.

Софія Видолдовна, вдова Великаго Князя Василія Амитріевича и мать Темнаго. Дмитрій Юрьевичъ Шемяка, Князь Галицкій.

Князь Иванъ Можайскій, союзникъ Шемяки.

Өедоръ Васильевичъ Басенокъ, бояринъ и воевода московскій.

Наталія Сергъевна, его жена.

Бояринъ Ощера.

Бояринъ Старковъ.

Галка, дуракъ Дмитрія Шемяки. В подд превод на приводощ

Гриша, тюремный приставъ. втоговирая павто урожени парод

Аксинья, молодая вдова новгородскаго посадника.

Кузьминишна, няня Натальи Скрубевны.

московскіе. эн в зачавтанци и Т — Івпивиле Н

Второй бояринъ

Лица безь ръчей:

Кн. Борисъ Тверской; Удъльные Князья; московскіе, новгородскіе и галицкіе бояре; ливонскіе рыцари; Шведы; переметчикъ; стража великокняжеская; стража Шемяки; великокняжеские отроки; факелоносцы; музыканты.

Апистей перваго, втораго и четвертаго актовъ - въ Москвъ; третьяго - въ Галичь; пятаго - ет Новгородъ Великомъ.

the contain. He came, Bo-car extnement

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

явление первое.

Свътлица въ домъ Басенка; ночь; нъсколько дампъ; підемъ и мечъ на столъ.

выходъ і.

Наталья и Кузьминишна.

наталья (у дверей прислушивается).

няня (вытянувшись, на цыпочкажь и про
стирая къ ней руки, тихо).

Brenzill Brenzench

Maria ero cyupy Co.

Боярыня! помилосердуй!...

HATAHA.

Тише!

Итакъ, не обманулъ меня Димитрій!.. Онъ на Москвъ... Ахъ, няня, я дрожу... Ушамъ моимъ не върю...

ей накузьминищна.

Охъ, Наташа, Не върь ушамъ; тебъ лукавый шепчетъ; Ну, на-примъръ, скажи, что услыхала?..

наташа.

Кузьминишна! Ты не родная няня;
Ты отъ пеленъ за мною не ходила,
Не плакала со мною, не смъялась...
Покойница съ печали умерла,
Когда мнъ косу стали расплетать. —
Охъ! Ключъ отъ сердца моего заброшенъ,
Горитъ, — а некому тушить пожара—
Наемница! — Ты приставъ, а не другъ!!..

кузьминишна.

Пускай и приставъ! Богъ съ тобой, Наташа!
Ты бойкая такая! ни за что
Родную мать готова изобидъть.
«Кузьминишна!» бояринъ наказалъ:
«Изволь смотръть за молодой женой,
«Какъ за роднымъ дитей; не пей!» Не пью...
«Не спи!»... Не сплю. Во снъ забредишь...

Ter cankender ... U. a sharamaran or residente

Отраци приня на том поводить приня п

BROWNING BE-MYNT BELLEAR RECURE

Я говорю во снъ?

кузьминишна.

Не говоришь, А дичь несешь про Дмитрія Шемяку...

наташа.

Кузьминишна! Ты слышала? Онъ слышалъ?

кузьминишна.

Куда ему! Какъ богатырь заснеть,
Такъ въдьма помъломъ чеши усы,
Колдунъ на лбу вертись на остромъ шилъ,—
Храпитъ себъ и не чихнетъ ни разу...
А все-таки про-случай, чуть начнешь
Про Дмитрія, я потихоньку встану
И бережно бужу тебя...

MOINTE, HETGINE, Thurs, AMARAH

A 8?

кузьминищна.

А ты вздохнешь, съ закрытыми глазами Перевернешься — и уснешь спокойно. — Пускай и приставъ!.. Богъ съ тобой, Наташа!

HATAMA, O ROM BROOT WITHER TRAIL

И ты ему ни слова не сказала...

кузьминишна.

Нашла донощицу! Что это, право; До горькихъ слезъ изволишь обижать...

наташа,

Прости меня, Кузьминишна, прости!
Ребенокъ я, людей не разумъю.
Есть тайна у меня — и я отъ всъхъ
Съ моимъ гръхомъ, съ моей бъдою прячусь...

од окузьминишна пиче оден .. выпроменя

И отъ отца Ивана?

наташа. спокон гори винода. П

И отъ Бога

Тоску мою хотъла-бъ схоронить! Вотъ видишь, няня, нянюшка, мой ангелъ-Хранитель, ты журить Наташу станешь, Ты скажешь... О, я знаю, что ты скажешь!.. Отецъ и мать мнъ то-же говорили... Бранили, за-мужъ выдали насильно...

кузьминишна.

Насильно!

A name seedens upo Jantamarancuary.

Да, я мужа не любила

И не люблю... спила стата по стата по тенничниция и

кузьминишна.

Наташа, цыцъ! молчи!
Да этакого дива на Руси
Не слыхано, не видано! Ты Богу,
Наташа, солгала; ты хочешь, аль не хочешь,
А Оедора Васильича люби!
Мужъ не иное-что, а мужъ законный!
До свальбы не люби себъ, пожалуй,
А вышла замужъ — бойся и люби!..
Молись, Наташа, Богъ пошлетъ любовь...

наташа.

Послалъ, послалъ! На горе мнв, на муку...
И вотъ ужъ больше году, каждый день,
Во снъ и на яву моя заноза
Больное сердце пуще, пуще колетъ;
Какъ знать, тоска моя отъ дътъ затихла-бъ,
И горькая слюбилась-бы мнъ доля,
Да помнишь-ли день Покрова? мы спали...
Вдругъ...

Няня, ты зажмурилась? У примосов примы

кузьминишна.

Отъ-страха;

Морозъ, какъ вспомню і Этакого чуда... Куда!.. и старожилы не запомнятъ. — Я сплю и слышу: будто подо мной, Подъ самою кроватью вътеръ ходитъ; Вскочила... подъ землей гудитъ; хоромы Качаются; и бревна въ потолкъ, И бревна подъ поломъ со скрипомъ ходятъ.. «Мерещится!» подумала; такъ нътъ; И ты проснулась, бросидась съ кровати... А тутъ задребезжали окна; двери Сами-собой раскрымись, а со стъпъ

Посыпались ръзные белендрясы... Я такъ п растянулась на полу...

наташа.

А я бъжать куда, сама не знаю... На улицу!.. А тамъ толпа народу; Кричатъ, кладутъ поклоны на соборы; Гляжу, кругомъ дома и колокольни Качаются, что старыя деревья, Когда ихъ вътеръ съ ласкою колышетъ... Но это диво скоро миновалось. Варугъ, слышу, кто-то за руку меня Взялъ бережно: «Наташа» молвилъ тихо... Тутъ женскій стыдъ мнь бросился въ лицо; Я руку вырвала, хочу бъжать, А ноги будто приросли къ землъ... «Наташа» молвилъ онъ: «скажи мнъ слово, «Любъ я тебъ?..» Молчу, дрожу отъ страха: «Любъ? такъ ступай за мной, твой мужъ далече; «Следовъ твоихъ бояринъ не отыщетъ; «Не любъ; такъ Богъ съ тобой! Прощай на-въки!..» — «Любъ, любъ!» кричу. Я такъ перепугалась, Чтобъ съ горя онъ въ ръкъ не утопился, Рукъ на себя не положилъ...

кузьминишна.

А онъ?

НАТАША.

А онъ кричитъ: «Клянусь тебъ, Наташа, Ты будешь надъ московскимъ государствомъ Стоять эвъздой...

У мужа твоего Куплю тебя за всю казну мою, Не то, какъ муху раздавлю...»

кузьминишил.

А ты?

наташа.

Дрожала, няня, видитъ Богъ, дрожала И върила...

кузьминишна.

Кому Наташа? Вору!

Злодъю и земли и Государя!!.. Крамольнику Димитрію Шемякв!!.. Т. V.—Отд. I. HATAIHA.

Не слушай, наня, городскія сплетни...

кузьминишна.

Ну, что-же ты, Наташа, отвъчала? За этакіе честные посулы, Нашъ братъ, простой, вцъпился-бы въ загривокъ; Поволокла-бъ его я, какъ салазки, Мальчишекъ-бы на спину насадила И къ Чудову на паперть отвезла-бъ; А полъ мужской по своему-бы кончилъ. Ты, нъженка, растаяла небось?! Ну, что-же ты, Наташа, отвъчала?.,

ВАТАША.

Молчала! Онъ взяль за руку меня, Повель; а туть сбъжалась наша дворня; Хотълъ онъ въ переулокъ, не успълъ...

кузьминишил.

Воръ, окаянный!...

наташа.

«Такъ и быты!» сказалъ:

«Уступимъ, только не пройдетъ недъли, «Я изъ Кремля, съ московскаго престола, «Пришлю, Наташа, за тобой!...»

кузьминишна.

Разбой!...

наташа.

Кузьминишна, помилуй!

кузьминишна.

Воры, воры!!..

Соблазиъ, содомъ!

наташа.

Умилосердись, няня...

выходъ п

Тъ-же и Басеновъ.

EACEHOKT.

Что тутъ за крикъ?

кузьминишил, (дрожа и запинаясь). Съ просонковъ, государь Бояринъ... Чортъ приснился, государь Бояринъ!.. И не чортъ, а князь Димитрій Шемяка, государь бояринъ!.. Силой Онъ на престолъ московскій умостился...

БАСЕНОКЪ.

Сидитъ, сидитъ!...

OEB.

Шемяка на Москвы!!

БАСЕНОКЪ.

Великій князь у Тройцы, по объту: Онъ молится за цълость государства, Онъ проситъ божьей помощи на Тверь, На Новгородъ и Псковъ, Рязань и Вятку, И на Литву и на Татаръ казанскихъ... Держава Ярослава, будто стадо, Разогнанное хищными волками, Подъ крылія Москвы сбираться стало... Донской и сынъ его Василій, мудро Шли къ цъли, шагъ за шагомъ, и Москва Стяжала первенство... И Тамерланъ И Витолдъ злые зубы искрошили, А тутъ измъной царь Махметъ Казанскій Беретъ въ полонъ московского владыку, Отца князей... И не князья, бояре, Мы, гръшные, за Князя дали окупъ... Князья? Куда! По русскимъ городамъ Шолъ пиръ горой, - князья торжествовали; Косой, кривой, сльпой, косноязычный, Гурьбой полезли на престолъ московскій, Народъ стопалъ отъ язвы и пожаровъ; Какъ-будто нъкій вътеръ ядовитый, Шолъ черный моръ, за нимъ грядами трупы Ложились, и разгиъванное Небо Кремлевскими холмами потрасало... Никто не видълъ и не слышалъ Бога! Князья топили, разали другъ друга, Насиловали жонъ, ругались Церкви, Наследье Ярослава продавали, Какъ собственность, Татарамъ и Литвъ! Ты все стерпьят, всемня осердый Боже! Вотъ и сегодия, - страшно и подумать! -Какъ воры въ Кремль вошли князья съ Шемякой, «Гоните прочь!» я говориль боярамъ:
«Не дозволяйте ночевать въ Кремлъ:
«У нихъ есть замыслъ.» А бояринъ Старковъ
Ихъ принялъ въ домъ, затъялъ пиръ, послалъ
Гостей сзывать—и гости спятъ... Убиты,
Заръзаны... Кремлевскія ворота
Шемякины клевреты сторожатъ,
Злодъй послалъ и за Великимъ Княземъ
Надежныхъ изверговъ, но позабылъ,
Что Басенокъ въ Москвъ, не спитъ, все видитъ...

Пируй, княжи, Шемяка, до-зари!..
Я лягу спать! Ко миз не проберешься:
Сто молодцовъ засъли на дворъ!
Они со мной твои-жъ дружины били;
Забылъ,—такъ мы тебъ напомнимъ завтра...
Пойдемъ, Наташа .. Ты дрожишь...

наташа.

Ахъ, Оедоръ

Васильичъ! За тебя...

кузьминишна (про себя). Прости ей, Боже!

Мнъ жизнь твоя такъ дорога, ты знаешь...
И что ты сдълаешь одинъ?... Погибнешь?
Никто не вступится, не пожальетъ
Василія; онъ брата ослъпилъ
Василія Косаго; у Шемяки,
У Краснаго, поотымалъ удълы;
Татарамъ кланялся... Его не любятъ...
Побереги себя; мнъ страшно, Оедоръ
Васильевичъ... Ты вдовой меня оставишь...

кузьминишна (про себя).

Вретъ, не о томъ тужитъ! Прости ей, Боже!

наташа.

А дълу не поможешь. Ты одинъ!

васенокъ.

Э, матушка! Теперь не время думать— Одинт-ли, не одинъ. Внукъ Дмитрія Донскаго— Законный и единый Государь. Другіе—хищники законной власти. 100

Враги отчизны, мать свою терзають. Умру, а лжекнязьямь служить не стану...

натаща.

Но если и Василія захватять...

БАСЕНОКЪ.

Захватять! Нать, онь знаеть обо всемь; Мой дворянинь съ-утра еще повхаль, Какь птица въсть къ Василію понесъ... Не бойся, все улажено на гибель Крамольному Димитрію Шемякъ... Ну, спать пора! Пойдемъ, Наташа!

наташа.

Оедоръ

Васильичъ, ты меня совсемъ не любишь,...

БАСЕНОКЪ.

Я не люблю тебя Наташа, я? Голубка Божія, мой чистый ангель! Я о любви нескладно говорю; Но сколько разъ, когда ты спишь покойно И шепчешь неразгаданныя ръчи— Я сяду надъ тобой, дохнуть не смъю, Гляжу на красоту твою-и плачу, И Бога за жену благодарю!... Наташа, я люблю тебя безумно! Въ походахъ, въ думъ, гдъ-бы ни-былъ л-Твой образъ возлъ... Стыдно говорить, А я тебя къ Кузьминишнъ ревную... И только дома, на твоей груди, Покой и миръ дуща моя находить. Что это? Стукъ! Кого Богъ шлетъ такъ поздно?.. Ступай, Наташа: можетъ-быть, чужой. Кузьминищна, веди въ опочивальну Боярыню... прости, моя Наташа!

кузьминищна (ведя подъ руку Наташу).

Притворщица! Накажетъ Богъ, Ей Богу...

(Наташа останавливается).

Еще есть время, дитятко... Покайся!... Признайся, онъ помилуетъ...

наташа (ст досадой).

Пойдемъ!

Ахъ, дура! Гръхъ сорокъ разсказала...

выходъ III.

вленокъ (одинт, одъваясь во всеоружів.)

Отчизна, Государь и ты, Наташа!...
Три сердца у меня! Въ одномъ блаженство, —
Съ тобой, жена! А въ тъхъ и страхъ, и горе!
Дождусь-ли я конца твоимъ страданьямъ,
Священный край! Увижу-ль Государя
Покойнымъ и счастливымъ Самодержцемъ!
Услышу-ли?

выходъ іч.

Басенокъ и Галка.

PAJEA. TO EDEL SET OF ITERATIONE

Сей-часъ услышишь, Оедя...

БАСЕНОКЪ.

Ахъ, Галка, это ты...

FAARA.

Ужъ точно галка!

Ворона! Нътъ-ли птицы пострашнъе? Такъ я та птица.

БАСЕНОКЪ.

Что зашолъ такъ поздно?

ГАЛКА:

Ужъ точно поздно! Оедя, у тебя Измѣной пахнетъ. Духъ такой недобрый Въ твоихъ покояхъ... Можно осмотръть?

БАСЕНОКЪ.

Что это значить, Галка?

ГАЛКА.

Ничего!

Иной косой, а совъстно сказать:
Ты косъ. Иной любовницу голубитъ,
Поди скажи ему: твоя голубка
Съ другимъ воркуетъ тайную любовы!...
Все это притча, къ дълу не идетъ,
А все лисъ не гръхъ поосмотръться...

(подходить къ дверямь опочивальни).

Вотъ видишь, тутъ подслушивалъ насъ кто-то...

БАСЕНОКЪ.

Наташа! Страхъ простительный!

TAJKA.

Ну да!

Подслушала и матушка моя, Какъ Дмитрій Юрьичъ, онъ-же и Шемяка, Ударилъ въ темя моего отца... Тоть взяль и умеръ на-смерть, на-поваль; Что-жъ матушка? пошла благодарить... Шемяка молвиль: «Не за что, красотка; Лавно уже тебя любить хотълось, Ла вотъ чурбанъ торчалъ мнъ на пути. Лавай любиться!» И давай любиться; Перетащили матушку въ хоромы, Съ прикладомъ, то-есть съ сундукомъ и съ сыномъ; И тъшились, и лакомились сладко Съ недъльку; тамъ другая подвернулась, Лицомъ поглаже, теломъ подородней, Льтами помоложе. Князь Димитрій Хотыль съ двумя любиться; мать моя Какъ вскинется; повздорила за пиромъ, Ножомъ хотъла прихватить сестрицу... «Ахъ ты срамница!» закричалъ Шемяка, Схватиль въ охабку, на крыльцо, да въ прудъ Бултыхъ! И поминай какъ звали...

БАСЕНОКЪ.

Извергъ!

TAJKA.

Что было, то прошло,—не воротить! Меня ростиль Шемяка для потъхи И выростиль. И тышу и помъщу, Да воть не подберу себь подъ пару Такого-жъ дурака. По всей Москвъ Ты, Оедя, мнъ по-вкусу и по-нраву; Я какъ зъницу ока, берегу Тебя, бояринъ. И теперь, какъ только Василія въ оковахъ привезли...

БАСЕНОКЪ:

Василія-въ оковахъ!!.

PAJKA.

Тише, тише!

Боюсь, чтобы покойница мол Насъ не подслушала... ВАСЕНОКЪ.

Великій Киязь, Глава Руси, отецъ Киязей—въ оковахъ!

TAAKA.

Отецъ или племянникъ, или дядя,...
Тутъ все-равно... Въ оковахъ, на телегъ,
Прикрытаго попонами, соломой,
На Кремль втащили Князя въ-тихомолку;
Въ подвалъ свалили на дворъ Старкова;
А сами, съ гръшной скверной на устахъ,
Давай совътъ вести съ столътнимъ медомъ.
Лихой совътчикъ!

БАСЕНОКЪ.

Галка, замолчи! Ты лжошь! Тебя Шемяка подослалъ, Чтобъ выманить меня на пиръ къ Старкову... Ты хочешь...

FAJKA.

Ничего я не хочу. Иванъ Можайскій да Борисъ Тверской Василія у Тройцы захватили, Въ Кремль привезли, въ темницу заключили И за болрами послали. Димитрій Велитъ себя Великимъ Кияземъ ставить...

БАСЕНОКЪ.

Не согласятся...

TAAKA.

Согласились, Оедя!

Дуракъ-ли онъ—звать Басенка въ совътъ? Все безъ тебя покойно обойдется;

А ты еще пожалуй нашумвшь;

Другіе, глядя на тебя, замнутся;
Пустымъ оръхомъ свалится злодъйство.—
Такъ пусть себъ сидить въ своемъ дворъ,
Какъ ежъ, пускай ерошится и злится,
Шипя, стальными иглами поводитъ
А завтра онъ, какъ Государь законный,
Заговоритъ, и голыми руками
Возьметъ тебя, какъ чванную лягушку...

БАСЕНОКЪ.

Нътъ, Галка, обожжется гость незванный!

Отъ ужаса бояре онвивли; Я разрышу трусливый ихъ языкъ... Какъ пламя изъ безчувственныхъ кремней Я извлеку изъ нихъ сознанье долга! Изъ рукъ убійцъ—Василія исторгну! За мной!

(Поспъшно уходить). гама (медленно за нимъ слъдуя).

Ступай! ты справишься одинъ! Въ открытомъ полъ я плохой союзникъ...

явление второв.

Палата въ великокняжескихъ хоромахъ.

выходъ і.

Бояре.

первый бояринь.

Что слышно добраго?..

второй бояринь.

Морозъ крвичаетъ...

А у тебл Бояринъ?..

первый вояринь.

У меня?

По-старому... Ну, а того... какъ слышно...

второй бояринъ.

Не знаю. Какъ другіе... Отойди Пожалуй... неравно подмътятъ...

первый сояринь.

Полно,

Бояринъ, будто сродичамъ нельзя Между собой и слова перекинуть?.. Ты зять, я тесть... ну, что моя Марфуша?..

второй болринь.

Въ деревит, тестюшка, ты будь покоенъ, Сподобилъ Богъ укрыть ее отъ вора... Ей-Богу идутъ... Извини, бояринъ...

(Поспышно отходить высторону).

выходъ и.

Тъже, Софья, (въ одеждъ вишневаго цвъта, съ желъзнымъ костылемъ), Иванъ Можайскій и Стража.

пванъ можайскій.

Ступай, ступай, литовская волчица!

Отецъ твой Витолдъ съ поганью своей Не прибъжитъ на помощь...

софья.

И не нужно! Я ни себя, ни сына не жалью! Зачемъ васъ миловалъ! Зачемъ Косаго Злодъя только ослъпилъ! Все племя, Племянничковъ зачанъ не перевъщалъ... Я говорила: съ корнемъ вонъ злодеевъ, Внукъ Витолда и Дмитрія Донскаго. Коси ихъ, Вася, ръжь, а подростутъ, Не справишься; а если бабье сердце За пазухой, такъ отними удълы, Не то, Москву у самого отнимуть... Ну, сталось, правду каркала ворона. Повдемъ, Князь! Племяннику Шемякъ Проклятье оставляю: всехъ Князей. Сподвижниковъ злодъя проклинаю: А ты, Иванъ, не стопшь и проклятья! Богъ съ вами, раболънные бояре! И не глядять на старую Княгиню, Какъ росомахи подъ станой снуются, А выползуть къ Шемякинымъ ногамъ... Я буду ждать васъ въ ссылкъ. До свиданья!

выходъ ии.

Тъже, Марія и Борисъ Тверской со стражей.

MAPIS.

Умилосердитесь! Гдъ мой Василій, Гдъ мой супругъ?.. не разлучайте насъ! Молю васъ...

софія.

Замолчи! Кого ты молишь?
Рабовъ мятежныхъ, подданныхъ своихъ!
И въ ссылкъ ты— Великая Княгиня,
Ты и въ темницъ мать Руси Восточной,
А эти— воры, хищники— и только!
Ты не забудь: твой дъдъ—Владиміръ Храбрый!
Онъ брату старшему умълъ служить,
Служилъ племяннику, служилъ-бы внуку
И этихъ мелкихъ, пряничныхъ злодъсвъ

Держаль-бы за уши... Его не стало— И шайка гръшниковъ пошла на Бога, Кто на престолъ Василія помазаль; Великимъ Килземъ ставитъ Богъ, не люди.

MAPIA.

Мужъ, дъти...

соф1я.

Дъти въ безопасномъ мъстъ. Ужъ будто на Руси не стало Русскихъ! Не все-жъ одни крещоные Татары... А мужу—подъломъ: зачъмъ щадилъ, Зачъмъ изъ клътки коршунамъ далъ волю...

MAPIS.

И эти коршуны его замучатъ...

софія.

Э, ничего не сдълаютъ худаго, Сошлютъ, запрутъ въ темницу, Богъ увидитъ, И молніей темницу отопретъ...

выходъ іч.

Тъже и Басенокъ, (вбъгаетъ въ ужасъ; всъ окружаютъ его).

Что Басеновъ? Что значить этоть ужасъ? (Басеновъ движенівми показываеть, что онь мишился голосу).

нарія.

Онъ умерщвленъ! Мой мужъ убитъ, заръзанъ!..

васенокъ (съ усиліемь, голосомь прерывающимся оть рыданій).

Лишонъ очей... Великій Князь Василій!

(Маріл съ крикомъ, безъ чувствъ, падаетъ въ кресла, у Софіи изъ рукъ валится костыль; болре, силвъ шапки, въ ужаст поднимаютъ руки къ небу; князья отворачиваются).

БАСЕНОКЪ.

Зачемъ не я!.. Зачемъ мне эти очи? Чтобъ видеть стыдъ отца моей отчизны И торжество коварнаго Шемяки?.. Сюда, сюда, шинящее железо. Не нужно мнъ очей, мнъ слезъ не нужно;
Не нужно жизни... Боже! что я видълъ...
Зачъмъ я видълъ!.. Въ глубинъ подвала
Я слышу крикъ произительный; къ окну,—
Рванулъ за раму,—дубъ не устоялъ;
А тамъ желъзо... за ръшоткой свътъ...
Прочь, прочь, я не хочу воспоминаній...
Я обезпамятълъ, сталъ нъмъ... Мой Боже,
Зачъмъ ты возвратилъ языкъ и цамять!..

выходъ V.

Теже и Галка.

FAAKA.

Великій Князь и Государь Москвы Владиміра, Коломны, Ярославля И разныхъ прочихъ городовъ и селъ Димитрій Юрьичъ—жалуетъ бояръ Своимъ приходомъ... Кланяйтесь, бояре, А я вамъ кланяюсь и поздравляю!

софія.

Вставай Марія, наша скорбь священна: Ее не долженъ видъть окаянный; Ты взоры кроткіе облей величьемъ, Ръчь преврати въ отравленныя стрълы... Не жалуйся словами, а казни! Подай костыль мнъ, Басенокъ!.. Идетъ... Марія!..

васенокъ (поддерживая Марію).

Государыня Княгиня На эту руку можешь опереться... Ни Князю, ни тебъ не измънитъ!

выходъ VI.

Тъже, Шемяка, (въ великокняжеской одежав). Удъльные Князья, Бояринъ Старковъ; слуги съ факслами и стража.

шемяка.

Бояре, со слезами на очахъ, Я возвъстить пришолъ печаль мою! Душа моя прискорбна, сердце въ смутъ, Но я исполнилъ общее желанье... Презравъ старайшинство, обычай предковъ, Василій завладълъ Москвой насильно, Роднаго дядю, нашего отца, Онъ опоилъ, какъ говорятъ, отравой; Василія Косаго ослепиль; Другой мой братъ, Димитрій Красный, также Преставился сомнительной кончиной; Меня держаль не разъ въ своихъ темницахъ, Не знаю, какъ оставилъ жизнь; навърно Казнь хитрую обдумываль мучитель; А между-тъмъ во всъхъ Удълахъ нашихъ, Хозяйничалъ, какъ собственнымъ наслъдьемъ; И вотчины, и города, и села По воль отымаль и раздаваль; И русскія отвъчныя владънья На кормъ дарилъ Татарамъ и Литвъ; И русскимъ золотомъ поилъ невърныхъ... Исполнилась долготеривныя мъра. Внимая нашей благости душевной И внука уважая въ немъ Донскаго, Василію мы подарили жизнь, А отняли завистливыя очи...

Какъ старшій между русскими князьями, Я ваши клятвы съ горестью приемлю; Великокняжество не льститъ Шемякъ; Я испыталъ и знаю бремя власти; Да отказаться не имъю права И долженъ вашимъ просьбамъ уступить... Марія, бълная! Я знаю, горько Тебъ прощаться съ именемъ и саномъ; Но върь, въ величіи соблазну много... Душа твоя иной достойна жизни; Ступай-же въ Угличъ: тамъ душа твоя Найдетъ и миръ и для молитвъ сподвижницъ.

А ты, совътчица злодъйствъ ужасныхъ, Ты научила ослъпить Косаго...

софія.

Неправда, лжошь, Шемяка: я учила Повъсить и Косаго, и тебя! Рабъ добрый сердца добраго достоинъ, А ты достоинъ былъ позорной плахи, Теперь—уже проклятья! Проклинаю!

шемяка.

Литовская волчица, замолчи! Отръжу я тебъ языкъ змъпный!

софія.

Спасибо! Мить языкъ теперь ненуженъ! Казнь для тебя я низведу молитвой; Громъ Божій не пойдетъ на червяка; Велитъ, такъ воробей тебя проглотитъ...

шемяка.

Гей! Въ Чухлому литовскую волчицу; А не уймется, на цвии держать... Московскіе бояре, что-жъ стоите? Гдв ваши клятвы? Я вашъ государь, Глава Князей и госиодинъ Москвы! Не миъ напоминать вамъ долгъ присяги.

князь пванъ.

Старъйшимъ признаемъ тебя, Димитрій!

старковъ (становится на кольна; за нимь и другіе болре.)

Прими отъ насъ присягу, Государь! Мы всъ..

шемяка.

Не всв! Вонъ Басенокъ стоитъ, И долгъ свой забываетъ...

BACEHOKT.

Никогда!

TAJEA.

Бояринъ, въдь пе сломится кольно; Ты хоть для шутки присягни; а послъ Привыкнешь; слюбится. Другимъ слюбилось!

васенокъ.

Присяга—честь! Въ присягъ—третій Богъ, Свидътель и блюститель въчной клятвы... Василій живъ, жива моя присяга, Не пэмъню; онъ Государь в мнъ И вамъ, бояре, и тебъ, Димитрій; Ты рабъ мятежный, тать ночной, обманомъ, Соблазномъ и сообществомъ злодъевъ

Вползь, тихомолкомъ, въ спящую Москву! Ты, какъ разбойникъ на большой дорогъ, Передъ лицомъ свидътелей святыхъ Василія схватить не убоялся. Сообщникъ добрый, Князь Иванъ Можайскій Своихъ бояръ, какъ птицъ домашнихъ жарилъ! Другой укралъ жену роднаго брата... Союзники, достойные тебя! Гдв на Москву права твои, Шемяка? Хотя-бъ ты былъ какъ внокъ сердцемъ чистъ, Лушой возвышень, какъ Владиміръ Храбрый, И доблестенъ какъ Витолдъ и Донской, Все былъ-бы добрымъ подданнымъ-и только. Довольно этихъ безтолковыхъ споровъ; Отъ нихъ погибла Русь; она возстанетъ! Удъльные князья, по вашимъ трупамъ Она взойдетъ къ единству и свободъ! Священный край-какъ мученикъ, лежитъ; Изъ ранъ его текутъ потоки крови; Враги-его живое тело режутъ. Вамъ мало-вы терзаете остатки, И если-бъ Бога не было, всю Русь Вы продали-бъ за-часъ провавой власти!.. Тебъ-ль, Шемяка, шанка Мономаха? Одумайся! Ты на игрушкахъ нашихъ, На смирной клачь усидьть не могъ; Ты богатырь на жонъ и на вино! Какъ будто-бы татарскіе улусы, Тъ города, гдъ княземъ ты сидълъ: Въ хоромахъ только жоны, да бочонки, Да грабленное серебро; злодъйство — Твой богъ, твоя природа, промыслъ, право! Вотъ и теперь, ты предо мной стоишь, Сугубо крыпкимъ медомъ отягченный, Обрызганный порочной, смрадной грязью, Въ глазахъ блистаетъ пламень Вельзевула, Уста твои крованымъ паромъ дышатъ. Кровь на тебъ проклятіемъ дымится! Цареубійца, прочь, цареубійца!..

шемяка.

Гей! кандалы! сковать и бросить въ яму!

(Воины съ цъплми подходять.)

васеновъ (вырвавт у нихт цппи.)

Цълую васъ, священныя оковы! Благословляю муки страшной пытки!..

На кольнах, собравт и подплет вверхт цъпи. Не усомнись, Великій Князь Василій! Предъ ликомъ Бога и его Святыхъ, Передъ лицомъ великаго потомства, Предъ сонмищемъ клятвопреступныхъ братій, Вотъ этими почотными цъпями, Женой, родителей священныхъ прахомъ, Тебъ, Василій, и тебъ, Марія, Тебъ, Руси надежда, Іоанпъ, Вамъ, вамъ, отцы мои и Государи, Я присягаю!..

АКТЪ ВТОРОЙ.

явление второе.

Яма или подземная темница.

выходъ і.

Басенокъ и Приставъ.

васенокъ (прикованный кт камню.)

Такъ вотъ что пишутъ иноки честные, Наочные свидътели событій...

приставъ

Да, потрудились, нечего сказать, И Калита, и Дмитрій, и Василій, Да понапрасно...

БАСЕНОКЪ.

Нътъ, непонапрасно;

Теперь идетъ послъдияя борьба; Какъ снопъ Шемяка свалится съ престола; Рязанскій и Тверской Москвъ уступять; А мелкіе, какъ мыши, разбъгутся Отъ дюжаго кота. Повърь мнъ, Гриша, Несчастіе, какъ счастіе, проходитъ;

Несчастье дрожжи для счастливыхъ дней. Жельзо жгуть, жельзо быоть, такъ что-жъ? И выкуютъ булатъ.-Его ни молотъ, Ни пламя не возьметъ. Ну, Гриша, полно, Усталь тебь разсказывать... Чай поздно.,.

приставъ.

Не зналъ ты устали Бояринъ Осдоръ Васильевичь, когда мы Новгородцевъ Съ тобой въ снъгу топили, словно зайцовъ; Когда Татаръ Казанскихъ провожали, И съ проводовъ, какъ съ пира, возвращались! Припомнишь-ли, въ Коломнъ, на игрушкъ, Безъ отдыха, ты семь богатырей Ссадилъ съ съдла! Князь Оболенскій-Стрига, Одинъ съ гобой боролся, да недолго; Я лошадей ловить не успъвалъ.... Никто не шолъ играть съ тобой, а ты Коня, дыбкомъ, какъ щепку, подымаешь... Тогда не зналъ ты устали, бояринъ; А кажется недавно; нътъ и года Изъ конюховъ я въ приставы назначенъ; И было хорошо; въ пустыхъ темницахъ Ниодного жильца; а вотъ въ три дни Пришлось сажать и трехъ въ одну палату... Богъ милостивъ! Ударитъ скоро полночь На боевыхъ часахъ нъмецкихъ; молотъ, Пила, клещи... Стучатся! Государь Бояринъ... Можетъ-быть...

BACEHORT.

Что можетъ-быть?

Убійцы! Я готовъ.

приставъ.

Возьми-ка молотъ Про случай! Онъ въ твоихъ боярскихъ ручкахъ За шестоперъ булатный постоитъ... Что разстучался! Слышу! Погоди!..

выходъ п.

БАСЕНОКЪ (одина, ездет ет руки молоть.)

Пристукну. Даромъ жизни не продамъ. Т. У.-Отд. І.

Какъ мертвецамъ, что ходятъ послъ смерти, Я въ горло колъ вобыю, чтобъ не ходили...

выходъ III.

Басенокъ, Галка и Приставъ.

васенокъ.

А Галка! Что ты съ ворономъ придумалъ.

FAJKA.

Какой онъ воронъ-нъжный голубокъ, А галка-ласточка съ веселой въстью... Чортъ знаетъ! Не поймешь теперь людей; Изволилъ братцу выколоть глаза, И въ Чухлому сослалъ родную тетку, Бояръ кого сковалъ, упряталъ въ яму, Кого въ ръкъ до смерти закупалъ... Купцы пришли на судъ. Ну, ты истепъ? А ты отвътчикъ? Хорошо. Товаръ, Ты говоришь, что твой, а ты, что твой? Темъ лучше! Значить онъ ни твой, ни твой, А мой! А васъ-повъсить обонхъ. Впередъ не ссорьтесь. Я люблю порядокъ. Такъ разсудилъ Шемякинъ судъ. - И этотъ Великій, справедливый судія Чужой жены не смъетъ взять безъ спросу; «Поди, ступай, купи ее у мужа...» А что давать?—«Да что тамъ торговаться! Купи ее за волю...» Ну, бояринъ! Что-жъ, продаешь?..

(Басеновь, схвативь одною рукою Галку за горло, дру-гою поднимаеть надынимы молоть.)

приставъ.

Бей на смерть, а не то онъ перескажетъ

ГАЛКА.

Бей, Оедя, бей товарища, а послъ Изволь одинъ съ Шемякой управляться! Мсти за себя, и за меня прикинь!

БАСЕНОКЪ.

Нътъ, Галка, повтори! Ушамъ не върю! Онъ былъ въ моемъ дому, Наташу видълъ. галка (отходя от Басенка.)

Я, Оедя, отъ тебя подальше стану; Спасибо, что жельзныя веревки Надежны. Ну, теперь садись и слушай!.. Да этотъ приставъ! Что ему за дъло До нашихъ жонъ и матерей; пускай Себь илетъ.

БАСЕНОКЪ.

Онъ старый мой товарищъ,

Онъ добрый, честный человъкъ...

приставъ.

Спасибо,

Бояринъ...

BACEHOKT.

Ну, разскавывай проворно!..

галка.

Съ чего начать? начало далеко; Шемяка зналъ Наталію невъстой, Хотълъ на ней, какъ говоритъ, жениться; Она его безъ памяти любила, Да за тебя Великій Князь засваталъ. Такому свату трудно поперечить... Насильно косу расплели...

БАСЕНОКЪ.

Насильно!

Лжошь!

TANKA.

Можетъ-быть, да лгу не я,—Шемяка! Когда въ Москвъ былъ трусъ земли, Шемяка На улицъ поймалъ твою Наташу, Увелъ-бы, да твоя наткнулась дворня; Ну, а теперь, въ твосй опочивальнъ Онъ и она ждутъ Галку, не дождутся...

БАСЕНОКЪ.

Дай Боже силы цени разорвать... Убые его оковъ моихъ осколкомъ... Неверную жену на срамномъ ложе, Периной задушу, а эту ияню... Охъ! Всехъ, тебя, себя... Умилосердисы Признайся Галка! Клевета! Нарочно Придумали, какъ Басенка помучить!

TAJKA.

И у меня Бояринъ есть душонка, Дурацкая, да все-таки душа...

Наташа хочетъ кончить дъло миромъ, Себя потъшить давнишней любовью, Тебъ дать волю... Знаю я Шемяку; Онъ уступилъ Наташъ; говоритъ Она: «Люблю тебя, да мужъ въ темницъ. Дай мужу волю... я твоя!..»—«Изволь, Такихъ, какъ онъ, есть у меня довольно!— Поди скажи: пускай бъжитъ къ Татарамъ, Въ Литву, куда изволитъ... Ну, Наташа, Довольно-ли?..»—Та прыгъ ему на шею, А я изъ дому твоего бояринъ...

васенокъ.

Пилите цепи, разбивайте крючья! Скоръй, скоръй, умру, да не позволю Надъ честію боярскою ругаться! Что сердце? губка: кровью налилось, Слезами вспухло. Бъдная жена! Покойница, ты умерла, Наташа!.. Не ложе то любви и наслажденій;--То гробъ. - Въ цвътахъ, съ улыбкою невинной, Скрестивъ на персяхъ мраморныя руки, Блистаетъ замогильной красотой Твой хладный трупъ! Ты умерла, Наташа! Зачьмъ ты умерла? Тебя такъ страстно. Такъ пламенно любилъ супругъ постылый... Ты целовала мужа и лгала... Клялась въ любви богатой и лгала... Ты за меня боялась, и-лгала!!.. Я ложь твою благословляль, Наташа, Я Бога за жену благодарилъ!.. **А** ты... ты ненавидела меня: Слова мои ножомъ кололи сердце, И ласки, слезы моего блаженства. Мольбы мои... жена... ты проклинала! Ты не была женой, рабой татарской И Богу гръшницей была неволей... Какъ я теперь, и ты сидъла въ ямъ, И день и ночь безрадостное сердце Щемили кандалы... Охъ больно, больно!..

ГАЛКА.

Кому не жаль красавицы жены? Да этого завътнаго товару Довольно на Руси, не оберешься; И знаешь-ли, такому воеводъ Какъ ты-жена обуза. Въ хомутъ И конь вскачь не пойдетъ; рысцей плетется... А вожжи у жены. Чему другому, А върности ты бабу не научишь! Занозу выймешь ты у дикой кошки; Звърь у тебя за то полижетъ руку; А вынь изъ сердца женскаго занозу; Укуситъ, кинется въ глаза, а сердце Зальется кровью; смерть одна залечитъ... Ты правду молвилъ: умерла Наташа... Другой убилъ, пускай другой хоронитъ; А у тебя другая есть жена -Отчизна...

EACEHOKT.

Что ты мив напомниль, Галка!

Я думать сталь о собственной быдь, Когда въ плъну Василій, Русь въ пожарь, Москва въ рукахъ злодъя... Охъ, Наташа! Ты видишь-ли, какъ я тебя любилъ... Прощай! Я больше объ тебъ не вспомню; Я овдовълъ... (Рыдаетъ).

ГАЛКА.

Опять за туже пъсию...

EACEHOKE,

Прочь! Съ глазъ долой последняя слеза! Ступай, скажи Шемякъ... Право стыдно, Какъ будто волю я за грехъ купилъ.. Скажи: спасибо!.. Нетъ! Скажи злодъю, Что даръ его постыдный отвергаю... И въ яме до смерти сижу... Василій!!! Марія, Іоаннъ, не упрекайте! Иду! Пустите... Ты поди къ Шемякъ... (Шатаясь.)

Нътъ не могу, не въ мочь!

(Въ изнеможени упадаеть на камень)

приставъ (разбивая оковы.)

Да и не нужно.

Ступай, скажи Шемякъ, что за гръхъ Онъ жизни не отдастъ... скажи Наташъ...

БАСЕНОКЪ.

Ни слова! Скрой, что я страдалъ, что плакалъ! Скажи, смъялся надъ ея измъной... И не хочу ее ни знать, ни видъть!..

приставъ.

Бояринъ! ты свободенъ,..

БАСЕНОКЪ.

Я свободенъ!!...

галка.

Теперь въ Смоленскъ! Тамъ собираютъ войско Васильевы усердные друзья.

BACEBOKT.

Здёсь войско! здёсь идетъ смертельный бой! Побъдный крикъ мъшается со стономъ! Гляди, бъжитъ разбитый супостатъ! Нътъ, не уйдешь! Подайте шестоперъ!

(Выхватива иза рука пристава молоть). О, я прощусь съ Шемякой и съ Наташей... Цълуйтесь, я несу вамъ поцълуй... Любитесь, я васъ смертью сочетаю...

FAJKA.

Одумайся!

приставъ.

Бояринъ!

БАСВНОКЪ.

Прочь съ дороги! Посторонитесь! Левъ ушолъ изъ клътки! Быкъ съ бойни сорвался! Посторонитесь!

Уходить.

PARKA.

За нимъ! Онъ и себя и насъ погубитъ.

(Вст уходять.)

явление второе.

Большая палата въ дом'в Басенка; въ глубинъ лъстница въ свътлицу.

выходъ І.

Кузьмишна одна.

кузьминишна.

Вишь, полуночница! Въ большой палатъ
Огни горятъ; какъ-будто не слыхала,
Какъ деревянный Нъмецъ на часахъ
Вечернюю музыку провгралъ
И спать улегся... Вся Москва за Нъмцомъ
Въ перинахъ утонула — а Наташа
Сидитъ одна въ своей опочивальнъ.
Чай плачетъ... Нътъ, не плачетъ, а сидитъ
На бархатной скамъъ, перебираетъ
Въ рукахъ зернистый жемчугъ и каменья,
Сънныя дъвушки вокругъ хлопочутъ...
Что это значитъ? Заперто. Наташа...

голось наташи.

Кто тамъ?

кузьминишна.

Кто тамъ! Кому-же быть, Наташа, Какъ не Кузьминишнъ... Ей, право, я!

голосъ наташи.

Сейчасъ, сейчасъ, я ужъ совсъмъ готова!..

кузьминишна.

Готова?.. Какъ готова!..

выходъ н.

Наташа и Кузьминишна.

наташа.

Заравствуй, няня!..

Что, хороша ганзейская парча? А это полотно, какъ паутина; Не правда-ли, ужъ намъ съ тобой не выткаты! А жемчугъ новгородскій, погляди, Какъ-будто бобъ къ бобу, оръхъ къ оръху Подобраны; ну, а повязка, няня; Поворочусь, ослышешь, такъ блестить. Вотъ видишь, ты зажмурилась...

кузьминишил.

Отъ страха,

Боярыня!—Куда ты собралась? Не въ церковь-же, не въ гости...

наташа.

Жау гостей

Къ себъ, Кузьминишна.

кузьминишна.

Опять Шемяка!

наташа.

Опять, опять, и ввечеру и утромъ, Во снъ и на яву, хоть цълый день Смотръть-бы на него, его-бы слушать... Старуха, гдъ тебъ понять любовь! Припомни, можетъ-быть и ты любила!

кузьминишил.

91...

HATAMIA.

Можетъ-быть, тебя насильно замужъ Не выдавали...

кузьминишил.

Нътъ; не выдавали...

HATAMA.

Тебя съ постылымъ, няня, не вънчали?

кузьминишил.

Нътъ, не вънчали, а любить любила Кожевника Тараса, сласть не парень, Какъ сайка бълъ, дороденъ п румянъ; А краснобай, иной разъ такъ разскажетъ Что ничего въ толкъ не возъмешь, а плачешь. Да какъ-то невзначай снесъ у сосъда Сундукъ-ли съ бълками или мъшокъ, Перепугался и пошолъ въ Татары. Жаль! Слесарь Еремей ужъ былъ не то; Сухарь поджарый; правда, пилъ маленько; Зато въ присядку прыгалъ, какъ лягушка,

Затянетъ пъсню, соловья не надо;
Начнетъ козлинымъ тонкимъ голоскомъ,
Потомъ пошолъ, ударитъ въ перекаты,
Гдъ пальцами прищолкнетъ, гдъ присвиснетъ,
А индъ будто въ бочку загудитъ...
Сталъ часто горло промывать и померъ;
И много было разныхъ жениховъ,
Да мнъ уже любиться надоъло;
Махнула я на всъхъ на нихъ рукою
И стала въ людяхъ жить на полной волъ...

наташа.

Вотъ видишь-ли, Кузьминишна, ты многихъ...

кузьминишил.

Что многихъ? Нътъ боярыня, не правда; По одному, да въ очередь... И то Любить любила, да никто не зналъ; Отъ сверстницъ съ женихами я таилась; На сто шаговъ къ себъ не подпускала; Тарасъ поближе захотълъ подъвхать, Взялъ за руку меня, я размахнулась, Да какъ поздравлю... Чай теперь въ Татарахъ Щека горитъ, какъ вспомнитъ. Не замай. Стыдъ дъвичій — святое дъло...

наташа.

Няня!..

кузьминишна.

Что, няня! И жена живи дъвицей! — Мужъ въ ямъ, а жена пиры разводитъ, И наряжается въ парчи и жемчугъ. Не любишь? Сердце трудно приневолить, Да не позорься гръшною любовью...

наташа.

Въ беседе нетъ греха... Въ речахъ невинныхъ Съ Димитріемъ мы убиваемъ время... Другая, казнь на мужа низвела-бы, Преступникъ онъ, крамольникъ; по суду Могла-бы я законно овдоветь; Ну, а вдова живи-себе какъ хочешь, Что-жъ я? И жизнь дарю ему, и волю; Пускай бежитъ въ Литву; онъ богатырь; Нетъ счота ратнымъ подвигамъ его;

Литва — Москвъ сестрица, тамъ не мало Князей, бояръ московскихъ; пусть бъжитъ; Пусть женится. Изгнанникъ, отчужденъ И отъ жены, и отъ своей отчизны; Онъ воленъ, и жена его вдова Какъ-будто-бы онъ умеръ...

кузьминишна (со смъжомв).

Краснобай, Точь-въ-точь Тарасъ! Ахъ, бъдная Наташа, Въдь это говоришь не ты — Шемяка! Все это лесть, тутъ слова правды нътъ! Спроси объ этомъ у отца Ивана...

наташа (св досадой).

Что спрашивать! Я сердцемъ понимаю, Что Дмитрій правъ... Ахъ, это онъ!

(Бросается къ дверямь).

выходъ ш.

Тъже и Шемяка.

НАТАША.

Димитрій!

шемяка.

Haramal

(Обнимаются).

кузьминишна (запирая двери).

Запереть! Не отъ гръха, По-крайности, укрыть отъ пересудовъ.

шемяка.

Что-жъ Галки нътъ? Торгуется, бояринъ, И знаешь-ли Наташа, я жалью, Что отпустилъ боярина; Князья, Крамольные Васильевы клевреты, Сбираются въ Смоленскъ на меня... Да нътъ у нихъ начальника; шумятъ; О власти спорятъ; Басенокъ имъ нуженъ... Поступокъ мой бояре осуждаютъ; Но ты велъла!..За его свободу Блаженство... Рай!.. Охъ, Галка, жадный слухъ Шаги твои впередъ заслышать хочетъ... Что такъ печальна, милая вдовица?

Прижмись ко миж! Я разгоню тоску Живымъ привътомъ, жаркимъ поцълуемъ...
Развеселись, нашъ праздникъ на дворъ!
Не праздникъ, пиръ съ похмъльемъ не исходнымъ...
Насъ развели, любовь опять свела;
Забудь, забудь годину тяжкой скорби,
Забудь, что, ты моя невъста, силой
Была рабыней подлаго раба...

HATAMA.

Все къ лучшему... Ты зажилъ-бы въ удъль;
Забылъ-бы о своей Москвъ, престоль;
Великимъ Княземъ хищникъ-бы сидълъ.
Къ чему-нибудь Наташа пригодилась,
Не правда-ли? Ты ревностью вскипълъ;
Ты поклялся отмстить имъ за Наташу;
Ты вспомнилъ о своихъ правахъ. Димитрій,
Не нужны мнъ вънецъ, и санъ, и титло,
Ты только будь и счастливъ, и великъ...
Будь славенъ, какъ Донской, твой соименникъ,
Пусть всъ тебя, какъ я, душой полюбятъ;
Княжи! Я буду за тебя молиться!
Веди побъды на враговъ, а я—
Слегъ радостныхъ съ меня довольно будетъ!...

шемяка.

Наташа! Не молитвъ твоихъ я жажду... Живой любви, медовыхъ поцълуевъ, Твоихъ объятій жаркихъ...

(Наташа бросается къ нему на грудь)

голосъ басенка.

Отворите!..

кузминишна.

Ахъ, батюшка, боярскій голосокъ. Какъ Нъмецъ выпалилъ изъ самостръла...

шемяка.

Я безоруженъ... хитрая жена... Я въ западиъ; ты продала меня...

голосъ басенка.

Я выломаю двери! Отворите!

наташа.

Insurant received. Димитрій, ненаглядный мой, бъги...

(Шемяка бъжить.)

Сюда, по лестнице... Вотъ дверь въ светлицу; Тамъ лесенка въ заветный мой цветникъ...

(Падает на нижних ступеньках влыстницы; ударь молота въ дверь.)

Черезъ заборъ, тамъ Ханскій переулокъ... Спаси меня и заступи Всевышній!

БАСЕНОКЪ.

Гдъ онъ? Ушолъ! Ты не ушла, Наташа, И не уйдешь!

> (Бижить на нее, подилеь молоть; Наташа, сложиев руки падаеть передь нимь на колина, съ умоллющимь видомь; Басенокь нъсколько мгновеній стоить надъ ней неподвижный.)

Живи!.. Тебя насильно Со мной вънчали; я не милъ тебъ! Я твой палачъ... Жена, ты мнъ чужая!... Но гав твое сокровище, твой кладъ? Въ какомъ ларъ твой богатырь запрятанъ; Подай сюда Шемяку; онъ навърно, Какъ доблестный красавицы защитникъ, Оружьемъ отстоитъ свою покражу!.. Кузминишна!...

> (Кузьминишна проворно показываеть рукою на листницу. Басенокъ хочетъ идти туда, Наташа не пускаетъ.) Въ свътлипъ!...

> > НАТАША.

Онъ ушолъ!

Тамъ нътъ его!

БАСЕНОКЪ.

Найду! Какъ глыбу снъга Я съ крыши сброшу въ твой цвътникъ Шемяку; Твой розанъ, твой подсолнечникъ махровый, Лелей и пестуй! Прочы!..

выходъ у.

ТЪЖЕ И ПРИСТАВЪ.

приставъ.

Тамъ нътъ его!

Онъ кличетъ кличь, клевретовъ собираетъ... Огни я видълъ, стукъ оружья слышалъ...

БАСЕНОКЪ.

Ну что-жъ?.. Я здась... Я дома... У жены! Она върна мнъ... Мужа страстно любятъ... Она меня въ своей свътлицъ спрячетъ... Не правда-ли, Наташа...

наташа. Правда! Правда! БАСЕНОКЪ.

приставъ.

И за оборвыши оковъ священныхъ Уцъпится нечистыми руками; Бъжать не пуститъ отъ любви, отъ страсти.

Огни ужъ на дворъ...

кузьминшина.

Бъги, бояринъ...

НАТАША.

Прости! Спасайся!..

BACEHOKT.

Прочь! Ты мнъ чужая!

Была и у меня жена когда-то... Былъ домъ... Мой честный домъ-гнъздо соблазна! Жена-измънница... Жену я проклялъ...

(Наташа съ крикомъ подаетъ на руки няни; Басенокъ съ Приставомъ уходять.)

АКТЪ ТРЕТІЙ.

Въ Галичъ.

явление первое.

Палата въ княжескихъ хоромахъ.

выходъ 1. при за приз повоен

Галка и Кузминишна.

Здорово, матушка...

кузьминишна.

Отстань, дуракъ. Съ тобой и говорить мнъ непристойно... Я не шутиха, я не дура...

ГАЛКА.

Плакса!

Тоскуешь о Москвъ; нашъ бъдный Галичъ Тебъ пришолся не по вкусу; полно Печалиться; чай черезъ-часъ, другой, Придется и отсюда убираться...

кузьминишна.

А что?

TAAKA.

Да такъ; со всъхъ сторонъ Москва Обсыпала весь городъ словно макомъ; Какъ Басенокъ вернулся изъ Смоленска Съ союзными полками и напалъ На насъ въ расплохъ; мы храбро уходили, Москву воткнули въ зубы воеводъ, А сами въ лъсъ ушли, давай Богъ ноги! Ты помнишь-ли, какъ мерзла ты съ Наташей, А я бобромъ и соболемъ васъ грълъ; Варилъ похлебку на сырой землъ И бълый снъгъ топилъ для васъ на пойло...

кузьминишил.

Я говорила, убъжимъ, Наташа, Назадъ въ Москву... Бояринъ насъ проститъ; Куда! Сухарь ржаной въ рукахъ Наташи; Отъ стужи посинъла... а кричитъ: Пускай умру, да на его глазахъ; Въ такой бъдъ л друга не покину... Хотъла я одна бъжать въ Москву, Да къ вечеру дружина собралась; Насъ усадили на коней, что выоки, Приставили мохнатыхъ сторожей, И чуть не въ скачь угнали въ этотъ Галичъ. Порастряслась. Всв кости изломало. Пускай еще я, человъкъ простой, А то Великую Княгиню Софью Изъ Чухломы перевезли сюда Такимъ-же поъздомъ... Помилуй Боже, Чьмъ кончится вся эта кутерьма!

TANKA.

Чемъ кончится? Кузьминишна, я знаю Чемъ кончится... Да ты болтунья...

кузьминишна.

Галка,

Велишь, я онъмъю на три дни, Пожалуй на недълю...

TAAKA

На часокъ,
Кузьминишна! Нельзя теперь Шемякъ
Бороться; надо уступить; уступить;
Всъ выходы изъ Галича бояринъ
Надежнымъ людомъ осадилъ; осталась
Одна дорога—озеро... Шемяка
Уже готовитъ лодки... Не поспъетъ,
И насъ возьмутъ Кузьминишна въ полонъ...

кузьминишна.

Въ полонъ? Пускай себъ берутъ, я рада; Да что-жъ съ моей Наташей...

TAJKA.

Въ монастырь...

кузьминишна.

И постригутъ...

TAJKA.

На покаянье только! Бояринъ безъ Наташи жить не можетъ, Надъется, очистится молитвой, И будетъ снова милою женой...

выходъ и.

Тъже и Наташа (съ большимъ узломъ).

наташа.

Голубчикъ Галка, ты ужъ воротился! Ты былъ въ московскомъ станъ. Нътъ надежды На прочный миръ?..

TAJKA.

Московскіе бояре Василію въ соборъ поклялись, Лишить Шемяку воли и удъловъ. НАТАША.

Ахъ, няня, у меня его отнямутъ! Я не снесу разлуки! Галка, Галка! Кто старшій у бояръ?..

TAJKA.

Бояринъ Оедоръ

Васильевичъ!

наташа.

О этого не купишь! Другіе также власть имъютъ, Галка. Нельзя - ли ихъ подарками задобрить? Вотъ все, что мнь отъ мужа и Шемяки Досталось-жемчугъ, золото, каменья; Пять городовъ на этотъ узелъ купишь. Я знаю, какъ ты къ Дмитрію привязанъ... Все, все бери, неси къ боярамъ, больше Имъ объщай, торгуйся и клянись. Я, Галка, всъ твои исполню клятвы; Я имъ пошлю парчи мои и шубы... Я... Галка... ты уменъ, хитеръ, придумай, Что имъ сказать, что объщать... Ну, что-жъ ты? Спаси мнъ Дмитрія... Ты вспомни, Галка, Онъ для тебя отецъ, и благодътель... Ты вспомни...

ГАЛКА.

Помню я и не забуду...

наташа.

Такъ что-жъ стоишь ты, выпучивъ глаза! Со всъхъ сторонъ Москва стъснила Галичъ; На три часа остановили съчу; Исходитъ срокъ—не выдержатъ ни стъны, Ни воины; а брызнетъ кровь — тогда Месть Басенка какъ море изольется На бъднаго Димитрія...

кузьминишил. Довать Вашевая в !!

А ты,

Наташа...

НАТАЩА.

unou vanies Warming.

О себъ не хлопочу; Я стану у Шемякина плеча; Я буду стрълы подавать ему; подавать ему; подавать, я отъ князя не отстану; въ пытку и на плаху—вмъстъ!... Кузьминишна, умъла я дюбить—
И умереть за Дмитрія съумъю...

Hodesore, vincers no caminhamacky area.

Съумъешь - ли въ монастыръ молиться? Съумъешь - ли и стыдъ и гръхъ оплакать? Ужъ для тебя и келью припасли...

наташа (поблюднюет, вт раздумыи).

Что, если я куплю за эту цъну?...

опису ин выходъ ии.

Тъже и Шемяка.

наташа (бросается къ Шемякь).

Отдай меня, отдай меня, Димитрій!

шемяка.

Кому, Наташа?

наташа.

Басенку отдай;
Онъ, можетъ-быть, убьетъ меня, и жажда
Кровавой мести жалостью зальется;
Оцънитъ онъ любовь мою къ тебъ;
Я объщаю мужу покаянье,
Святую жизнь; я вымолю, Димитрій,
Тебъ свободу, монастырь—себъ...

шемяка.

Когда во свъ приснится мнъ разлука
Съ тобой Наташа—я дрожу и плачу;
Проснусь, вскочу и, какъ мертвецъ ходячій,
Бреду одинъ по темнымъ переходамъ
Къ твоимъ дверямъ; Кузьминишну бужу
И спрашиваю: тутъ-ли? Теремъ твой
Двойною стражей окруженъ; ту стражу
Въ ночь раза два я обхожу дозоромъ.
Тебя отдать, отдать свое блаженство,
Отдать свой рай... ужъ развъ съ жизнью вмъсть!..
Но милый другъ, опасность далека;
Два приступа я выдержалъ успъшно;
Т. V.—Отд. I.

Готовъ на третій; камни и смола,
Кипящая вода, огонь и бревна,
Весь Галичъ: кто съ мечемъ, а кто съ дубиной,
Стоитъ на стънахъ; ужъ не въ первый разъ
Сходился я съ Московскими полками...
Побьютъ, уйдемъ по озеру на лодкахъ,
Побьемъ, тогда Москвы жалъть не станемъ,
Состряпаемъ кровавую окрошку...
Тебя отдать!.. Нътъ, погоди, Наташа,
Кто знаетъ, можетъ-быть ты овдовъешь...
Ужъ овдовъла!

(оглядывается).

Галка!..

(Галка показываеть на няню).

шемяка.

Съ Богомъ, няня!

Ступай себъ...

кузьминишна.

Да, Князь.

шемяка.

Ступай, старуха!

Не то велю я стражь проводить...

кузьминишна, (отходя).

Спасибо за почотъ... Уйдемъ и сами; Нътъ, я на этой кухнъ не стряпуха; Тутъ дъло воровское заварилось...

выходъ іч.

Шемяка, Наташа и Галка.

шемяка.

Hy!

TA SEA

Обыскали.

Assert Sal 1772 consumance in ARRAUM

Ядъ нашли!

Lege oragin, oragin come Lankar

Нашли!

Due to occurs no many

BEMARA. SOLDED LETT OR BEAT OF OIL

Изменникъ! Я тебя велю повесить.

· . . FA FKA.

Такъ что-жъ? Я съ-молоду любилъ качели! И Басеновъ хотълъ меня повъсить; И этотъ пузырекъ, что ты мив далъ Съ кваскомъ смертельнымъ, Басенокъ хотълъ Мнъ въ горло вылить...

HATAINA.

Боже милосердый,

Ты отравитель!

HENGER SO MUR PERMENA . ARRMAN

Милая Наташа, применто запили проделя Въдь я вдовецъ! Нътъ матери у сына... Слепая страсть къ тебе ... Мне страшно думать, Что онъ права имветъ на тебя; Сны о разлукъ, и людскіе толки, И твой покой... Хотълъ все разомъ кончить, И утонуть въ моемъ блаженствъ... Галка! Ну, что-жъ сказали гордые бовре?

Изволили смъяться надъ тобой! Меня благоволили больно высъчь, Келейно, безъ свидътелей, и съ честью Къ тебъ посломъ нарочнымъ отпустили...

шемяка.

Посланъ?

TANKA.

Хотятъ пожаловать къ тебъ!

шемяка.

Просить! И пиръ и смерть имъ приготовить!

ГАЛКА.

He safetual u o casell

Князь! Какъ изволишь, ядомъ иль ножомъ...

шемяка.

Полумаемъ... А что хотять сказать?

PAREA.

Не знаю. Къ нимъ пришло большое войско: Хотять съ тобой о миръ перемолвить... А если ты готовъ принять бояръ... Изволь послать заложниковъ надежныхъ: Мать, сына, духовенство и бояръ... шемяка.

Послать, послать! Жаль матери, жаль сына, Но, можетъ-быть... заправор види акатох аменова 11

LEL STRAKET OFFICE RESPECTACE OF TOTAL

А сроку два часа... Man an rouse Butter

LLA OTHERNTENE

шемяка.

Чего-жъ ты мъшкаешь! Бъги за сыномъ, За матерью, за духовенствомъ... Галка, Постой, ты прежде къ Софы забыти! Проси ко мнъ Великую Княгиню... Посредница! Она мнъ все уладитъ... А тамъ заложниковъ!... Скоръе, Галка... Слипая страсть ка тебы...

выходъ v. мани Апада спо отР

Шемяка и Наташа.

выс 1 за шемякаль басовы на атувоту, Н

Тутъ что-нибудь есть доброе Наташа! Не даромъ это странное посольство... А между-тъмъ мы проволочимъ время. Дуракъ былъ глупъ; быть-можетъ, переметчикъ Удачные исполнить мой наказъ... такиму жано, опичена

AND COVETE HATAMARCHER AMOUNDED BOOT THE

Какой наказъ?..

шемяка.

Ступай, ступай, Наташа! Нельзя тебъ здъсь оставаться...

наташа.

васточного дин Дмитрій! при Н Інтелоді!

Не забывай и о своей Наташъ!... Прощай, иду молиться въ образную...

Прощай моя Наташа, до свиданья! Hory Grown A Mic votor's exam

выходъ VI.

Шемяка, одинъ, глядя ей вслъдъ. ACTURE OF TORON O MUDE E

Какъ персикъ бархатный, благоуханный, Наташа, ты сладка, свъжа, румяна; Душистымъ медомъ алыя уста

Облиты, пухъ ланитъ-твоихъ такъ нъженъ, Какъ пыль на легкихъ крыльяхъ мотылька... Въ завътный часъ, когда живой любовью Глаза твои зажгутся и горятъ, канента на представания Не тело, душу полымя обхватить... Тебя отдать... Нътъ, волка и стрълой Согнать нельзя съ добычи... Власть, удълы Не стоятъ жизни... Можно ихъ отдать И воротить... Сообщники мон и приводен выстав в него Устали, выбились взъ силъ; ихъ разумъ Въ моемъ сидитъ... Пускай поотдохнутъ, Придетъ пора, я кликну кличъ, -- Князья Пойдутъ гурьбой Москву Шемякъ строить... Что изводить напрасно до-остатка Сподвижниковъ и глупыхъ и отважныхъ... Пускай живутъ про-случай. Пригодятся... А красота два раза не цвътетъ; Теперь пора для жатвы наслажденій... Въ монастыръ красавица моя Состарьется въ годъ, тогда и мужъ Назадъ Наташи не захочетъ. Послъ. Пожалуй, черезъ года два, возьмите, Не постою. А! вотъ ползетъ и Софья... Съ чего начать? Какъ въ милость къ ней втереться?.. и отмоници и привом и

выходъ ун. на поме димини в та

Шемяка и Софія. Антика Лине оП

PRINCIPLE TIDES

шеняка (весело идеть къней на-встрычу).

Миръ, тетка, миръ! (Подаеть ей руку.)
Пора окончить ссору;

Мы всь одной семьи; должны по-братски Любовь держать и помогать другъ - другу; Клеветники раздоръ зажгли межъ насъ... Я все узналъ и каюсь. Братъ Василій Сидитъ уже спокойно на Москвъ; Я уступилъ ему Москву безъ боя... Чего-жъ еще онъ хочетъ отъ меня? Зачъмъ напалъ на мой несчастный Галичъ! Твой мужъ, Великій Князь Василій Дмитричъ, Самъ мнъ въ удълъ назначилъ этотъ городъ. Будь между насъ посредницей, Княгиня! ...

(Молчаніе).

Ты върила боярской клеветъ! Вездь, въ великокняжескихъ хоромахъ, Въ соборахъ, на крестинахъ и на свадьбахъ, На-съездахъ, на игрушкахъ боевыхъ, Гав только случай былъ, Княгиня Софья Насъ, всъхъ Князей, нещадно проклинала... Ты насъ принудила къ жестокимъ мърамъ. Князья твоей хотьли смерти... Я Одинъ въ уздъ держалъ ихъ месть и злобу; Изъ Чухломы увезъ тебя я въ Галичь, Затемъ, что стало тамъ небезопасно... За зло твое, какъ могъ, добромъ платилъ... И вотъ теперь, когда въ осадъ Галичъ, Два приступа московскіе отбиты: Когда все войско просится на битву; Когда могу враговъ погнать, какъ стадо... Я крови не хочу, хочу я мира... Посредницей тебя я избираю...

(Презрительно улыбнувшись, Софья отходить въсторону и садится).

шемяка.

(Нътъ видно мало! Лесть не пронимаетъ!)
Ты, славная умомъ и красотой
И твердымъ вравомъ и великимъ сердцемъ!
Ты многимъ зломъ Шемяку одарила!
Но знай, Княгиня, въ горъ и въ досадъ,
Въ московскихъ ямахъ и въ своихъ удълахъ,
Вездъ, всегда я уважэлъ тебя...
Чтобъ не сказать: любилъ тебя Княгиня...

ты ком одной счекть док. жафор

Все ажошь!

шемяка, ней столена винатовые

И ты еще не въришь?..

СОФЬЯ.

Ложь

, are is non a granger, anoderly

Сначала до конца! Другую сказку, Придумывай, а эта не годится!

REPORT AND MEMBER. THE PROPERTY AND RESERVED.

Такъ я словамъ моимъ заставлю върить; Сама почувствуеть, увидить правду. Не посмотрю я на завътъ Князей! Исполню то, чего желалъ такъ долго; Пускай друзей утрачу... Будь, что будетъ! Великая Княгиня! ты свободна!

софья (вставъ.)

Не лги, хитрецъ! Я не уйду отсюда! Мнь трупъ твой нуженъ; я хочу сама Своей рукой твои ощупать раны; Измерить всю-ли кровь твою, убійца, Източить мечь изъ проклятаго тъла! Не въ храмъ Божьемъ и не въ Княжьихъ склепахъ, Тамъ, гдъ-нибудь, за городской оградой, Зароютъ трупъ крамольнаго Шемяки; И смерть твою почтять не панихидой-Молебствіемъ в радостью народной, Какъ-будто Богъ надъ прокаженнымъ краемъ Умилосердился и снялъ заразу... Ты живъ-и на Руси не будетъ мира; Ты живъ-пируетъ клятвопреступленье, Развратъ татарскій въ городахъ и селахъ; Засады на купцовъ по всемъ дорогамъ; Силки на жонъ и дъвъ... Твоя столица — Притонъ убійцамъ и ворамъ... Ты самъ... Чудовище, ты чорный моръ, проказа... Проклятіе мое тебъ настигло... Настигнетъ казнь... Я не уйду отсюда! (Садится.) Ber Pres: Jores, Menaka betreit caret. 1897 Tal

Послушай, Софья...

Софыя. Тор выпланен начен вне)

Рабъ, не приближайся!.. шемяка (хватаясь за ножев.)

Смерть или миръ.

COOBS. many state armanana oli Пугай своихъ любовницъ, И дураковъ! Ты вспомни, жалкій трусъ, Что у меня въ рукахъ костыль жельзный!

выходъ упі.

тъже и галка.

Charles in designation of the state of the s

Заложники сидятъ въ московскомъ стань... Бояре на крыльца... На посвотрет на каке каке выпратовооп оН

Союзныя Князья... Вотъ и они! Зовя!

выходъ іх.

князья, союзники Шемяки и стража; за ними московская стража, ведетъ воина, окованнаго цъпями, потомъ дворяне, наконецъ Басенокъ съ тремя боярами.

БАСЕНОКЪ (про-себя.)

Нътъ словъ! Быть-можетъ ядъ она варила, Убійцъ моему сулила злато! А я пришолъ извлечь ее изъ бездны, Очистить, между ангеловъ поставить, И пить уже нелживое блаженство... Уймись ты сердце бъдное, затихни, Моя незаглушимая любовь!

(Взглянует на Шемяку презрительно.)

Кто сотнями считаетъ злодъянья, того мои подарки не смутятъ;

(Вынимаетъ стклянку.)

Вотъ ядъ, Шемяка, найденный у Галки,

(Показываеть на скованнаго воина.)

Вотъ твой клевретъ, подосланный съ ножомъ... Все на меня! Какъ-будто я одинъ Помеха гнуснымъ замысламъ твоимъ! Вся Русь: Литва, Черниговъ, Красный Галичъ, Исковъ, Новгородъ, Казань и Тверь — вся Русь Свои полки прислала за Шемякой... Ты нашъ! Велю-и Галицкія стъны Обрушатся; пожаръ обниметъ городъ, Живой сгоришь, никто не пожальсть! при при отпред Но, коршунъ, подъ твоимъ крыломъ широкимъ, Прижавшись съ трепетомъ, сидятъ міряне, Ихъ жоны, дъти; ты согнадъ всю область, Священниковъ и мирныхъ хлебопащиевъ; Покоя иноковъ ты не уважилъ; Въ твоихъ полкахъ не все одни злодъи; Не перечтешь твоей лукавой лестью Обманутыхъ и обольщенныхъ... Стадо Заблудшихъ братій, узниковъ невольныхъ... Ихъ смерть намъ не нужна, ихъ жизнь священна,

И Государь всея Руси, Василій,
Спасая ихъ, помиловаль тебя.
Отдай назадъ московскую казну,
И многоцынную соборовъ утварь,
Отдай Великую Княгиню Софью
И плыниковъ, захваченныхъ тобой!
Смирись! Ступай къ святителямъ въ соборъ—
И клятвою свяжи языкъ и душу...
Тогда сили на Галичъ спокойно!

софья.

Сынъ робкій! Узнаю тебя, Василій! Теперь пролить боишься кружку крови, А послъ ръки потекутъ...

шемяка.

Наста слова вы применя вы двиго изи Н

he would die great A

софья.

Молчи! Ручнымъ не сдълаеть ты волка!..
Когда ты будеть клясться языкомъ,
Душа ужъ будетъ замышлять измъну...
Посольство! Смъхъ и горе! Божій судъ
Хотите передълывать... Поймали,
Такъ слушайтесь небеснаго глагола;
Веревку—и на казнь его ведите!
Нътъ! Миру не бывать! Домой, послы!

шЕМЯКА.

Бояре! Я не знаю правъ Княгини...
Преступникъ я, не спорю, но Василій И ей и мнъ верховный Государь!
И ей и мнъ его священна воля...
Смиряюсь! Со слезами на глазахъ
Благодарю за милость! Вы, бояре,
Примите клятвы гръщнаго Шемяки...

SERVED OF BOTH A STATE OF STREET OF STREET OF STREET

Позволь! Не осердись, Димитрій Юрьичь! Бояринъ позабылъ, не досказалъ Василіемъ назначенныхъ условій!

шемяка.

Что повелить мой Государь Василій?..

ощера.

Отдай супругу Басенка, Наталью Сергъевну...

шемяка.

Боярыня Наталья Не плънница; она не любитъ мужа; Изъ-подъ ярма она ушла на волю; Пріють себь нашла въ монхъ палатахъ До-времени; теперь къ отцу поъдетъ — А тамъ, что Богъ ей на сердце положитъ...

БАСЕНОКЪ.

Помилосердуй и не лги въ глаза! Мой стыдъ по всей Руси давно извъстенъ; Нътъ звуковъ для монхъ глубокихъ стоновъ; Нътъ словъ для повъсти моихъ страданій! Жена моя — наложницей Шемяки!..

ошера.

Какъ волишь Князь, но ты отдащь Наталью... шемяка.

О! Если такъ, -прости, несчастный Галичъ! Пусть льется кровь; не будетъ миру...

голосъ наташи (за сценой).

Будетъ...

голось кузьминишны.

Куда ты?

голось наташи.

Прочь!

голось кузьминишны.

Ей-Богу, не пущу, Передъ народомъ не срамись, Наташа...

выходъ х.

Тв же, Наташа и Кузьминишна, съ фатой въ рукахъ.

HATAMA.

Я здъсь! Возьмите! Въ монастырь-ли, въ яму; Мнъ все равно, но только не къ нему! Я ненавижу Басенка; онъ воръ, Онъ на чужой женъ женился силой!!..

Прости, Димитрій! Богъ тебь поможеть Завистниковъ крамольныхъ одольть...

басенокъ (вырвает изт рукъ Кузьминишны фату).

Прикройся гръшница фатой... Мнъ стыдно...

шемяка.

Не тронь! Пусть видять все ся победу! Прочь изъ палать моихъ! Готовьтесь къ сече! Друзья, ударьте въ боевой набатъ! На стены!

васеновъ (про-себя).

Боже! Съча за меня...

Кровь Христіянъ польется — за меня!
И миръ — плодъ нашихъ жертвъ, трудовъ, лишеній,
Мы купимъ жизнью многихъ, многихъ тысячь!
Ты слезы льешь изъ темныхъ глазъ, Василій,
За Русь; убійцъ своему прощаешь,
Чтобы отчизну миромъ успокоить!..
А я?!..

(Громко, съ принужденной улыбкой).

Ну, Князь! Ты побъдилъ меня!
Одна отчизна, а красавицъ много!
Пускай Святители нашъ бракъ расторгнутъ;
А ты вари на свадьбу медъ и пиво;
Пожалуй, (съ судорожнымъ смъхомъ) позовешь, приъдемъ въгости!

Теперь въ Соборъ! Русь мирится навъки! Вели въ соборный колоколъ ударить!

шемяка.

Великолушный врагъ! Ты побъдилъ! Всъ клятвы мира соберу, и Богу Ихъ передамъ въ присутствіи твоемъ! Ты другъ мнъ, братъ! Обнимемся, бояринъ...

БАСЕНОКЪ (съ ужасомъ).

Тебя обнять!!.. (Мгновенно опомиясь) Обнимемся, Шемяка! Да процвътетъ держава Ярослава! Да здраствуетъ Великій Князь Василій!

шемяка и всв, кромъ софы.

Да здравствуетъ Великій Князь Василій! Въ Соборъ! въ Соборъ!.. (Всю, кромю Софьи, уходять). софья (глядя во слюдъ Шемякь и презрительно улыбаясь).

Слъпцы! Безумный миръ!

Me spound Hyere margin near go mobrast

Hoons us marare nouse! Lorothiere as teral

Вы гадину пришибли, оглушили... Очнется!.. Злобу глубже затантъ; Ядъ будетъ тотъ-же, да змъя хитръе.

doyses, yeapere un coescell micere. АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ABAEHIE MECTOE.

Золотая палата; тронъ; противу него обитыя бархатомъ скамьи. Bisonar senter a recome a recome a recome a sente - a que la . . Apanar a recome a r

Басеновъ и Приставъ.

Ba Preus voinnes coneur upmunemen,

Раненько ты пожаловалъ, бояринъ; Великій Князь съ семействомъ у объдни. Чай дума соберется черезъ часъ...

BACEHOKE. BERRETE A , MERROTO THE C.

Я, Гриша, посижу, скучать не буду. довно и алин удасто, ви и повет так А Ступай себъ!... Пожалуй, (ст су дорожеными смажеми) положены, рин

выходъ и.

Басенокъ (одинъ, садясь на скамью).

БАСЕНОКЪ.

Здъсь любо, здъсь свътло! Престолъ Владиміра и Ярослава, подо води матиля вой Ты снова твердъ; надъ православнымъ царствомъ Стоишь одинъ, какъ солнце! Всв Князья Склоняются передъ тобой покорно! Василій правитъ мудро и спокойно! Татаре въ страхв отъ твоихъ погромовъ, И миромъ дышетъ матушка моя Земля родимая, земля святая... Труды мои и жертвы не пропали! Годъ тишины... и все преобразилось! Всь счастливы... а я? - Вдовецъ бездътный!...

Забудешь-ли когда свою утрату?.. Свинцовую тоску сними ты съ сердца, Будь счастливъ счастіемъ твоей отчизны, Забудь! Забудь!.. (въ раздумьи) Не въ этой-ли палать Князья на нашей свадьбъ пировали, А, ты потупивъ очн голубыя, Сидъла тутъ... Наташа! а Наташа!.. Великій Князь пьетъ про здоровье наше, Привстань!

(Встаеть и кланяется на тронь).

Благодаримъ, отецъ нашъ добрый,

И молимъ Бога про твое здоровье... А вы, товарищи въ войнъ и думъ, Отцы-бояре, не кричите: горько! Я и безъ васъ Наташу поцълую...

влую... (Дълаетъ движеніе будто хочетъ поцыловать Наташу... Опомнясь).

Capocara-fra apo E

Проснулся!.. Сладкій сонъ!.. Зачемъ проснулся!..

выходъ ш.

Басенокъ, Галка и Приставъ.

TAJKA (ez deepaxz).

Два слова только.... повет принцения патурые и от Р

приставъ.

Отойдетъ объдня...

TYTE, BETT STOCK BOSINS, KAKATOTE TOTAL

Не бойся, Гриша!

приставъ, предостава става

Ну, смотри-жъ, проворнъй.

выходъ IV.

Басенокъ и Галка. И столь разпой, кое листо, вы планрии

галка (глядя на боярина).

Да это онъ-ли, полно? Году нътъ И съдина разсыпалась мукой пред пред пред пред распортава По чорнымъ кудрямъ; на лицъ ухабы; Спина горбомъ, глаза какъ-будто въ ямахъ... Усмъшка — словно раскусилъ кислицу... Былъ дубъ — и въ годъ распался, словно ива... Бояринъ...

. BACEHORE. CHES METOR ME - Almon WORK

Tro? danged and tar unions vagor orygonomes)

MERCETO FRARA. CONTINUO CONTENSOS SEVIL

Да погляди на гостя!

васеновъ (припоминая).

Кто это! Право, не припомню!

PAJEA. OF THE PROPERTY DESCRIPTION OF THE PAJE AND THE PA

Галка,

Cartan vy cv. . . Havana

Дуракъ надворный Дмитрія Шемяки, Привезъ въ Москву поклоны да гостинцы.

васенокъ (ез-сторону).

Спросить-бы про Наташу! А? Спросить? Жива-ль моя несчастная голубка; И Басенка не поминаетъ лихомъ?!.. Нътъ, промолчу; авось онъ самъ разскажетъ... (Оборотясь къ Галкъ).

Давно-ли на Москвъ?

ГАЛКА.

Да третій день;
Былъ у тебя разъ десять; не пускаютъ;
То спитъ, то боленъ, то дълами занятъ...
Что въ запертьи ты дълалаешь, бояринъ?..

BACEHOKT.

Что дълаю? Молюся въ образной! Тутъ, нътъ; авось помилуютъ хоть тамъ Несчастную, молитвами моими... Тесть, теща съ горя умерли; такъ кто-же За гръшницу теперь молиться станетъ?.. Пойдемъ ко мнъ-я покажу тебъ Наташину свътелку; все въ порядкъ: И рукодълье у окна, и чотки; И столъ разной, все чисто; ни пылинки!.. Пойдемъ, пойдемъ, я покажу цвътникъ; Съ Казанцевъ дань—себъ я взялъ цвътами; Махровые весь день благоухають; Полью-и будто слышу благодарный, Веселый лепеть выжныхъ лепестковъ; И зелень разрослась, и тъни много; Наташа ахнетъ, какъ увидитъ... Только Послушай, Галка, чуръ не проболгаться...

FAJKA.

И это, Оедя, ты отчизив служишь!

БАСЕНОКЪ

А то кому-жъ? Великій Князь Василій Разумно править; гордые Татаре Кричать себь, что жабы на болоть; Крикъ слышенъ, а самихъ давно не видно, Удъльные Князья сидятъ въ удълахъ, Соборы строятъ, ходятъ съ калитой, И милостыню бъднымъ раздаютъ; Въ Москву съ поклономъ и дарами вздятъ. И стало смирно на святой землъ.

TAJKA.

На долго-ли?

БАСВНОКЪ.

На-въки! Божій гиввъ

Смягчился. Богъ—далъ въ милости поруку...
Уменъ десятильтній Іоаннъ;
Растетъ и съ нимъ растетъ самодержавье;
Учиться любитъ и научитъ землю.—
Недавно мы помолвили Ивана
Съ Тверской Княжной и Тверь съ Москвой сольется;
И мысль моя, какъ-будто въщій сонъ,
Сбылась ужъ въ половину... Что-же мнъ?
Вдовецъ, старикъ безвременный, на свътъ
Я за - урядъ живу; молюсь и плачу,
Жлу очереди... скоро, скоро кликнутъ...
Охъ, Галка, кто глаза вдовцу закроетъ!!

TAAKA.

Кто виноватъ? Шемяка былъ въ рукахъ!
Какъ брата, я спасалъ тебя, бояринъ;
Чуть – чуть тебя не захватилъ Шемяка,
А я смъкнуль; кричу: Вотъ онъ, ловите;
Вонъ въ переулокъ побъжалъ. — Шемяка
По улицамъ за въдьмою гонялся;
Поймалъ и плюнулъ; а тебя я спасъ...

BACEHOKI.

Спасибо, Галка, въчное спасибо!

TAAKA.

Самъ отдалъ ядъ тебъ,

И выдалъ переметчика...

БАСЕНОКЪ.

Спасибо, Спасибо! Хочешь серебра, казны?.. Изволь! Куницъ, бобровъ и соболей На десять шубъ!.. И на колпакъ дурацкій Боярской шапки я не пожалью... Собпры строить, хо.

FAARA.

П милостьято билиппа с Опомнись, Оедя! Месть-моя казна! За месть-я продаваль тебъ Шемяку! Кто въ Галичь устроилъ западню На Князя? Этотъ лобъ и эти руки... Утопленница сыну помогала, На дно къ себъ она звала злодъя; Надъ озеромъ кричала по-ночамъ, Сестрицъ своихъ, обманутыхъ Шемякой, На свадебку подводную скликала! Отецъ ходилъ съ разбитой головою, Съ пустымъ мешкомъ подъ окнами Шемяки; Просился въ сваты! Галка день и ночь Тебя, бояринъ, въ дружки зазывалъ... Ты объщалъ пожаловать на свадьбу... Пожаловалъ-и выпустилъ Шемяку?.. из выпустиль Гдв онъ теперь?... висление возвительной в наделя диниод В

BACEHOKE. COM STREET TERRET - BE TO ..

Не знаю! Гдъ-нибудь Въ гръхахъ своихъ приноситъ покаянье!

Не онъ, а ты раскаешься, бояринъ! Не гдъ-нибудь, а въ Новгородъ-Великій Пришолъ съ союзнымъ войскомъ во-сто тысячь! И рыцари Ливонскіе, и Шведы, И смирной братіи Князей удъльных ъ Десятка два... Татаръ зазвалъ Казанскихъ; Татаре объщались быть къ Москвъ, Какъ только слукъ онъ спуститъ къ нимъ по Волгъ.

БАСЕНОКЪ.

Гль, Галка, пировалъ вчера? Съ просонковъ Болтаешь, что мерещилось во-сив... Татимой эти става TANKA.

Какой туть сонъ! Я, да Иванъ Можайскій Привхали послами на Москву; Я-подкупать Васильевыхъ бояръ; Иванъ-поклонами Слепаго тешить, Слухъ замутить угодливою лестью, Дать время изготовиться Шемякъ...

БАСЕНОКЪ.

Мой бъдный мечъ! Булатъ отъ слезъ заржавълъ; Я ржавчину твою благословляль! Не нуженъ былъ размахъ твой въ поле ратномъ; Жертвъ и враговъ не стало! Ты заржавълъ, Обмою я тебя, мой мечь, обмою!...

(Бросается кт Престолу)

Кто врагъ! Я здъсь, на стражъ у Престола! Сныгь старости стряхну съ моихъ волосъ; И силой молодой нальются члены! Сюда орлята! Къ старому орлу! Садитесь на священныя ступени! Завсь лягу я костьми, но злобный хищникъ, Ты трупа моего не переступишь!..

приставъ (къ дверямъ.)

Выходятъ!

галка (убъгая.) Я бъгу. Прости Бояринъ!

выходъ у.

Выходять Отроки, Бояре, Софія, опять Отроки и Бояре; между-ними Іолинъ и Юрій, удъльные Князья, Князь Иванъ Можайскій, Василій Темный, съ посохомъ, руководимый Маріей; Басеновъ, у Престола.

БАСЕНОКЪ.

Покойное величіе твое, Семейный праздникъ радостныхъ надеждъ, Невозмутимый миръ земли святой, И мудрой думы-мудрую бесъду... Все видълъ я-и больше не увижу! На васъ опять возсталъ крамольникъ старый. Шемяка съ войскомъ въ нъдрахъ государства! Т. У. -Отд. І.

василий.

Кто говоритъ со мной?

MAPIR. IC AN THREEDON PROXESOIL

Бояринъ Оедоръ

Васильевичь!..

василий.

Дай руку, доблій мужъ!

Я отъ тебя отчаянья не слышаль.
Не унывай и положи надежду
На Господа. На ледовскомъ престоле
Съ Господней помощью сижу я твердо...
Я знаю о Шемякиной измене
И положу конецъ его крамолямъ.
Жена! Где мой престолъ?

(Стоя на троит.) Царю небеный!

Ты принялъ клятвы Дмитрія Шемяки!
Твоею благостью руководимый,
Я не казнить, но миловать желалъ,
И предъ Тобой мое открыто сердце...
Я и теперь готовъ простить Шемякъ...
Но за себя... А за покой народный,
За счастіе державы православной
И онъ и я—мы отвъчаемъ оба...
Суди, карай, а я мой долгъ исполню.

Князья! зову на брань въ послъдній разъ!
Подъ Клиномъ сборъ дружинамъ городскимъ!
Никто да не посмъетъ дня промедлить!
Ослушникамъ опалу объявляю!
Ни благодушіе мое, ни кротость
Не помогли. Сталъ строгъ старикъ Василій...

(Садится; вст занимають мыста на скамьяхь).

софья.

Великій государь! дозволь мнъ слово...

васили.отац двиндений Канцово.)

Прошу совъта...

софья (стоя).

Кровь не даромъ льется!

Вели вождямъ не содрогаться въ битвахъ; Жертвъ не считать, на поле не смотръть; Вели имъ уши заковать въ жельзо; Сражаться на мечахъ, не на словахъ!!.. Цъною жизни, обяжи вождей, Чтобы сюда поставили къ тебъ Живаго или мертваго Шемяку; Но лучше мертваго... Тогда предлога Для милости ты не найдешь, Василій!

василий (помолчаев).

Я слыть, в хихъ! У ногъ моихъ могила;
Мпы нуженъ взоръ и молодость другаго;
Есть случаи, гды юношескій жаръ
Нужные опытной холодной думы...
Чтобы пресычь всы распри о наслыдствы; —
Упрочить миръ и цылость государства; —
Оты пламени войны междоусобной
Спысти престоль, дарованнный мны Богомь; —
Не допущу, чтобы Баскакъ Татарскій
Моей Руси—Князей Великихъ ставиль.
Я—Государь, моей земли хозяинъ!
И за нее я—Господу отвытчикъ!
И мны душеприкащики не нужны!
Я самъ мое исполню завыщанье...

Сынъ милый Іоаннъ! Сюда, ко мнъ! Сядь на престоль прадъда Донскаго, Совлавствуй мнъ! Вотъ вамъ Великій Князь! (Іоаннъ идетъ къ престолу).

иванъ можайскій.

Позволь помочь тебъ...

10 АННЪ.

Князь, не трудись! Я самъ взойду на мой престолъ!..

(Восходить на престоль).

василий.

Князья! На со попроделя Н

Бояре! Вотъ мой юный соправитель! Мы разумъ нашъ сольемъ въ единый разумъ И волю нашу съ Божьей сочетаемъ!

нванъ можайскій.

Дивимся мудрости твоей державной; То свыше Богъ послаль тебь на мысль. — Мы нашей клятвой потвердимъ...

(Преклоняеть кольно).

10 мнъ.

Не надо!

Безъ клятвъ вы будете повиноваться; И съ клятвой измънять, когда позволю...

софья,

Что, Князь Иванъ! Обжогся! Лесть твою По ниткамъ разобрали! Нъжный отрокъ Взглянулъ орломъ, и помыслы твои, Какъ грамоту ученую прочолъ... Долой личину! На глаза улика! Зачъмъ въ Москву пожаловать изволилъ? Что объщалъ ты Дмитрію Шемякъ?.. Какихъ бояръ ты подкупить успълъ? Немного ихъ, благодаренье Богу!.. Всъхъ знаю; вотъ Иванъ Кулебка, Старковъ, да Жатый... Государь, читай на лицахъ Ихъ тайную крамолу... и казни!

иванъ можайскій.

То клевета...

10 АННЪ.

Умолкни! Никому

Безъ розыска не будетъ казни; Князь, Бояре! Вы свободы лишены...

(Обращаясь къ отцу).

Благоизволншь, Государь?..

василій.

Согласенъ.

А Басенокъ московскую дружину На Дмитрія Шемяку поведетъ...

софья.

И станетъ торговаться за жену!.. И какъ родной съ Шемякой обниматься; У коршуна на годъ обрубить крылья И пуститъ въ лъсъ.

БАСЕНОКЪ.

И опущу въ могилу!

Лить кровъ моя рука давно привыкла! Мы съ смертію старинные знакомцы,— Встръчались; поглядимъ въ глаза другъ-дружкъ;—
Не я, а смерть отъ Басенка уходитъ...
Размахъ его меча далече видънъ,
II въ страхъ поле цълое бъжитъ...
Давайте мнъ враговъ, Татаръ давайте;
Но не родныхъ и православныхъ братій...
О! тамъ—я богатырь; а здъсь—палачъ!
Я побъдить хотълъ-бы ихъ любовью;
Ихъ злобу выпить братскимъ поцълуемъ;
Объятьями ихъ буйство оковать!..
Держите въ шуйцъ пламенникъ войны,
Десницею любовно ихъ зовите...
То ваши дъти! Зашумитъ война—
И ваши подвиги—самоубійство!

софья.

Съ злодъями стыдись хвалиться братствомъ! Земля его съ проклятіемъ отвергла, Онъ на отчизну созвалъ чужеземцевъ; Сокровища церковныя, казну, Запродалъ имъ впередъ! Мой сынъ и внуки Объщаны заложникеми Фрягамъ! День смуты для него доходный день; Ему война богатое помъстье, А мвръ—мгновенный отдыхъ отъ разбоя! Цълуйся съ нимъ, бояринъ, обнимайся! Онъ инока отравитъ поцълуемъ! О! дайте мнъ начало и дружину! Пустыней ляжетъ край, но въ той пустынъ Подъ трупами задохнется Шемяка...

OTAHUT.

Правдивъ совътъ!

василій.

Остерегись, мой сынъ!

Злыхъ съ добрыми не смъщивай. Шемяку Не пощадимъ... Но слово увъщанья Заблудшимъ дътямъ я послать обязанъ.

(Взяет за руку сына, сходить съ престола). Ступай къ нимъ, Басенокъ! Не воеводой, А миротворцемъ. — Сердца моего Посломъ тебя я къ дътямъ назначаю. Неси имъ слово мира и любви!

А не раскаются, я, противъ воли, Грозой войны безумцевъ образумлю.

БАСЕНОКЪ.

Благодарю, стократъ благодарю!
Я радостно то слово понесу!
Одинъ съ своими фряжскими полками
Останется Шемяка .. А пока
Пускай подъ Клинъ сбираются дружины...
Красноръчивъ раскатъ далекій грома;
На бурю глядя, люди помнятъ Бога...
Благослови на путь!...

василій.

Благословляю...

васеновъ (про-себя).

Сказать-ли имъ, что я илу на смерть! Что я ихъ лицъ священныхъ не увижу; Нътъ... Помыслъ мой смутитъ величье ваше! Вы презрите и Басенка, и жертву... Дай силы, Боже, мнъ проститься съ ними!

(Падаеть къ ногамь Василія).

На-въки, Государь, прости на-въки! Дозволь обнять священныя кольна!...

василій.

Другъ, не слуга! Богъ помочь! До-свиданья...

ЕАСЕНОКЪ.

Прости, Княгиня!

софья.

Вотъ моя рука!

Хвалю за ревность, не хвалю поступка...

БАСЕНОКЪ.

Mapial

MAPIA.

Богъ да сохранитъ тебя!

БАСЕНОКЪ (Къ Іоанну).

Ты, во младенчествъ, Самсонъ могучій!
Ты, въ отрокахъ, премудрый Соломонъ!
Въ твоихъ рукахъ сростется, оживетъ
Разбитый трупъ державы Ярослава!
Въ твоей Москвъ воскреснетъ Византія,

Имперія Восточная возстанетъ міру, и в в міру, претій Римъ законъ предпишетъ міру,

Я у преддверья подвиговъ твоихъ
Паду съ молитвой за тебя и царство!
Я дълъ твоихъ безсмертныхъ не увижу;
Я лягу камнемъ въ зданіе твое!
Строй, зодчій, строй великую державу!
Вбей подъ нее жельзную основу,
На-диво свъту стъны возведи
И увънчай ихъ златомъ просвъщенья!

АКТЪ ПЯТЫЙ.

Въ Новгородъ Великомъ.

явление седьмое.

Кухня при хоромахъ Князя Дмитрія Шемяки.

выходъ і.

наташа (сидить пригорюнясь на скамыть.)

Слезы горькія, не истратить васъ! Много дней, много мъсяцовъ! Много лътъ до могилоньки!

Я постель мою, мать сыру землю, Обогръю, вами вымою, Слезы жаркія, слезы горькія!

На знавала я—тихой радости; Не ласкала я—друга милаго; Не была женой, ни матерью!

На рукахъ моихъ, на бълешенькихъ, Не игралъ со мной, съ родимою, Божій ангелъ, улыбаючись...

Прожила я жизнь, да безъ праздника.— Спротой я жила, спротой и умру... Только мнъ и родни—слезы горькія!— голось за окошкомъ.

Старцу хилому, безпріютному, Хлиба ломоть, кружку воды... Богъ за него разсчитается...

(Наташа молча береть кружку и хльбь, и отворяя окно, подаеть.)

голось за окошкомъ.

Спасибо, голодъ истомилъ меня; Морозъ такой; окоченъли руки И кости старыя трещатъ отъ стужи...

наташа (отворяя дверь.)

Взойди, старинушка; присядь къ огню; Погръйся...

выходъ п.

Наташа и Басенокъ (въ одеждъ простолюдина и въ парикъ.)

BACEHOKT.

Боже мой! Наташа!

наташа.

Что?

Кого зовешь?

БАСЕНОКЪ.

Покойницу жену... Въ бреду я съ ней бесъдую частенько... (Тяжолая личина; я задохнусь; Что значитъ эта грубая одежда? Зачъмъ она сидитъ на грязной кухнъ?)

наташа.

Не хочешь-ли, старинушка, хлабнуть Герячихъ штей...

БАСЕНОКЪ.

Спасибо!.. (Хриплый голосъ Слезами взмоченъ, вздохами взволнованъ... О Боже мой, за что казнить такъ рано!..)

наташа (взявъ его за руку).

Пойдемъ, старикъ, ты не чинись со мною; Я рада гостю...

BACEHOKT.

Боже мой! рука...

Мое кольцо!..

наташа.

Ты весь дрожишь...

БАСЕНОКЪ.

Отъ стужи...

Оть старости... (кашляет) Дай мнъ къ огню усъсться; Дай мнъ и кровь и мысли отогръть...

наташа.

Постой, прикройка ноги волчымъ мъхомъ: Полъ скверный, —дуетъ...

васенскъ.

А кажись хоромы,

Богатыя.

наташа.

Да не для насъ съ тобой.

БАСЕНОКЪ.

А ты-же кто?

наташа.

Работница Шемяки, Стряпуха! Шти варю на челядь Князя; А иногда и на Шемякинъ столъ...

БАСЕНОКЪ.

Наталія, боярская жена — Работница, стряпуха!!..

наташа.

Всемогущій!

БАСЕНОКЪ.

За гръхъ, за стыдъ въ лохмотья нарядили, Съ насмъшкой вытолкали изъ свътлицы И отдали рабой простымъ холопьямъ... И чорный людъ за трапезой нетрезвой Бесъду грубой шуткой заправляетъ, И нъжный слухъ, что прежде голосъ въры И ръчь любви такъ бережно ласкали, — Онъ заражаетъ смрадными словами; И сколько разъ нечистая рука, Въ чаду вина, ея хватала руку!..

наташа.

Старикъ! Кто ты? Ты знаешь все...

васенокъ (отворачиваясь.)

Не знаю!

наташа.

Взгляни въ глаза..

васеновъ (взилянует на нее грозно.) Не правда-ли, чужія?..

Не я одинъ, въ личинъ цълый міръ!
И небо часто шубу надъваетъ,
И солнце мълнымъ шаромъ, безъ лучей,
Сидитъ пятномъ на сърыхъ небесахъ...

наташа.

О чомъ ты говоришь?

БАСЕНОКЪ.

! внирик сбО ? Я

А что? не любо? Ты сняла личину! Дай, подниму со дна души твоей Тяжелый гнёгъ; позволь послушать сердца; Оно мнъ скажется... Я добрый знахары!..

наташа.

Ты знахарь! Ты! Врачуй меня, врачуй! Я презръла презръніе Шемяки! Съ смиреньемъ я служу моимъ холопьямъ! Живую Богъ казнитъ... Я не ропщу... Но есть змая; кольцомъ, какъ ледъ, холоднымъ Затиснула головушку мою; Къ моей подушкъ не могу приникнуть! Ночь темная, а я какъ кошка вижу... Зеленымъ свътомъ гадина лоснится И огненнымъ, шипящимъ языкомъ Мою измученную память дразнитъ! Старикъ, ты прежде не знавалъ Наташи; Сама своей дивилась красоть; Весны свъжей, между цвътовъ моихъ, Была я лучше всъхъ и всъхъ роскошнъй... Что я теперь? Ковыль, избитый бурей!.. Дай руку. Слышишь! Ледъ, не голова!..

> васеновъ (Объими руками взявъ Наташу за голову и цълуя).

Я отогрью милую головку,— Цълебнымъ поцълуемъ... Я сорву Змъю твою... HATAMA.

Нътъ, знахарь, ты не можешь! Нътъ! Та змъя—проклятіе супруга!

БАСЕНОКЪ.

Долой! долой! Наташа, на кольни! Во имя Бога и его святыхъ, Я гръшное проклятіе снимаю!.. Ты прощена, Наташа!..

наташа.

Прощена?

Кто? Ты простилъ?..

(Качая отрицательно головою.) Не будетъ мнъ прощенья!

Проклятіе во гробъ со мною ляжетъ И на чель моемъ опять зажжется, Въ день страшный... Въ день суда и казни!..

БАСЕНОКЪ.

Боже!..

И духъ и плоть моя какъ буря стонутъ;
Въ последній разъ, быть можетъ, повстречались;
Кто знаетъ? — Я со смертью черезъ стену...
Прощенья моего ты не услышишь...
И въ часъ кончины на устахъ твоихъ
Молитву окуетъ мое проклятье...
А я еще любовію хвалился...
Молился Богу скудною молитвой...
И милостыню щедро раздавалъ,
Платилъ, чтобы молились за Наташу...

А самъ? а самъ дитя, ребенка прокляды...

Гляди! твоя жена! Съ твоимъ проклятьемъ!

Безъ вѣры, безъ надеждъ, безъ покаянья!
Все отнялъ—ты! Все можно возвратить!
Не умерла любовь моя къ несча—
стной...
Земля не наша, такъ стяжаемъ небо...

БАСЕНОКЪ.

Наталія, а если мужъ твой самъ Придетъ сюда...

наташа.

Ты Басенка не знаешь; Нравъ у него, какъ мечъ, несокрушимъ; Онъ страшно повторитъ: «Жену я проклялъ!» Вотъ слышишь, онъ идетъ... О, спрачь меня!

(Прижимаясь къ Басенку, шопотомъ.)

Онъ каждый день приходитъ съ укоризной... Надъ горестной стряпухой посмъется, Потъшится страданьями моими, И на прощанье скажетъ «Проклинаю!..»

БАСЕНОКЪ

Неправда! Ты, безумная, клевещешь! Кровь въ сердцъ Басенка давно изсякла, А образъ твой любовно тамъ живетъ...

наташа.

Прощенья жажду, одного прощенья! Земли не жаль, да Небо отнимають! Клянусь, я въ монастырь пойду, уста Скую обътомъ въчнаго молчанья!

БАСЕНОКЪ.

Довольно! Собери воспоминанья!..
Припомни ненавистныя черты;
Припомни очи, что съ любовью тихой
Наташей, словно небомъ, любовались...
А кудри! ихъ посыпала кручина
Печальнымъ инеемъ; я ихъ припряталъ...

натаща (всматриваясь).

Великій Боже! я глазамъ не върю...

БАСЕНОКЪ.

Вглядись, всмотрись! Ты прощена, Наташа...

(Съ жаромъ обнимаетъ Наташу; она вырывается и съ пронзительнымъ крикомъ падаетъ на землю).

выходъ ш.

Тъже, Шемяка и Галка.

шемяка.

Ворона! всъхъ гостей перепугала!

Я отучу тебя и выть, и хныкать... Велю съ двора согнать, языкъ отръзать...

БАСЕНОКЪ.

Князь, не трудись! Ворона онъмъла! Я выманилъ у ней обътъ модчанья; И на житье спровадилъ въ монастырь!

шемяка.

Ты кто?..

галка (тихо Киязю).

Онъ первый знахарь новгородскій; Добромъ и зломъ торгуетъ, какъ товаромъ; Онъ гадовъ заговаривать умъетъ; Со всякой чертовщиною знакомъ...

васенокъ (поднимаетъ Наташу).

Ступай! Твой путь теперь и прямъ и гладокъ; Ступай, храни святой обътъ молчанья; Я стану говорить и за тебя, И за себя! Ну, дочка, Богъ съ тобой; Копай могилку для двоихъ...

(Наташа хочеть что-то сказать).

Молчи!

Не то иглой засядетъ въ горат слово!

(Наташа бросается къ нему и цълуетъ руку).

Вотъ привязалась! Ну, изволь, изволь, Пожалуй, поцълую на дорогу!

(Съ жаромъ обнимая ее, тихо).

До сладкаго свиданья!

(Громко).

Прощай!

(Наташа убъгаеть).

шемяка (со сміьхома).

Счастливый путь, Наташенька, прощай!.. Спасибо, ай да знахарь! я хотълъ Продать ее,—никто не покупаетъ; Хотълъ въ село отправить на покой; Хотълъ... а ты и свелъ концы. Ну, знахарь!

БАСЕНОКЪ.

Эхъ, Князь! Монастыремъ пугнуть не трудно; Намедни я, за два бочонка меду, Приговорилъ красавицу къ уроду, шемяка. и атпил пратучно в

Что-жъ, полюбила?... от прине довиго вести во оней

БАСЕНОКЪ.

Какъ не полюбить.

Когда велю?..

шемяка.

За два бочонка меду! Три шубы дамъ, сто бълокъ, бочку меду, Когда приговоришь ко мнъ Аксинью...

Вдову посадника Луки, Аксинью?..

шемяка. Савия зантава маника вти

Все знаетъ!

БАСЕНОКЪ.

Какъ не знать?! На то я знахарь!

Лука Лукичъ былъ умный человъкъ,
Да не смъкнулъ, что наша жизнь—зима
Безъ снъга, гололедица:—такъ скользко,
Что на полу иной разъ поскользнешься...
Бъжалъ, споткнулся, лобъ расшибъ и померъ;
А кто толкнулъ, то ужъ не наше дъло...

шемяка.

Ну, вижу, знахарь, отъ тебя нътъ тайны.
Толкнулъ я Лукича, да понапрасну:
Аксинья про любовь не хочетъ слушать;
Другую можно-бы пугнуть, принудить;
Ну, а у этой сильная роденька;
Весь Новгородъ Великій ей съ родни!
Давно-бы я стоялъ передъ Москвой;

(Басенокъ вздрашваетъ).

Давно-бы сжогъ съ посадами столицу
И кончилъ-бы, какъ я задумалъ кончить...
Да не могу: стоскуюсь безъ Аксиньи...
Любовь мутитъ всю лушу. Ни подарки,
Ни праздники, ни пышные пиры,
Ни льстивыя, подкупленныя свахи,
Ничто нейметъ. Упрямится Аксинья...
Ну, знахарь, слишкомъ-много я сказалъ...

васенокъ, при по има и в положе !!

Довольно, государь Димитрій Юрьичъ!

Сострянаемъ любовишку на-славу;
Какъ жалная пчела къ цвътку прилипнетъ;
Самъ у меня попросишь: отколдуй!
Аксинья у тебя теперь въ гостяхъ;
Такъ прикажи за дъло приниматься...

шемяка.

Что-жъ надо дълать?

БАСЕНОКЪ,

Самъ ступай на-верхь,

А мив проводника пожалуй!

шемяка.

Галка

Ты проведень въ палату старика!

(Yxodumo).

ГАЛКА

Ну, что, бояринъ, ладится...

васенокъ (озирается и бъжсить къ дверямь).

Harama!

Наташа, гдъ ты? на одно мгновенье... И слъдъ простылъ! Я снова овдовълъ! О неисходная любви кручина!.. Ты мнъ ярмо—будь пламенникомъ мести!

(Вынишаеть пузырекь).

Что, Галка? Узнаешь? Тотъ самый ядъ, Которымъ отравить меня хотъли...

Немного капель, — каждая смертельна!!..
Рядъ тяжкихъ жертвъ! цъпь горестныхъ лишеній! Жизнь! Не могу безъ отвращенья вспомнить!!..
Съ какою жадностью вотъ эту смерть
Я выпилъ-бы до канли

ГАЛКА.

Но, бояринъ...

васенокъ.

Про Басенка, ты что-ли, говоришь?
Онъ умеръ! Рабъ остался, отравитель,
Убійца!.. Червь, но этотъ червь пожретъ
Чудовище! Василій, Іоаннъ,
Вы царственныя очи отвратите!
Вашъ богатырь— теперь убійца тайный!
Охъ, страшно! Кровь въ бояхъ я лилъ покойно;

Но трепещу передъ злодъйствомъ тайнымъ! Я видълъ станъ! Дружины неисчетны, Союзники его звърямъ подобны; Я слушалъ ръчи; только и бесъды: «Побьемъ, разграбимъ, плънницъ наберемъ. Всю Русь, какъ степь отравленную выжжемъ», Какъ-бы не такъ! Не дамъ вамъ и песчинки! Сорву главу и распадутся члены...
Вотъ я васъ! Гей! Гдъ проводникъ! Впередъ!

TAJKA.

Опомнись, Оедя, ты ужъ больно молодъ, На колдуна; прикинься старикомъ!

васенокъ (сгорбясь).

Такъ, что-ли? О! я выпрямлюсь, Шемяка, Когда ты трупомъ ляжешь предо-мной! Я выросту и возглашу съ восторгомъ: Свободна Русь! Да здравствуетъ Василій... Ну, Галка, побредемъ!

TAJKA.

Чтобъ не споткнуться...

Ты выверни языкъ свой на-изнанку; Покашливай, прихрамывай, да смъйся...

васенокъ (взявъ подъ-руку Галку).

Подъ-ручку съ дуракомъ ступай, бояринъ, Учись у вора воровскому дълу! (Идутъ. Басенокъ у дверей останавливается).

ГАЛКА.

Впередъ, бояринъ!

БАСЕНОКЪ.

Господи помилуй! (Уходить).

явление послъднее.

Богато-убранная и блистательно-освъщенная Палата.

выходъ.

Шемяка, Аксинья, удъльные князья, ливонскіе рыцари, Шведы, новгородскіе сановники и бояре; ихъ жоны. Вдали: Басенокъ, Галка и музыканты.

шемяка принет напримента при

Столы, вина, музыку, плясуновъ!

Люблю я Новгородъ! Въ немъ жизнь кипитъ; Разнообразны и разгульны нравы; THE EAST RODA MORESTE Богатство, роскошь, словно ръки льются; По улицамъ веселіе шумить; И пить есть съ къмъ, и есть кого любить; Что женщина-красавица; царица У нихъ посадница. На все порядокъ И строгій чинъ... Не будъ я Князь старьйшій. Посадникомъ хотълъ-бы вашимъ быть: Москва моя на монастырь похожа; Да я ее переверну вверхъ дномъ И передълаю на ладъ ганзейскій! Спасибо вамъ, мои гостепріимцы, И за казну, и за дружины ваши! Ливонскіе и Свейскіе сосъди. И вамъ спасибо за участье ваше! Слепца спугнемъ мы съ теплаго гнезда; Погръемъ руки на его корыстяхъ, Что для Татаръ со всей Руси онъ собралъ!

(Вносять столы ст яствами.)
Столы, вина! Послъдній пиръ; заутра
Въ походъ!.. А! Гость еще! Почотный гость!
Люблю его веселую бесъду;
Старинушка, вотъ поклонись Аксиньъ
За красоту! А вотъ гостямъ нъмецкимъ
За дружбу къ князю твоему...

БАСЕНОКЪ.

Эхъ, князь! Отъ чорныхъ глазъ Аксиньи я ослъпъ; Не вижу Нъмцевъ...

аксинья.

Много дураковъ
Ты держвшь, Князь. А какъ зовутъ, вороной,
Аль по другому?..

БАСЕНОКЪ.

Коршуномъ зовутъ;
А что дуракъ, такъ не моя вина:
Кто отъ тебя кругомъ не одурветъ?
Вотъ такъ тебя и хочется засватать;
И ты вдова, и я вдовецъ бездътный!
Давай любиться!..

аксинья.

Опоздалъ, старикъ!

Тебъ уже пора могилку сватать.

БАСЕНОКЪ.

Засваталъ, матушка, большую яму; Помъстишься со всъмъ твоимъ приданымъ! Въ землъ просторно. Ниодинъ покойникъ На тъсноту не жаловался...

шемяка.

Коршунъ!

Не кликай смерти, и сама придетъ...

BACEHOKT.

Пришла, и межъ гостей украдкой бродитъ; Косой блеститъ, любуется на жатву, И молча выбираетъ лучшій колосъ...

галка.

Дуракъ! Посадница сказала правду: Кто на пиру о смерти говоритъ?..

БАСЕНОКЪ.

Да гдъ-же пиръ? Ни пъсень, ни вина, Ни доброй сказки...

шемяка.

Столъ готовъ! Садитесь.

А ты веселую разскажешь сказку...

БАСЕНОКЪ.

Изволь! Да я съ мужчинами не сяду: Я баба, я старикъ, я женскій полъ; Прибавь — женихъ: посадницу засваталъ; Такъ жениху силъть рядкомъ съ невъстой...

шемяка.

аксинья (взявт за руку Басенка.)

Я сяду лучше съ чортомъ, чъмъ съ тобой...

шемяка (про-себя.)

Попалась! Въ петлю бросилась сама! А нечего сказать, большой художникъ...— Вся кровь кипитъ; надежда на блаженство

Туманитъ голову истомой страстной. (Вслухъ) Но гости ждутъ... Садитесь! Коршунъ, сказку! Прислушаемъ...

(Всь садятся, мужчины отъ женщинь особо.)

БАСЕНОКЪ.

Вели подать вина!..

Не любить словъ сухихъ живая сказка; Умно, такъ скажешь; глупо, такъ проглотишь. Да и запьешь! Назадъ ужъ не вернется!

шемяка.

Подайте флягу фряжскаго вина!

БАСЕНОКЪ (вливъ вино въ чару.)

Bronos secretor all -

Эхъ, горько! Пусть откушаетъ невъста! За то я сказку въ лицахъ разскажу; Честныхъ гостей до смерти разутышу... Не откажи, невъста дорогая!

ГАЛКА (НИЗКО КЛАНЯЯСЬ.)

Посадница! Для общаго веселья Хльбин глотокъ; всь быють тебь челомъ!

шемяка.

Аксинья Павловна, уважь, пожалуй!

(Аксинья отвыдываеть вина изъ чары.)

Басенокъ (потирая руки.)

Ай любо! Гей, музыка!

(Трубы.)

Angeles Charles

BCb.

Любо, Любо!

шемяка (про себя.)

Мит любо, мит! - Теперь моя Аксинья!

васенокъ (поставя передъ собою чашу.)

Чара добрая, Чара гладкая, Ненаглядная.

He sporard Our workers Глубже моря Окіана. Ярче солнца краснаго, Ты звъздою золотой Стой себъ, красуйся, На гостей поглядывай, Сказочкъ прислушайся:

Что скажу, а ты на дно Бережно укладывай; Пригодится сказочка...

(откашливается)

Въ славномъ городъ Антонъ, въ Волчьемъ переулкъ, Жилъ-былъ знахарь самовъдъ, съ жолгой бородою. Щотомъ звъзды, и песокъ, и волну морскую Зналъ и въдалъ самовъдъ съ жолтой бородою; Онъ на поясъ носилъ дъвичье сердечко, Черный глазъ, людской недугъ, воровскую совъсть... Въ томъ-же городъ Антонъ, въ томъ-же переулкъ, Проживалъ заъзжій гость молодой царевичъ; Въ сердцъ у него была вострая заноза. По ночамъ, по цълымъ днямъ, плакался царевичъ, На красавицу-царицу, вдовую сосъдку... Чорныхъ кунъ, да соболей онъ пригналъ къ ней стадо; Все живые, молодые, серебро на шерсти; Онъ досталъ и той парчи, что за бурымъ моремъ Выткалъ знахарь самовъдъ изъ зари небесной; Вмъсто пряника принесъ кованое злато; Куль живаго жемчугу за мъшокъ оръховъ. Поглядела, посмотрела вдовая царица, Усмъхнулась, отвернулась, не взяла подарковъ... Все узналъ, и осерчалъ знахарь на царицу. Снялъ онъ съ пояса недугъ, вдовье снялъ сердечко, Истолокъ ихъ въ порошокъ, заварилъ настойку. Той настойки (вынимаеть стклянку) я досталь малую толику, И въ зеленое вино лью мою приправу.

(Вливаеть ядь, разбиваеть стклянку.)

аксинья (вскакиваеть.)

Князь, на меня ты западню поставиль; Онъ злой колдунъ!

come alloss somen

roctu.

Ловите колдуна!

шемяка.

Не трогать! Онъ мой гость! Не дамъ въ обиду! Докончи сказку!

БАСЕНОКЪ (вставъ.)

Сказка у конца!

(Несеть чашу Князю.)

Отвъдай Князь любовнаго недуга, И вдовье сердце забирай въ-полонъ...

шемяка (взявъ чашу.)

Аксинья Павловна! Твое здоровье!

аксинья (ев сильном волнении.)

Онъ выпьетъ! Я погибла! Что мнъ дълать? Не пей, Дамитрій Юрьичъ, то отрава! Колдунъ проклятый обмануль тебя!

шемяка (поблюдињев.)

Какая мысль! Коварная Москва На жизнь мою еще не посягала... Теперь грозу военную завидя, Послала отравителя къ Шемякъ...

(громко)

Эй, знахарь! Виночерпій прежде самъ Отвъдаетъ, потомъ ужъ мнъ подносить! Откушай!..

васенокъ (взявъ чашу.)

Князь! Позволь поколдовать, Чтобъ не прилипъ ко мнъ недугъ любовный: Аксиньей не хочу съ тобой дълиться...

(Выходя впередъ, про-себя.)

Смерть, эдравствуй! Пью за жизнь твою, отчизна! Пью радостно твой миръ, твое спасенье! Цвъти, красуйся на моей могилъ! О счастьи и величіи твоемъ Слухъ радостный въ мой темный гробъ проникнетъ, И мертвыя возрадуются кости...

(Взболтави чашу, громко.) Князь, про твое любезное здоровье! (Пьети.)

ШЕМЯКА.

Аксинья! Такъ злодый не пьетъ отравы; (Береть чашу и тихо Басенку.) А скоро-ли подъйствуетъ?

БАСЕНОКЪ.

Сегодня!..

(Килзь пьсть, Аксинья плачеть, Басенокь съ жадностію глядить на Килзя. Когда Щемяка допиваеть, Басенокь сбрасываеть парикь и верхнее платье.) БАСЕНОКЪ (громогласно.)

Да здравствуетъ Великій Князь Василій!

всъ.

Боярынъ Басенокъ! (Шемяка роняеть чашу.)

БАСЕНОКЪ.

Мы разсчитались! Женой и смертью братски подълились, Судьбу Руси ръшили поединкомъ! Чудовище! Я отравилъ тебя...

(Вси отступають въ ужась.)

шемяка (поблюднюет и дрожа всюмт тъломъ.)

Проклятіе!.. Судъ Божій!.. О, спасите!.. (Падаеть передь Басенкомь безь чувствь.)

БАСЕНОКЪ.

Столы, вина, музыку, плясуновъ!
Докончимъ пиръ, пиръ общій, пиръ народный!
Русь празднуєть смерть Дмитрія Шемяки!
Цълуйтесь люди, братски обнимайтесь!
Съ побъдою другъ-дружку поздравляйте!
Во прахъ врагъ, послъдній Князь удъльный!
Свивайте, Нъмцы, праздныя знамена
И во-свояси съ миромъ возвращайтесь!
Русь! по домамъ! Ступайте, веселитесь,
Живите, братья милые... а я...

(Шатается).

Наташа! Я къ тебъ, моя Наташа! (Падаеть безъ чувствь).

Assessed the many Bareners

huge no need Acongs name no Baceners co

н. кукольникъ.

ARCHITAGE LABORED BECKEN

terrores constitues araberts of refere that our error divisor, eller tand the second second second and the second second

Нътъ, другъ мой, нътъ! Бъднякъ виномъ Печали не запьетъ... Хоть грустно жить — иной молчить, Смвется и поетъ... А то-ль на сердцъ? Грусть-тоска Товарищемъ живетъ... Неть, другь мой, неть! Беднякъ виномъ Печали не запьетъ.

чинания для осог принаду-чино для выпания в чинания в принадината

приктаричны, все кочеть знать, веньь справывають, отчето, пованат отен у оте вълито И закубин-оте описоноди отее въд и умер Amboanareaenocraf Born Sugeral Conn our peachanneacra, aro no? г. стото ва датегва надраж совъ, очена-въпли, очена-значительный. Сиплось ому, это будто-бы гул - опъ по прекрасному лягу, съ такими цватами и деремями, что посучтилов лушого и сталь съ родости плакать. Вдруга училаль она почтеплаго стария съ свядно бородого, ил плить в чеська похожем в на монашеское. Старецъ повичьто Н будто Инапъ Ивановниъ бълзъ тикъ сконочженъ, что бо зваль, что и сказать ему. Покаместь опъ думаль, что ответить старису, вдругъ старецъ началь уменьшаться, сладася большою чорною мухою, и съ посведикамъ напранемъ начяль леготь около Имана Ивановича и наконецъ унусиль его за носъ. Туть Инанъ Неаповичь проспулси и съ-техъ-поръ все дужаеть, отчето-бы оте было; что старец следался мухово и укусиль его за посъдо 116 странио-да это, ей-Богу ?-И, ужь выдь не ризк сму за это лостава-T. V. TOTA. I. COTOLOGICAL DE MENEROLOGICA TOTAL TOTAL TOTAL T. V. TOTAL I. COLOR

странный Вообразите, во исемъ онъ доискидостся перабиаль-,

два разсказа семена игнатьича.

Hers, appra note, plant library announ

Herr, appra nois, neral Etansan numona

иванъ ивановичъ морошка.

Печали не завлеть.

Хоть грустно жизь - изой нолчить,

Нечали пв запьеть...

Иванъ Ивановичъ очень-странный человькъ, чрезвычайностранный. Вообразите, во всемъ онъ доискивается первоначальныхъ причинъ, все хочетъ знать, вездъ спращиваетъ, отчего, почему и для чего произошло что-нибудь. И откуда это у него такая любознательность! Богъ знаетъ! Самъ онъ разсказываетъ, что когда-то въ дътствъ виделъ совъ, очень-въщій, очень-значительный. Снилось ему, что будто-бы гулить онъ по прекрасному лугу, съ такими цвътами и деревьями, что восхитился душою и сталъ съ радости плакать. Вдругъ увидалъ онъ почтеннаго старца съ съдою бородою, въ плать весьма-похожемъ на монашеское. Старецъ подошоль къ нему и спросиль: «Что вы туть дълаете, Иванъ Ивановичъ?» И будто Иванъ Ивановичъ былъ такъ сконфуженъ, что не зналъ, что и сказать ему. Покамъсть онъ думалъ, что отвътить старцу, вдругъ старецъ началъ уменьшаться, сдълался большою чорною мухою, и съ превеликимъ шипъніемъ началъ летать около Ивана Ивановича и наконецъ укусилъ его за носъ. Тутъ Иванъ Ивановичь проснулся и съ-техъ-поръ все думаетъ, отчего-бы это было, что старецъ сдълался мухою и укусилъ его за носъ?» Не странно-ли это, ей-Богу?-И ужъ въдь не разъ ему за это доставалось. И самъ городничій, в губернскій предводитель, и даже нашъ

совъстный судья не разъ говорили ему: что это вы, Иванъ Ивановичь, не оставите вашу скверную привычку — обо всемъ распрашивать? Предводитель нашъ человъкъ учоный (въ Петербургъ бывалъ), говорилъ ему часто, что есть много удивительныхъ вещей и явленій въ природъ, причины которыхъ знаетъ только одинъ Богъ, и которыя по своей мудрости не хотълъ Овъ открыть людямъ. «Какъже, дискать, ты Иванъ Ивановичъ, прибавлялъ всегда почтенный Алексъй Семеновичъ, хочешь узнать то, чего никто не знастъ? Экой братъ ты философъ какой! Но ему это все не по-чомъ было. Какъ глухой, прости Господи, слушаеть и не слышить. И нашъ почт-мейстеръ-жидъ говорилъ ему: «Что это вы съ ранняго утра до ве-чера все спращиваете, Иванъ Ивановичъ? объ васъ всъ кумушки въ города трещать, что вы съ-ума сощля!»—Нътъ, все не помогаетъ, жидъ смъется, а онъ и ухомъ не ведетъ!... А Александръ Ивановичъ, помните! этотъ высокій губернскій секретарь, что быль къ намъ присланъ изъ Москвы, и говорить еще, что для навыка въ дълахъ службы, а просто выгнали за пьянство, — и тотъ, шутникъ такой, всегда бывало говаривалъ смълсь: «Экой ты, братецъ, Болванъ Болвсегда облавлоговариваль смежсь: «Экон ты, орагець, вольны вольнычь!» (Онь его всегда такъ зваль, —острякъ такой потъшный!) «Что это ты все спрашиваеть? какъ не стыдно.! точно ребенокъ какой, который все у няньки спрашиваеть: «няня, няня, какъ это я родился?» Этакъ ты, пожалуй, у дамы иной спросишь, отчего вы такъ красны, сударыня? И самъ бывало при этомъ захохочетъ, первый примъръ подастъ, а мы всъ за нимъ, да такъ разхохочем-ся что и не уймещь, а онъ-то надо всъми возвышается—прекрасный человъкъ былъ Александръ Ивановичъ... жаль, что пилъ немножко, всегда на-веселъ, и иногда ужъ не слишкомъ-деликатно говорилъ при дамахъ, а какой умный человъкъ былъ – басъ превос-ходный. По праздникамъ въ церкви Апостолъ читалъ.

Ну, такъ Иванъ Ивановичъ всс-таки остался по прежнему такимъ-же чудакомъ; только-что развъ следался не много по-осторожиње, и не обо всемъ спрашивалъ; за то бывало все ужъ про себя бормочетъ: отчего-бы это было, что-бы тому за причина такая могла существовать? Проказникъ впрочемъ былъ человъкъ неглупый и говорилъ такъ съ-высока. Онъ, знаете, воспитывался въ Вининкой гемназіи, да его оттуда исключили, говоритъ оттого, что много воспитанниковъ было. А какъ-бы за нимъ не водилось этого порока, то въдъ, ей Богу, былъ-бы прекраснъйший человъкъ! Жаль, право жаль. А накой конецъ-то его былъ печальный! Право, я человъкъ чужой, а плакалъ на-взрыдъ. Ну, да погодите я все разскажу по порядку. Извините, если что вамъ и не въ домекъ будетъ: я въдь человъкъ не книжный или, какъ это по городскому

называется, не литературный. Разскажу вамъ просто по нашему, кто былъ Иванъ Ивановичъ и что на семъ свътъ подълывалъ. Въдь не въ печать-же отдавать намъ!

reservant our carre, our est anor ennount masses arred a massant de apropore, promiera accompante sporen vertas acore Sore, m norspeit no constituy porte de sofera Commission estras estante et au, aconte, est l'indep lloquesour, que bandar estant morrennell

Legend Congruency, some of somethy of an army to see about 3 done Ну, такъ видите, -- жилъ онъ у насъ въгородъ тихо, смирно и благопристойно; никто никогда не видалъ, чтобы онъ какое безчинство дълалъ. Никогда не пачкалъ заборовъ всякою гадостью и ничего не писалъ и не рисовалъ на нихъ. (За это, сказать мимоходомъ, городничій Степанъ Мартыновичъ сердился какъ лютый звърь). На улицу овъ не бросалъ и не выливалъ ничего неприличнаго. А у насъ, сказать также кстати, молодежъ была презадорливая напакости : бывало, настроитъ такихъ штукъ, что и не разберешь. Ей-Богу, даже сказать совъстно. Ну, онъ, конечно, ужъ в не молодъ быль - а все-таки ин на какія дурныя дела не пускался. Не такъ какъ Петръ Силычъ, этакая сорви-голова былъ, что Боже упаси,съдой въдь самъ, лысина съ добрую тарелку будеть, а все заигрываетъ съ горничными, подзадориваетъ мальчищекъ на улицъ, чтобы за шесть копъекъ другъ-другу зубы разбивали, таскается съ ребятами молодыми, да въ окна заглядываетъ, да ручки дълаетъ. Ужъ сколько на него жалобъ было, и выговоръ давали ему по начальству, все неймется! Вообразите, быль у насъ Нъмецъ булочинкъ, Адамъ Мартынычъ, славный старикъ, прекрасно пекъ булки и крендели-объяденье! У него быма дочь Шарлотта-премилая дъвушка. Всъ чиновники нашего Правленія бывало прихорашивались, когда завидять ее на улиць. Прекрасная Ньмочка!.. И чтоже, вы думаетс, сдълали эти головоръзы? Идутъ, бывало, мимо жсстяной форточки Адама Мартыныча. Тутъ! тукъ! и если выглянетъ головка Шарлотты-чмокъ! и прамо въ губки, разбойники, а если захочетъ Адамъ Мартынычъ посмотръть, кто стучигъ въ окошко-лучше и не показывайся, - такую далуть, что недълю будутъ больть зубы. Просто ужасть какъ куралесили! А Петръ Силычъ туда-же за ними, да еще и подмигиваеть, и подговариваеть: «Браво, ребята, знатно, ребята! Молодцы!» Еще-же продавалъ у насъ на углу мальчишка сайки. Вотъ и соберутся около него головорызы. - Что стоитъ сайка, Мартышка! - Десять копъекъ, сударь. - Ахъ ты мошенникъ! Какъ можно такъ дорого брать! - и хлопъ-надвинутъ ему шапку на глаза, да и тяпъ сайку, потомъ другую, а тамъ давай Богъ ноги... Ужасные безпорядки въ городъ дълали: бывало,

привяжутъ къ хвосту кошки пузырь съ горохомъ, и пустятъ по улицамъ, а она-то бъдная мечется, какъ угорълая, и всъмъ подъ ноги кидается; или свяжутъ двухъ собакъ хвостами, а они-то и вертятся в вертятся; то вымажуть все заборы такими фигурами в словами, что честный человъкъ покраснъетъ, да, проходя мимо, отвернестя и плюнетъ. - И не перечесть всего, что они тамъ проказили. Но Иванъ Ивановичъ ви въ какія дъла не мъщался. Одътъ былъ всегда скромно. Въ Правление приходилъ раньше всъхъ. Я, было, и забылъ вамъ сказать, что онъ находился у насъ на штатномъ мъстъ и считался за отличнаго чиновника. Нанималъ онъ у купчихи Аршинниковой двъ комнатки; убраны они были чисто. Въ углу, какъ теперь помню, стояла деревянная, зеленая кровать съ ситповымъ одъяломъ; надъ нею образъ Симеона Богопримца. Всъ бумаги были разложены въ порядкъ. Чернилица такая фигурная. Еще-же лежала тугъ на столь Ивана Ивановича маленькая теградка, гдъ онъ записывалъ все, что ему казалось интереснымъ. Тутъ быми и стихи разныя, и мысли, и выписки, и вопросы всякіе: Вопросовъ-то вотъ тутъ было больше всего, и на всъ надъялся онъ современемъ отвътить. Унего была еще старая кухарка, Домна, кривая, да жирный сибирскій котъ Мурлыка, да надъ окномъ въ клетке висела птица какая-то странная. Иванъ Ивановичъ уверялъ все, что это настоящая американская и поеть только разъ въжизни, передъ смертью, но такъ, что можно умеретъ отъ-радости, слушая ее. Но видно, что птица не хотъла умирать, и вичего не пъла, а только какъ-то все неприятно чиркала. Вотъ я и прихожу разъ къ нему, да и началъ говорить про птицу. День былъ, видите, оченьжаркій, Иванъ Ивановичъ сидълъ передъ своимъ письменнымъ столикомъ, и держалъ въ рукахъ свою тетрадь, важно глядя въ потолокъ. Онъ былъ въ серыхъ нанковыхъ панталонахъ, подтяжки были такія красивыя, иславно вышитыя, на шев чорный платокъ. Сюртукъ и жилетъ снялъ Иванъ Ивановичъ для прохлаждевія. Окно было отперто, и птица сердито чиркала въ клюткю.

- -Заравствуйте, Иванъ Ивановичъ! сказала я ему.
- -Здравствуйте, Семенъ Игнатьичъ! отвъчалъ онъ.
- -Какъ ваше здоровье?
- —Слава Богу! а вы какъ?
- -Да какъ видите, помаленьку! Слава Богу.
- —Садитесь, пожалуйста. —Благодарю покорно, я совсемъ не усталъ... Славная погода!
 - -Прекрасная! Давно такой не было.
- —Да! **прошлое льто было гораздо-хуже**, все дождь шолъ.

- —Да! точно! дождь шолъ... отчего-бы это? Что новаго, Семенъ Игнатынчъ.
- натынчъ. –Да что́—пичего пътъ Иванъ Ивановичъ, все постарому, нпчего не случилось! —Здоровы-ли всъ ваши?

 - -Слава Богу! покорно благодарю! всъ здоровы.
 - —И Алена Васильевна?
 - —Слава Богу, здорова при образавания на при образавания при образавания на прини образавания на при образавания на при образавания на при образ
 - —И Сергъй Сергънчъ?
 - Здоровъ, Слава Богу.
 - И Иванъ Петровичъ?
 - —Всъ слава Богу, покорно благодарю!

И Иванъ Ивановичъ снова устремиль глаза въ потолокъ. Я вздумалъ заговорить про его птицу.
— Что-же это ваша птица не поетъ Иванъ Ивановичъ?

- -Видно, что еще не пришолъ часъ ей умирать, отвъчалъ онъ
- -Нътъ, я-бы на вашемъ мъстъ давно ужъ свернулъ ей шею, чтобы только послушать, какъ она будетъ пъть.

Иванъ Ивановичътакъ выразительно взглянулъ на меня и сказалъ: Вы большой злодъй, Семенъ Игнатьичъ.

- Что вы, что вы, Иванъ Ивановичъ : на меня еще никто и жалобы въ Судъ не приносилъ. Я всегда жилъ въ страха божіемъ и повиновении вачальству, атапия у получения от сенью об се
- -Но какъ-же вамъ не жаль лишить жизни невинное творевістро, этиква, далью деярь, дупити оди атидовоть дварки и па сли
- -Помилуйте, чтобъ опа провалилась, бъда большая укокошить скверную крикунью, лишь-бы она только спъла что-нибудь хорошенькое.
- Нътъ! Я не такой тиранъ, какъ вы, и для своего удовольствія не буду терзать слабое создание.

И опъ онять замолчалъ и началъ смотретъ въ потолокъ.

- -О чомъ вы думаете, Иванъ Ивановичъ? спросилъ я его наконецъ, не видя коица его размышленію.
- -Ла, вотъ что, Семенъ Игнатынчъ, не можете-ля вы миж растолковать: отчего вонъ тамъ на потолкъ тараканъ ходитъ головою a sage supare, nondactively! Cases Dory внизъ, а?

Я посмотрыль вверхъ, и въ-самомъ-лыль, сърый прусакъ полать по грязному карниву, отыскивая себь безопасное убъжи--Препрасная Дова такой на было. ше.

-Иу, ужъ этого и вамъ не могу сказать, Иванъ Ивановичъ. Ка-

жется, просто оттого, что онъ на то и тараканъ, чтобъ ходить по потолку.

— Гмъ? Вы такъ лумасте? Оттого, что онъ тараканъ. Ну, а

муха-то отчего ходитъ?

- Myxa?!.. Ну оттого, что она муха. И 1 гиро допина в/-
- Гмъ! Ну, а отчего кошка не ходить?
 - Ну, оттого, что она кошка, а не муха, не таракань.
 - И не тараканъ... Нътъ! это все неясно! Я не то думаю!
 - Ну, ужъ вы думайте, какъ знаете, а и такъ такъ думаю.
- Такъ! отчего-же такъ? пакъ! 1 глодуя Т вамов. 1 говеня ...
- Оттого, это пенначе! а, то-есть, вотъ именно такъ, какъ Пичего-съ, Павил Приновачъ : и буду пурата вилеть ОНЖИ
- Ахъ, какой вы странный человъкъ! ну отгого, что такъ надобно. - Гмъ! оттого, что такъ надобно!..

Иванъ Ивановичъ снова началъ смотръть въ потолокъ. Наскучивъ такою принужденностью въ разговоръ, я всталъ со стула, чтобъ отправиться домой.

— Куда-же вы Семенъ Игнатьичъ? Готьчор ва ви втерго оп-

- Да вогъ, Иванъ Ивановичъ, еще надо кой куда завернуть, такъ не хочется больше васъ безпоконть... 19410 дана выполь
- Что-жъ такъ рано, Семенъ Иснатыриъ, посилите еще немножко! Куда вы торопптесь?
- Нельзя, право, объщался быть непремънно, извините пожалуйста. Зайду въ другой разъ, если вамъ не псириятно видъть меня.
- Ахъ, какіе вы, Семенъ Испатьичь, никакъ не хотите остаться... ну, что-будешь дълать съ вами... прощайте!
- Прощайте, Иванъ Ивановичъ. Счастливо оставаться! Мое по-LEA TETU ITO SERVING THE BUTTE HOLES чтеніе.
- И мое также! Не забудьте, пожалуйста, поклониться отъ меня супруга вашей помин супратиль и по торы вереня вет су А -
 - Покорно благодарю! че забуду-съ!
 - И Сергью Сергьевичу!
 - Не премину-съ.
- И Ивану Петровну. Полите в применя в примен
- Покорно благодарю! буду кланяться.
- Прощайте, Семенъ Игнатьияъ. оте достоято забор-гива-гия
- Прощайте, Иванъ Ивановичъ.

Но въ то время, какъ я брался за ручку двери, въ комнату вошли Александръ Иванычъ, Петръ Петровичъ и Филимонъ Степанычъ, наши чиновники. Я почолъ за лучшее остаться.

Поздоровавшись со всъми по-очереди, Иванъ Ивановичъ началъ разговаривать.

- Что скажете, господа? что новаго?
- Ла вичего, братъ! Власъ Спиридонычъ (это былъ начальникъ отавленія) еще выше задразъ носъ : онъ сегодня на объдъ у вицегубернатора, отвъчалъ Петръ Пстровичъ.
 - Aralyse or on It, one new new new transition on II
 - Да! Прикажи-ка братъ подать трубку.
- Сейчасъ! Домна! Трубокъ! Извините, господа, у меня только три трубки... Вы, Филимонъ Степанычъ потрудитесь пообождать.
- Ничего-съ, Иванъ Ивановичъ : я буду курить вмъстъ съ Петромъ Петровичемъ, не безпокойтесь. was our inagentation in the same

И мы закурили трубки.

- Странно, говоримъ Иванъ Ивановичъ, отчего бы это дымъ поднимается вверхъ?
- однимается вверхъ: Ха, ха, ха! оттого, что онъ къ небу стремится, отвъчалъ Александръ Ивановичъ : экъ не догадался!
 - Но отчего не къ землъ?
- Ну!... отчего?... оттого, что земля ему не нравится! А вотъ гучше, скажи-ка, отчего ты спрашиваешь о всякомъ вздоръ?
- Оттого, что я хочу приобръсть полезныя свъдънія, узнать то, чего я еще не знаю. - Ну, а это мя чего?

 - Для того, чтобъ быть умнъе.
- А зачемъ тебе быть умиве? Стихи что-ль писать?
 - Нътъ, а для того, чтобы быть полезнымъ людямъ.
 - А для чего это хочешь ты быть полезнымъ?
- Ну, чтобъ пользу приносить.
- Ахъты звърь! вскричалъ Александръ Ивановичъ въ припадкъ громкой радости: такъ ты хочешь приносить пользу твоими вопросами, хорошъ гусь! что за человъколюбецъ такой.

И всъ расхохотались.

Иванъ Ивановичъ человъкъ смирный и тихій, онъ викогда не сердился за шутки своихъ товарищей, онъ только изръдка спрашивалъ самъ-себя: отчего-бы это было, что они всв надо мною смв-

Потому онъ очень-краснорычивымъ образомъ доказывалъ, что истивно-умный человъкъ долженъ стараться все узнавать и, слъдовательно, обо всемъ спрашивать. Что разъ какой-то странствующій пустынникъ, которому онъ подаль гривенникъ, разсказаль ему много чудныхъ вещей.... Очень-много любопытныхъ вещей разсказываль намъ въ тотъ разъ Иванъ Ивановичъ и показаль даже свою тетрадку, въ которой было написано много поучительныхъ вопросовъ: «Отчего, напримъръ, когда птица летитъ, такъ крыльями машетъ; отчего человъкъ человъкомъ называется, а не лопаткой; отчего на головъ растутъ волосы, а на носу нътъ; отчего курвца изъ яйца, а не прямо рождается; отчего въ февраль 28 дней; отчего каждый день ночь бываетъ, и человъкъ ежеминутно таки мигаетъ и плюется», ву и много тамъ преинтересныхъ вещей было — всъхъ не запомню. Вотъ какъ кончилъ онъ, всъ надъ нимъ смъяться и начали и пристали къ нему спрашивать: отчего это у тебя, Иванъ Ивановичъ, носъ такой длинный, а штаны короткія, и это отчего, и то почему и это что такое и то зачъмъ, да и начали его пальцами тыкать. Потъха да и только. Бъдный Иванъ Ивановичъ только отмахивается, да краснъетъ, а ни слова ни скажетъ, — добрякъ такой! Вотъ такъ мы долгое время провели. Очень-весело было.

Много еще дълалъ Иванъ Ивановичъ странныхъ вещей, право всьхъ не упомню да и не стоитъ разсказывать, мелочь такая! Вотъ онъ разъ на балу у предводителя вздумалъ прегромко спросить: Отчего это сынъ его такъ похожъ на Кирилу Семеновича! Наши вст такъ и расхохочутся, а хозяннъ-то покраснълъ и пробормоталъ сквозь зубы: «Экое глупое животное, скотина такая, разбилъ-бы тебъ носъ я, да и спросилъ, отчего-бы это кровьу васъ идетъ, Иванъ Ивановичъ? Я, знаете, стоялъ подлъ, такъ все в слышалъ». А вслухъ то онъ сказалъ совсвиъ другое : «Да, Иванъ Ивановичъ, я и самъ часто этому удивляюсь. Да, должно-быть, что Божья воля! Кирила Семенычъ мой другъ елинственный, десять льтъ вивств служимъ, такъ можетъ, что симпатія.» А другой разъ спросиль онъ также у городинчихи: «Отчего-бы это было, что у васъ дътей такъ много, а вотъ у Прасковьи Степановны вотъ только второй родился?» А скажу вамъ, что Прасковья Степановна ужъ третій годъ какъ была овдовъвши. Вотъ этакими-то вопросами и навлекъ онъ на себя негодование начальства, а самъ, право, былъ такой невинный, точно ребенокъ, и все это спроста спрашивалъ, а не изъ чегонибудь такого, знаете!...

Вотъ разскажу вамъ, какъ онъ умеръ. Жалости было достойно, — человъкъ-то онъ былъ славный. Это было, кажись, передъ Петровымъ днемъ. Погода была такая прекрасная. Иванъ Ивановичъ вышелъ погулять по городу. На немъ былъ нанковый сюртукъ и свътлые казимировые брюки. Шолъ онъ долго вдоль домовъ и видитъ,

что вдругъ свинья бъжитъ. Иванъ Ивановичъ остановился, подняль палецъ къ верху и сказалъ громко: «Свинья!» такъ, что это слышаль нашъ чиновникъ, который въ этомъ домъ жилъ. (Онъ-то намъ после это и разсказывалъ), «Странно!» сказалъ опять Иванъ Ивановичъ: «отчего-бы это?» и началъ звать: «Свинья, свинья!» А свинья-то подняла морду, бъжитъ да хрюкаетъ, а на него и не смотритъ. Кричалъ овъ кричалъ, да и остановился. «Нътъ», говоритъ, «ничего, не обижается! какъ ее не зови свиньей — все ни почомъ. А попробуй-ка назвать кого-нибудь, хоть примъромъ Семенъ Игнатыча свиньею (это онъ про меня говорилъ! Добрый человъкъ, очень любилъ меня и часто вспоминалъ), въдь онъ взбъленится точно Богъ знаетъ что, а свинья не обижается-отчего-бы это?» Ну, вотъ какъ онъ это сказалъ и пошолъ дальше. Поровнявшись съ домомъ Филимона Степановича поднялъ онъ опять голову вверхъ и видитъ, что лежитъ на окошкъ Филимонъ Степановичь въ халатъ и старается все какъ-бы ему на голову плюнуть. Онъ немного отсторонился и началъ съ нимъ разговаривать.

— Згравствуйте, Филимонъ Степановичъ! отчего это вы все

внизъ плюете?

— Да вотъ, извяните Иванъ Ивановичъ, хотълъ пошутить надъвами, илюнуть вамъ на голову, да и спрятаться; а вы-бывсе думали: «Кто-бы это былъ, кто-это быль?» Да вотъ все бъда моя, никакъ не могъ принаровиться товъ-право, то въ-лъво, досадно очены Я-бы посмъялся надъ вами.

И вамъ оттого все подробности разсказываю, господа, что это были его последніе разговоры и такъ-живо у меня въ памати остались. Очень-любопытно знать, что делалъ бедный Иванъ Ивановичъ въ последніе минуты своей жизни. Послушайте, что случилось далье.

Ну! такъ щолъ онъ все дальше, да и говорилъ самъ съ собою: странно! отчего это, когда человъкъ ходитъ, руки у него мотаются. Вспомнишь—и удержишь, позабудеть—и опать пойдутъ мотаться. Очень-удивительно! Вотъ опъ наконецъ завернулъ за уголъ и пошолъ, знаете, мимо дома совъстнаго судьи, что тогда отстропвался. Еще на поворотъ предчувствовалъ опъ, върно, свою кончину, потому что вдругъ дорогу ему перебъжала чорная кошка и онъ
такъ испугался, что забылъ даже спросить: отчего-бы это было?
По всему видно было, что конецъ его приближается: всегда такой
смпрный и ласковый, онъ вдругъ разсердился на мальчишекъ, которые на углу играли въ бабки. Одинъ изъ нихъ кинулъ ему бабку прямо полъ ноги. Иванъ Ивановичъ покраснълъ съ досады:
«Смотри ты мерзавецъ: я тебъ надеру вихоръ», сказалъ онъ, при-

ложивъ къ носу палецъ въ видъ угрозы. Мальчишки начали надъ нимъ смъяться и крвчать: «У! у! грибъ съълъ! старый пень! что взялъ, зеленый кафтанъ, а! а!» И они долго бъжали за нимъ, дълали ему носы и высовывали языки. Иванъ Ивановичъ былъ очень разсерженъ.

Вотъ подошолъ онъ наконецъ къ дому. Онъ весь былъ обстроенъ лъсами, а работниковъ на ту пору никого не было, - они всъ ушли объдать. Третій этажъ былъ готовъ, клали черепицы. Иванъ Ивановичъ поднялъ глаза и видитъ, что на самомъ верху съ крыши высунулась дленная предленная доска, и на концъ ея лежитъ огромный кириичъ и доска сильно качается, а кириичь не падаетъ. Иванъ Ивановичъ остановился въ раздумын: отчего-бы это доска качалась, а кирпичъ не падалъ? говорилъ овъ. Сначала онъ полумаль, что это отъ вътру. - нътъ! - погода прекрасная, вътра нътъ ни малъйшаго, и даже жестяной пътухъ не вертится на крыше Силы Васильевича. Странно! Что-бы это значило? Иванъ Ивановичъ думалъ, думалъ, да не утеривлъ, пользъ карабкаться по лъстницъ. Очень-нужно было! Льзъ онъ, льзъ да и остановился на самой крышъ. Проклятая доска была отъ него въ двухъ шагахъ и какъ-будто нарочно все качается. Иванъ Ивановичъ подошолъ, чтобы разсмотръть поближе. Лукавый что-ли, прости Господи, дернулъ его стать на эту чортову качалку. Только, что онъ протянуль руку, чтобы взять загадочный кирпичъ.... вдругъ.... кракъ!... доска подломилась, и овъ со всего размаху полетълъ внизъ. Къ-счастию, видъли это мальчишки и тотчасъ-же побъжали по всему городу и начали кричать: «Зеленый кафтанъ съ крыши упалъ, себъ голову сломиль!» Первая услыхала это жена нашего купца Афросимова. Прибъжала она къ дому-то, да и всплеснула руками. «Ахъ ты, Пресвятая Богородица! да это Иванъ Ивановичъ!... Господи ты Боже мой! Какь это его угораздило. Алена Ивановна, Алена Ивановна, куда ты бъжищь какъ сумасшедшая? вдъсы! завсь! Я первая нашла его. » Прибъжала и Алена Ивановна, запыхавшись отъ устали! «Ну, ужъ матушка, важное дъло ты нашла! я еще издали первая видъла и прямо сюда бъжала!»

— Видинь нашла кого увърять! ты перван. Да не закричи я, такъ ты-бы ѝ мимо проъхала!

Вотъ еще! мимо! Я тебъ говорю, что я прежде тебя видела.

— Врешь ты! все врешь! тебъ-ли видьть? Мужъ-то твой подъ глазами у тебя ухаживаетъ за женою Оалденча, а ты и не видишь.

- Молчи ты, старая безстыдница! Тебв чужія дела только и замечать! а къ самой, на старости леть, каждый лень какъ мужъто на рынкв, офицерь въ гости приходить, срамница! — Ахъ, ты сплетница этакая! Видно съ самаго утра хлъбнула ужъ пънничку, такъ умъ-за-разумъ и заходитъ, пьяница.

— Оглянись на себя, посмотри — носъ-то у тебя у самой красенъ какъ уголья! Жаль, жаль, мужъ твой не видитъ! Потаскалъ-бы тебя по-намеднишнему, такъ не смъла-бы добрыхъ людей порочить, да съ-позаранку по кабакамъ бъгать, да офицеровъ въ гости звать, да мужа обкрадывать!

— Молчи ты, што-ли! разбойница! смотри, я тебъ всъ глаза вы-

царапаю!...

 Попробуй, попробуй! я тебъ всъ волосы вырву, на клочка не оставлю, нечъмъ будетъ офицеру любоваться.

Кумушки схватились было въ-потасовку, но тутъ прибъжали мужчины и розняли ихъ. Иванъ Петровичъ такъ любилъ Ивана Ивановича, что въ-попыхахъ прибъжалъ, свазать совъстно, въ одномъ всподнемъ платью, то есть, не въ всподнемъ платью, а еще хуже. Филимонъ Степановичъ прибъжалъ съ намыленной щекою, Василиса Степановна безъ чепчика, забывъ даже припрятать свои съдые волосы, а у Алексъя Семеныча на одной ногъ былъ сапогъ. а на другой жолтая сафьяная туфля. Я тоже прибъжаль безъ шляпы. Словомъ, надъбъднымъ Иваномъ Ивановичемъ видимо-не-видимо народу, и всъ начали разсуждать, какъ это онъ упалъ, да отчего это онъ упалъ. Толкамъ и розсказнямъ конца не было. Наконецъ ужъ одинъ добрый человъкъ догадался да побъжалъ за Нъмцемъ лекаремъ, а Иванъ Ивановичъ все это время лежалъ да охалъ такъ жалобно, что у меня сердце надрывалось. У него объ ноги были переломлены, да голову прошибъ маленько, да руку помялъ. А вокругъ него всъ такъ и начали совъты давать да разговаривать.

— Что это взлумалось вамъ, Иванъ Ивановичъ, карабкаться на такую вершину! Вотъ Богъ п попуталъ! Экіе вы какіе, сказалъ засъдатель.

- Отчего-бы, вы думаете, могъ онъ упасть, басилъ Алексъй Ивановичъ: свернулся что-ли какъ по-веосторожности!
- Должно-быть что такъ! Пользъ изъ любознательности да и сломилъ себъ шею изъ ничтожества.
 - Жаль, ей-Богу Ивана Ивановича : добрый былъ человъкъ.
 - Ништо ему, олухъ какой былъ!

Другіе почелов'вколюбив ве спрашивали: «Что вы такое ушибля Иванъ Ивановичъ, больно что-ли вамъ? Эхъ, жаль, право, жаль. Да и какъ это вы не полумали, что можно упасть оттуда? Междутвмъ прибъжалъ Нъмецъ Францъ Иванычъ. У него, знасте, была странная привычка, все бывало говаривалъ: «Это ничево? Карашо, очень карашо!» Вотъ онъ и прибъжалъ да и началъ ворочать Иванъ Ивановича на всъ стороны, приговаривая: «Карашо! ничево! два ногъ сломанъ! одинъ рукъ тоже! Очень-карашо! Ба! и голова разбитъ! Карашо! умирать будетъ! Ничево!» Вотъ наконецъ мы подняли Ивана Ивановича и снесли къ себъ домой. Жилъ онъ, бълняжка, еще сутки, а на другія и Богу душу отдалъ! Очень-жаль было! Еще въ послъднія минуты спрашиваль онъ: «Отчего-бы это было, что онъ умираетъ и что надъ самой головой его паукъ на ниткъ спускается?» Скончался онъ этакъ около седьмаго часу вечера 27-го іюня въ прошломъ году. Еще в теперь помню я, какъ мы провожали покойника на кладбище; онъ былъ одътъ въ новый мундиръ съ зеленымъ воротникомъ, пуговицы были такія свътлыя; дворянская медаль и пряжка за XV льтъ безпорочной службы блествли въ петлицъ; на крышкъ гроба лежала трехугольная шляпа. Почти весь городъ провожаль его и даже самъ засъдатель шолъ безъ шляпы. Памятникъ ему поставили славный и написали тамъ, что такой-то родился и умеръ тогда-то, а житія его было 48 льтъ и 2 мъсяца. А внизу, знаете, золотыми буквами было написано: «Покойся съ миромъ, праведная душа!» и кругомъ ангелы летали. Алексъй Ивановичъ написалъ также стихи на памятникъ, да ихъ не выръзали: дорого стоило, — просили по копейкъ за букву. А жаль, очень-жаль! Стихи были прекрасные, они у меня списаны Я вамъ когда-нибудь доставлю! Еще такъ поразительно начинается: «Онъ умеръ! доблій и правливый мужъ!» ну, и такъ далње! Всего не упомню! А очень-хорошо было!

Вотъ, господа, какъ умеръ бъдный Иванъ Ивановичъ! Не правда-ли, вамъ жаль его? Эхъ! грустно бываетъ, какъ подумаешь, отчего на свътъ-то жизнь человъка зависитъ, И изъ чего бьется онъ? Богъ знаетъ! Живетъ, живетъ, вотъ и думаешь, ну, авось что-нибудь изъ этого и выйдетъ — вдругъ не тутъ-то было! духъ вонъ и все кончено. Странно, ей-Богу, когда подумаешь, какъ это все на свътъ такъ чудно дълается. И по-неволъ иногда самъсебя спросишь: отчего-бы это такъ было? Удивительно, ей-Богу!... Налейте-ка мнъ, господа, еще стаканчикъ пуншу!........

removing of a property of the extension against

ногъ сломанъ долинь рука гоме! Очень-нарано! Ва! и голова разdays! Kapamol vampara Syseral Historia Born concura un nosнали Ивана Ивановича и специи из собъ домой. Жиль опъд был-

нетръ ивановичъ морошка, то это дажен forced Rose an appearant a waterest amountains parts of trees-factors

Разсказывалъ я вамъ, господа, про Ивана Ивановича, помните! Въдь сущая правда была, а вы не повършли... а вотъ теперь опять хотите, чтобъ я вамъ что-нибудь разсказалъ. Хоть вы и говорите мив. что я съ большимъ красноръчемъ описываю, да мив чтото не върптся. Просто, вы надо мной, надъ старикомъ, посмъиваетесь, ну, да Богъ съ вами! Отчего-жъ и не потышить молодыхъ людей разсказомъ о старинъ, о бывальщинъ. Не такъ все дълалось у насъ въ губернін, какъ въ столицахъ. Всякаго просвъщенія было гораздо-меньше; нашли-бы вдоволь надъ чемъ посмъяться... за то и жили всъ явно, не хитря, на-распашку; ужъ коли глупъ былъ человъкъ, такъ вотъ какъ на ладони видно, такъ прямо и сразить, а не будеть финтить, да надувать, какъ столичные. Отъ него, отойдя въ сторону, плюнешь, да и скажешь про себя: Вотъ глупъ-то, глупъ-то! Создатель ты мой! Словно пень осиновый! А у васъ и дураки-то всъ какъ-то особенно, по умному глупы. Попробуй заговорить! Матерь Божія! и пошло, и пошло! такого туману въ глаза напустить, такихъ чудесъ наскажетъ, что и въ-правду примешь его за философа что-ли или профессора какого. А разбери-ка, что онъ говорилъ! - И куды! до смысла Божескаго недоберешься! Дичь, просто дичь!..

Впрочемъ, я вамъ не о томъ хотълъ резсказывать. Не осудите коли подъ-чась забалтываюсь! Старость не то, что молодость : не все подбереть въ строку, да выставить чинно, да гладко, знай любуйся! У нея часто слова разбредутся въ сторону, словно инвалиды хромые, а тамъ и собирай ихъ себъ!!

Sorr maora Life onora, school of an armacan, and anoral arcone. апод ажуз. Гомай от глут за алудая - атзайная и ополе для вели

Такъ слушайте-же, что я еще скажу вамъ. Ръчь будетъ все объ нашемъ городъ : тамъ чудаковъ-то не занимать-стать.

Мъсяцъ спустя, этакъ, по смерти Ивана Ивановича, шолъ я по Петербургской улиць, знаете, что ведеть къ заставъ. Со мной былъ Филимонъ Степанычъ, да Александръ Иванычь, старые знакомые. А зачемъ ужъ шли мы, право, не помию! Вдругъ, глядамъ мы, катитъ въ заставу кибитка четверней. Лошади знатные. лищикъ лихо помахивалъ кнутомъ, такъ, что ребятишки разлетались кто куда, да лворовыя собаки отъ страха въ канурахъ пря-тались. Мы и ну спорить, кто-бы это былъ. «Върно ревизоръ», сказалъ Александръ Иванычь въполъ-голоса, и началъ галстукъполдергивать, да бархатный воротникъ на вицъ-мундиръ общлагомъ обтирать.—Пътъ, по всему видно, что это самъ губернаторъ, при-молвилъ Филимонъ Степанычъ, и застегнулся на всъ пуговицы, да поскоръй жабо запряталъ. А я иду-себъ спокойно, и думаю: Мнъ что за дъло, кто-бы ни былъ: я человъкъ не служащій! — Вотъ покамъсть мы этакъ разсуждали, кибитка поровнялась съ нами, и вдругъ кто-то оттуда забасилъ: «Стой!» Ямщикъ дернулъ лошадей, рослый лакей соскочилъ съ запятокъ, и пачалъ разговаривать съ бариномъ: «Что прикажете?» спросилъ опъ. «Отвори-ка, братъ, говориль тотъ же голосъ: Я дальше не поъду, а вотъ разспрошу по-камъстъ вотъ этихъ!» — И вдругъ, изъ кибитки полизла длинная рука, въ зеленомъ рукавъ, съ жирною, красною ладонью, и уставила прямо на насъ палецъ. Филимонъ Степанычъ поблъдивлъ и шепнулъ мив на ухо : «Такъ п есть Его Превосходительство». Александръ Иванычъ отъ-страху никакъ не могъ попасть въ карманъ рукою, чтобъ платокъ вытащить, а Филимонъ Степанычъ снялъ шляпу и такъ расшаркался передъ кибиткой, что пыль погами поднялъ; я и самъ, признаться, не множко струхнулъ, но бодро ждаль, что будети дальше. Вижу, что выльзъ человькъ, льтъ этакъ подъ 40, въ зеленомъ сюртукъ, съ малечькими свътлыми пуговицами; на немъ были штаны шафраннаго цвъту, и большіе охотничьи сапоги съ кисточками. На головъ картузъ съ длиннымъ козырькомъ. Лидо у него было, знаете, ни-то-ни-се, просто обыкновенное. Онъ подошолъ къ намъ, и началъ спрашивать: «А что, господа, позвольте узнать, кто вы такіе?» Филимонъ Степанычъ смотрълъ на Александра Иваныча; Александръ Иванычъ смотрълъ на Филимона Степаныча, и никто не говорилъ ни слова. Наконецъ, я взялся уже отвъчать, и разсказалъ ему, кто мы были и зачъмъ, и куда шли, а спросить, кто онъ самъ былъ, право, духу не было. А знаете-ли вы Ивана Ивановича Морошку? сказалъ онъ еще разъ. Филомонъ Степанычъ вызвался отвечать со всевозможною учтивостью: « Ивана Ивановича, Морошку-съ? то есть-какъ-съ? Позвольте узнать, смею спросить, то есть того самаго Ивана Ивановича, который имълъ честь скончаться въ прошломъ мъсяцъ?

— Ну да! того самого, что умеръ. — Какъ-же съ! имъли удовольствіе!.. пользовались знакомствомъ... очень-хорошій человъкъ былъ, Ваше... извините!.. честь имъю узнать, какъ.... то есть не то, чтобы изъ дерзости... а просто, тоесть такъ совершенно безнамъренно, какъ намъ адресоваться и изъявить почтеніе, вашему... вашей особъ?

- То есть, вы хотите знать, кто я? Извольте! Я Петръ Ивановъ сынъ Морошка, помъщикъ Саратовской губерній, Елабужскаго

увада, деревни Шипиловки.

И точно! Это былъ братъ Ивана Ивановича, который привхаль къ намъ на нъкоторое время, ръшить кой-какія дъла, оставшіяся по смерти брата. Онъ былъ довольно-богатый человъкъ, имълъ душъ двъсти, много пахотной земли и три десятивы лъса. Онъ ниглъ не служилъ и жилъ вольнымъ холостякомъ въ своей деревиъ. Душа у него была предобрая, а чудакъ-то какой былъ, не приведи Господв! вдвое глупъе Ивана Ивановича! Вообразите: онъ также, какъ и братъ, помъщался на вопросахъ, и все бывало спрашиваетъ: Къ чему-бы это привело, зачъмъ-бы это такъ сдълалось, какія будуть тому следствія? Престранный человекь! Верно ужъ это у него было врожденное, или фамилія несчастная такая. Богъ знасть отчего, но только онъ намъ не меньше своего брата надобдалъ, право. Увидить, напримъръ, что дождь идеть, или собака углы обнюхиваетъ, или Андрей Архипычъ глаза шуритъ, или что-нибудь другое, то тотчасъ и спрашиваетъ: для чего это, къ чему-бы это повело, какія-бы тому могли быть следствія? Чудакъ былъ преестественный. Еще его то погубило, что онъ разныя книги читаль. Богь знаеть, откуда онь тамъ выкопаль всякіе проекты, нововведенія, преобразованія, улучшенія, и все бывало только ими и бредилъ. Главное, все ему хотълось другихъ подорвать. Выдумалъ изъ ръпы сахаръ варить, изъ ръдьки масло жать, да землю семью родами съмянъ разомъ засъять, да паровыя мельницы заводить, да каками-то пнями мостовую мостить — бъдокуръ да п только! Все это, разумъется, ему не удалось: вмъсто сахара выварилъ онъ изървны такую гадость, что даже мухи не вли, а человъку и посмотръть совъстно, стыдно даже сказать на что похоже было!... А изъ ръдьки вышла такая эссенція, что котъ его Васька, забравшись разъ къ нему въ кухню: нахлъбался ее да и окольяъ. Хорошо еще, что онъ самъ не вздумалъ отвъдать, было-бы ему тоже. На поляхъ у него выросла такая кутерьма, что и не разберешь. Да въдь и придетъ-же въ голову человъку

этакая глупость. Взяль онъ свиянъ разныхъ: хлъбныхъ зеренъ. да пшеницы, да овса, да гороху, да бобовъ, перемъшалъ ихъ. да и посвяль. Растеть, Богь знаеть, что-такое, трава не-трава, рожь не рожь, горохъ не горохъ, а Петръ Иванычъ, все говоритъ: «Будеть! будеть! будеть! подождите!» Вотъ наконецъ и осень настала. Крестьане-то пришли къ нему, да и спрашиваютъ: Какъ ваше-то зелье, батюшка, жать, аль косить прикажете? Петръ Иванычъ. былъ въ большомъ недоумънін, вышелъ самъ на поле и давай искать, не выросло-ля чего путнаго! Ничего! все такъ перемъщано, что и не разберешь. Ходилъ, ходилъ, видитъ, что пустяки выросли, и остановился, стоялъ, стоялъ, да вдругъкакъ хватитъ себя въ лобъ, такъ что староста, который съ нимъ витеть прашолъ, даже шапку снядъ, «Да! сказалъ онъ, точно! Это оттого не выросло, что не такая температура была. Другой разъ, надо будетъ подограть воздухъ. А теперь, прикажи весь скотъ изъ деревни согнать на этотъ лугъ. Пусть и имъ праздникъ будетъ!» Вотъ скотъ и выгнали. Да глядишь, какой тутъ праздникъ; повърите-ли ниодна скотина не котъла даже попробовать этой путаницы, понюхали, понюхали, да и отошли прочь, хвосты поджавши. Паровыя мельницы его также не удались; какъ онъ ни хитрилъ, а чудодъйная машвна его не смолола ни одного зерна, а только поломала ребра мужикамъ, которые на ней работали. Вотъ всв эти, какъ онъ называлъ, «неудачи» и заставили его пообразумиться. Началъ онъ жить поскромиве, и планы составляль только въ головъ, да на бумагь, а ужъ исполнять ихъ больше не затываль, да чего! чуть-было совсвыть не разорилъ и съ первой попытки. Теперь овъ все говаривалъ: «Составлю я цълую систему хозяйственнаго управленія, да и повду въ Петербургъ; тамъ миз дадутъ привиллегію, а я сделаю компанію на акціяхъ.» Замышляль онъ даже просить привиллегію у правительства, на дъланіе меду изъ цвьтовъ. Хотваъ, видите, пчелъ подорвать, чудакъ этакой! Былъ у него еще планъ — изъ опилокъ хлабы печь, да возлухъ какимъ-то газомъ нагръвать, такъ, чтобъ зимы не было, да медвъжатъ приучать поноску носить и за господиномъ бъгать, вмасто собакъ, да изъ стриженныхъ человъческихъ волосъ сукно ткать, и всего не перечтешь! Такъ вотъ поселился онъ у насъ въ городв, и жилъ мъсяца два, и такихъ тамъ чудесъ настроилъ, что и въкъ не забыть. Выкидываль штуки и получше Ивана Ивановича. Разскажу вамъ кой-какія взъ его продълокъ. Надо вамъ сперва замътить, что онъ нашего начальства и знать не хоталь, ни къ кому въ гоств не вздилъ, ни кому не кланялся. Очень-противуначальственно вель себя, Всв въ городе на него косились. Зато наша братья не T. VI. - OTA. 1.

служащіе, и мелкіе чиновники, у него почти живмя жили. Онъ быль человькъ добродушной, хльбосоль, принималь всъхъ съ удовольствіемъ. Наши, бывало, у него подгуляють, да въ такой азартъ войдутъ, что Боже упаси! Александръ Иванычъ подъ-шумокъ бывало все стихи сочинялъ на городничаго и рифмы прибиралъ: городничій, льсничій, синвчій, птичій, начальство, нахальство, канальство, капральство; только сше къ нимъ стиховъ не доставало. — Ну да это, говаривалъ Александръ Ивановичъ: вещь негажная, можно какъ-разъ полобрать; главное дъло въ рифмахъ. Такъ вотъ разъ у него часовъ около 10-ти вечера, такъ всъ разшумълнсь, что городничій, который жилъ отъ него черезъ два дома, прислалъ сказать, что его безнокоятъ шумомъ. Посмотръли-бы вы, какъ Петръ Ивановичь принялъ посланнаго!

Это былъ такой простенькій чиновникъ, на-нобъгушкахъ у городинчаго, звали его всъ просто «Терентьичъ и другаго ему имени не было. Говорятъ, что будто городничиха его для себя держала, ну да не всемъ слухамъ върь. Мы всъ сидъли тогда раскутившись, безъ фраковъ, снавши галстухи. Петръ Ивановичъ приказалъ позвать пославнаго прямо къ намъ. Терентычъ вощолъ смиренно давируя вдоль стывъ, и дрожащимъ голосомъ передалъ намъ просьбу его высокоблагородія: не безпоковть его излишнивь шумомъ. Только-что опъ кончилъ, какъ Петръ Ивановичъ, раскраситвешась отъ досады, полощолъ къ нему и выставилъ ему палецъ прямо передъ носомъ. «Скажи ты своему городничему», заревъль онъ: «чтобы онъ впередъ не смълъ ко мнѣ присылать пословъ съ такимъ вздоромъ. Я живу самъ по себъ, не состою подъ его начальствомъ и знать его не хочу! Видишь, гусь выискался! Мы его безпокониъ! Скажи, чтобъ онъ самъ не безпоконися, а то я его успокою пначе. Слышашь-ли ты, пугало, скажи ему прямо, что онъ свинья; просто такъ и скажи: вельно-де сказать, что вы свинья, и что Петръ Ивановичъ плюнетъ вамъ на голову, если вы еще осмълитесь что-небудь ему замътить. Поняль ты что-ли?» Онъ сначала держаль палець передъ носомь Терентыная, и все подвигаль его ближе и ближе, такъ, что у посла, который пристально смотрълъ на кончикъ этого угрожающаго пальца, начало наконецъ рябить въ глазахъ. Ударивъ его по носу, Петръ Ивановичъ этимъ не ограничился, а взялъ еще его за воротникъ, и началъ трясти, приговаривая: «Слышишь-ли ты? понимаешь-ли ты?» Этотъ возмутительный поступокъ перепугалъ даже полупьяныхъ чиновниковъ. Одни молчали въ ужасъ: другіе посматривали какъ-бы, въ случать, если что-инбудь изъ этого выйдеть, выпрыгнуть изъ окошка. Третьвиъ казалось, что городничій стоить уже передъ ними, съ гроз-

T. VI .- Ora: 1.

нымъ видомъ, и они скоръе спъщили вытянуться и застегивать фраки, которыхъ на нихъ не было. Четвертые даже отъ-страха вышин за чемъ-то изъ комнаты, а Петръ Ивановичъ все трясъ Терентынча. Одинъ ужъ изъ чиновниковъ, сжалившись надъ мученикомъ, остановилъ его за рукавъ рубашки, и тотъ выпустиль изъ руки Терентынча, который бросился бъжать опрометью изъ комнаты. Прибъжавши къ городинчему, онъ разсказалъ ему, что въ домв Петра Иваныча собранись заговорщики, и хотым убить его, городничаго, что самъ Петръ Ивановичъ, началъ такъ бранить его высокоблагородіе, что онъ, Терентынчь, не выдержаль и бросплея драться съ нимъ, Петромъ Иваньичемъ, что въ это время все бунтовшики бросились на него съ ружьями и саблями, ему показалось даже что они притащили огромную пушку, и хотъли стрълять въ него картечью, и что онъ только своей храбрости обязанъ спасеніемъ. Городинчій взбъсился ужасивішимъ образомъ, и божился, что допечеть этого возмутителя общественнаго благосостоянія и порядка. Съ-техъ-поръ овъ сделался непримиримымъ врагомъ Петра Ивановича и выискивалъ разные случаи, чтобъ сдълать ему что-нибудь неприятное. И выискалъ накопецъ, разбойнакъ. Слушайте, какъ это было: «Жила у насъ въ городъ вдова казначея Улита Семеновна Трупоро-Чумодарова съ дочкой Улитою-же Прокловной. Казначейша была этакъ подъ сорокъ, но еще женщина лобрая, свъжая, а дочкъ ся было около двадцати. Премвлая была дъвушка. Читала всякія книжки; платье у нея было всегда съ висячими рукавами по последней моде, а прическа китайская, знаете, всв волосы къ-верху подобраны. Очень шло къ ней. Вотъ и познакомился Петръ Ивановичъ со вдовой-то, да и зачастилъ къ нимъ, коли день-денской не побываеть такъ ужъ это и диво. «Эге, думаю я, это не-спроста. Увидимъ, промаху не дастъ, - женихъ хоть куда. Ай-да Петръ Ивановичъ, молодецъ! знаетъ, гдъ раки-то знмують. Лихо!» Гладимъ, онъ ужъ у нихъ домашній человекъ сталъ. И по утрамъ вздитъ, и чай у нихъ пьетъ, и на споихъ лошадяхъ катаетъ, и подарки привозитъ, однимъ словомъ, только что не объяснился. Онъ хоть и не робкой человъкъ былъ, а туть не разъ признавался мнъ, что у него духъ захватывало, чуть лишь опъ только ротъ разъвалъ ввернуть словцо о любви и о прочемъ. Меня и дерни лукавый посовътовать ему изложить дело письменнымъ образомъ, то-есть, написать, что я-де, матушка, сударыня, безъ васъ жить не могу, что вы мое единственное благополучіе и наслажденіе, что я человъкъ достаточный и кром'в руки вашей ничего не желаю, ну и тому подобное. Петръ Ивановичь и написаль на розовой бумагь, восемь гривень листь, съ

амурами по краямъ, пренъжное посланіе и просиль тамъ межау-прочимъ до-времени молчать и никому не сказывать объ его предложения и его самого разговоромъ очень не конфузить, когда онъ къ нимъ привдетъ, а лучше также отвъчать ему письменно. Мы запечатали письмо и отправили его съ Тимофъемъ. А надо вамъ сказать, что Тимофъй этотъ былъ ужасно-глупъ. Просто обрубокъ какой-то. Мы ему толковали съ-полчаса, какъ это все обавлать налобно, какъ онъ долженъ былъ войдти и отдать записку трхонько Ларьв, горявчной Улиты Прокловны, давши наперелъ ей полтиннява: какъ овъ долженъ былъ настоятельно просить, чтобъ письмо не попалось въ руки ся матушки, и тому подобнос. Какъ теперь помню я это письмо и глупую образину этого Тамофая. Письмо начиналось такъ: ченита остриодъ приматили при врем

«Прелестная Улита!

«Съ дерзновеніемъ осмаливаюсь я выразить всю глубокость любви, пожиращей сераце мог. Не осмъливаясь объяснить словесно мон пожеланія, прибъгаю къ письменности. Съ того самаго дия, какъ я въ первый разъ увидалъ васъ, я почувствовалъ безпокойство въ душе моей и вскоре уверился, что это было не что-иное. какъ истинная любовь. Такъ, образъ изящной красоты! намъренія мон чисты и непорочны! Пусть законное супружество увънчаетъ страсть мою».-Ну, и такъ далъе! Очень-красноръчиво было написано. Впрочемъ, въдь это мы вдвоемъ сочиняли! Вотъ мы и отправили Тимофъя, а сами съли его подъ окномъ дожидаться. «А для чего-бы ты Петръ Ивановичъ самъ не отдалъ Дарьв эту записку? сказалъ я. - А къ чему-бы это повело? отвъчалъ овъ. - Ну! да къ тому, что върнъе-бы было. Что если увилить эту записку сама ка-SHAYERMA? A. - ATTOCK OR EXCEPTION AND HARM A PROPERTY - AC SEMINARE

- Да, да! какія-бы изъ этого следствія произошли?...
- Ужъ Богъ знаеть! Можетъ-быть, ей это и поправится, а, можетъ-быть, и нътъ. Ну, что если-бы она тебъ варугъ отъ дому отказала? и от сильот "смонот смины петоному подело и то .
- Да, да! что-бы изъ этого вышло? пред за в дана на д

sacionally and a contract of the

- Фу! какой ты Петръ Ивановичъ! выйдетъ то, что ты съ носомъ останенься и видиль о однось изуправи вынячем этис од
- A что-жъ изъ этого-то произойдетъ?
- Э! да съ тобой не сговоришь. Воть ужъ точно-то, что ничего не выйдеть. Ты, братецъ, просто, чудакъ! - Я отвернулся отъ него и началъ смотреть въ окошко, какъ внизу ребята въ бабки игрази. Петръ Ивановичъ растянулся на стуль, опустилъ объ руки въ карманы своихъ шафранныхъ штановъ, протянулъ ноги на

другой конецъ комнаты, закинулъ голову назадъ и началъ разсужлать сначала потихоньку, а потомъ все громче и громче. «Женюсь, рышительно женюсь!... А что изъ этого выйдеть?... Какъ что? ничего, просто ничего! жена будеть, льти будуть! Хорошо! Увау къ себв въ деревню, завелу новое хозяйство, новые планы составлю, въ Петербургъ прямо къ министру привду и все ему объясню, какъ и что сдълать надобно. — Какія-же изъ этого послъдствія будутъ? Привиллегію дадутъ! чиновникомъ сдълаютъ! при дворв служить булу! Хорошо! Что-жъ изъ этого провзойлеть? Ничего, хорошо булеть! Новые планы сочино, завелу себв собакъ, особливо дагавыхъ-я очень-люблю ихъ, каждое утро у меня китайскій чай будеть! Въ Петербургъ жить буду! Разныя увеселенія... Улита Прокловна... свътло-синій сертукъ съ серебряными пуговицамя... Ярмолка красная, съ золотымъ позументомъ.... Привиллегія... жева... что бы изъ этого вышло?» Туть Петръ Ивановичъ закачался на стуль и вдругь-бухъ со всего размаху и со стуломъ. Я испугался и бросился поднимать его. Большаго ушиба не было, только шишка на затылкъ вскочила. Только-что Петръ Ивановичъ приложился выъ къ желъзной задвижкъ у двери, вдругъ его щолкъ дверью еще разъ по больному мъсту. Онъ отскочилъ съ досадою, но остановнися съ разинутымъ ртомъ, увидя Тимофъя. Мы тотчасъ-же принялись распрашивать и онъ по-порядку разсказалъ намъ, какъ сначала пришолъ въ кухию къ казначейшв, какъ Дарья сказала ему, что у барыни сидитъ городничій и что барышия въ пяльцахъ шьетъ; какъ потомъ Дарья взяла полтивникъ и записку и ушла отъ него; какъ потомъ вышла сама барыня, и сказала ему: «Хорошо, Тимоша! скажи барину, что вельли кланяться и благодарить, и чтобы онъ, если можетъ, непремънно сейчасъ-же самъ ко мнъ пожаловалъ». -- Тотчасъ-же мы одълись и отправились къ Улить Семеновив. Дорогою Петръ Ивановичъ убъдительно просиль меня не оставлять его на-едина съ его невастою. (Онъ ужъ ве сомнавался, что его предложение принято съ удовольствиемъ). Ему что то все конфузно было. Когда мы вошли въ гостиную, тамъ городничій прощался съ казначейшею в, увидавъ насъ, сказаль ей, этакъ посмънваясь: «Вотъ вамъ, матушка Улита Семеновна, и желанные гости. Видите, что я правлу говорилъ. Не хочу мъшать важному разговору. Прошу прощенья!» И онъ ушолъ, раскланиваясь и улыбаясь. Хозяйка пригласила Петра Ивановича състь подлъ себя на дивань. Я усълся въ углу и будто бы смотрълъ на живопись обоевъ, а между тъмъ не проронилъ ни словечка изъ ихъ разговора. Говорила Улита Семеновна: Право, Петръ Ивановичъ, я не знаю, какъ вамъ отвъчать на ваше деликатное письмо. Мнв. право,

очень-странно, что вы вдругъ такъ ръшились сделать признавіе. Только ваше письмо ужъ черезъ-чуръ, знаете, нъжно написано. Мивбы собственно и не следовало читать его, но... я върю искренности вашего предложенія и потому съ удовольствіемъ соглашаюсь отдать вамъ ру....» Тутъ Петръ Ивановичъ не выдержалъ и бухъ передъ ней на колъни... «Матушка, Улига Семеновиа, какъ мнъ благодарить васъ! право не знаю, вы сдълали счастье моей жизни, я вамъ по гробъ буду благодаренъ... — Встаньте, встаньте Петръ Ивановичъ: какъ вамъ не стыдно? къ чему такія романическія сце-ны? я и безъ того върю вашей искренности. Стало-быть, теперь все кончено и отъ васъ зависить назначить день свадьбы. - Готовъ, готовъ, матушка Улита Семеновна, хоть завтра, хоть сегодня, хоть сейчаст. — Нътъ, ужъ вы слишкомъ-торопливы, Петръ Ивановичъ. Позвольте намъ поприготовиться. Если вамъ не противно, то мы сыграемъ нашу свадьбу въ одинъ день съ свадьбою моей дочери. За нес городничій приходилъ сейчасъ сватать своего сына. — Цетръ Ивановичъ вскочилъ съ дивана и остановился, какъ-будто на него столбнякъ нашолъ, развнувши ротъ, размахнувши руками и раздвинувши поги. Я также смотрълъ на нихъ въ оба глаза, ничего не повимая. Черезъ нъсколько минутъ Петръ Ивановичъ едва собрадся съ духомъ спросить у нея: «То есть, какъ это, Улита Семеновна, что вы хотите сказать?» Вдова, улыбнувшись, продолжала: «Вы сердитесь върно на городничаго. Повърьте, что вы противъ него несправедливы. Онъ сейчась былъ у меня и выпросилъ руку моей Улитиньки для Осрапонта Галактіоновича, много говорилъ объ васъ, хвалилъ васъ, и между-прочимъ увърялъ, что вы ко мнъ не равнодушны, что про это знаегъ весь городъ, что всъ говорятъ о близкой нашей свадъбъ, что вы только весь день обо мнъ думаете и говорите. Я не хотъла върить ему, какъ вдругъ вошла Дарья и подошла къ дочери, которая возлъ насъ вышивала. «Что́ ты, Дарья?» спросилъ ее Галактіонъ Ипатьевичъ. Она вдругъ испугалась, закрасивлась, внаете при постороннемъ мужчинь, и вырошила письмо. Онъ его тотчасъ подхватиль, на адрессъ-то ничего не было, такъ онъ его развернулъ, прочолъ первую строчку, да мив и подалъ, сказавищ: «Извините, что я нечанино узивать вашъ секретъ : это къ вамъ писано, и вотъ доказательство, что я говорилъ правду. Я какъ прочла начало, меня такъ въ жаръ и бросило, и хотя я съ радостью принимаю ваше предложение, а все-таки, согласитесь, что оно должно было меня удивить». И вдовушка еще разъ умильно улыбиулась. Петръ Ивановичъ все-еще стоялъ истуканомъ, я все гляавлъ на нихъ въ оба. Прошло иъсколько минутъ. Улита Семеновна съ нетерпъніемъ ожидала конца этой сцены. Пстръ Ивановичъ

стояль, стояль, да вдругь какъ хлопнеть себя въ лобъ, да и заореть: «Да! баста! будеть, что будеть! женюсь! ей-Богу женюсь, матушка Улита Семеновна!

И въдь въ-самомъ-дълъ женился на казначейшь!! Вотъ говорите послъ этого, что опъ не сумасшедшій былъ!! — Черезъ недълю послъ свадьбы онъ убхалъ въ деревню. Я прощался съ нимъ, когда опъ садился въ кибитку. Все было по-прежнему: тъже сърыя лошали, тъже шафранные штаны, тотъ же Петръ Ивановичъ, только лишній грузъ, Улита Семеновна прибавилась. «Ну, вотъ вы и женились», сказалъ я ему прощаясь. «Да! да! что-то изъ этого вый-детъ?» проворчалъ чудакъ и кибитка покатилась.

Съ-тъхъ-поръ мы его больше не видали. Говорятъ, что жена его

замучила до смерти, не давая ему ни на минуту покоя.

Что лучше, господа? Умереть, какъ Иванъ Ивановичъ, или жениться, какъ Петръ Ивановичъ?

Прощай, о Сениля!
На плечаль инигион
Гренить сегодилья
Въ последий равъ

Hoomense maio en roph Uperpaenoli conshoph Upocrare! A accoph Varyce orn sacs!

Мой ковь горделивый, Весслый, игривый, Меня подъ оливы Ты унеси

> Ты зучшаго тавра Съ далекаго Тавра, Гразою на Мавра Мося неси!

И въ битвъ упорной, Мой свутвивъ покорной Въ быть горькій, иозорной, Меня не мен.

> Но въ вихръ сражевья Товарищамъ мијенья. Въ порывъ стремленъя. Враговъ топчи.

етовать, стоядь, да варугь накъ хловиеть себя въ добъ, да в заоретье и/ы баста! будеть, что будеть! женось! ей-Богу женгось, матушка Улита Соменовая!

И вало въ самоиълала женился на вазначента! Вотъ говорите посла этого, что онъ не сумасиелний былга! — Черезъ нелклю посла этого, что онъ усумасиелний былга! — Черезъ нелклю пооть салолся въ выбитку. Все было по-прежвену: таже сврым лошали, туже прафрание штаны, четь же Петръ Ивановочь, толеко лишай! грукт, Улета Семеновия прибавилась, «Ну, воть ны в женились», сказаль и сму прошенсь, «Да! да! что-те изъ втого пый-леть?» проворчаль чулакь и кибатка покатилась.

Сътъхъ-портамы его АННАПОМ КНОЗПиорять, что жена его замучвал до смерти, не давая ему ин на минуту покоза.

Tro areme, reciponal Kuepere, warn Heart Meanuau Te Hare We-

tarment speed cher abares

Прощай, о Севилья! На плечахъ мантилья, Гремитъ сегедилья Въ последній разъ.

Прощанье шлю въ горѣ Прекрасной сеньйорѣ : Простите! Я вскорѣ Умчусь отъ васъ!

Мой конь горделивый, Веселый, игривый, Меня подъ оливы Ты унеси.

Ты лучшаго тавра Съ далекаго Тавра, Грозою на Мавра Меня неси!

И въ битвѣ упорной, Мой спутникъ покорной Въ бѣгъ горькій, позорной, Меня не мчи.

Но въ вихрѣ сраженья Товарищамъ мщенья, Въ порывѣ стремленья, Враговъ топчи. Потомъ, мой вожатый, Стрълою пернатой Къ рядамъ чудныхъ статуй Ел дворца,

Несися въ путь дальній, Гдѣ бѣлый, печальный Увраситъ миндальный Цвѣтокъ бойца;

основания принци Меран Вальянами, стру

Гав страстнымъ признаньемъ, Гав нвги дыханьемъ, Гав пылкимъ желаньемъ Упьюсь подъ-часъ.

Прощай-же, Севилья!
На плечахъ мантилья,
Гремитъ сегедилья—
Въ последній разъ!...

Мыя Инганда Бировича Медонка изисегда останется панятпышт въ исторіи рускино тентра: Московскіе старожилы, лично susimic Mejouce a reargn ero, rosopura ode neura da yangenieura, as modunio, - u recripa era en en coprons. Ho uza e meaura, Meдоветь быль человых умный, предпримунный, практие мобичний тептръ и знапий дъдр, какъ пельза дучше. Опъ унадъ и коиталарованія артистовъ, умаль первовать их у къ тебъ. Въ его время specialogiii rearpa saxuanica as senergeneira cocrossiis, a solura очень-любиять публиковы Такы говораты старожилык. Справедливиin ore annears, no senson environ and armaents, the uncompanie подробности у Медекск и о театри ото, запислаопанных изъ, сопреманасту опутовний спольной петочникову, булуть потерисии для ваних в затачелей. Все сведения которыя ны сообщина тепарь, inscentiants at antique autres a Crarectoreixoe, onticade Mocause a mar. on Mornes, so 1811 roay, r-we Lacaremente, s. an-- рожино, инистиой одниму только записными учоными. Вога почечи чак рашаемен следать изъ этой конти извлючение и дать, посредствому нашего изленія, большую напротисть драсоцинным в натерівляна для исторія русскаго театра, польновинници изconsequence subres.

По тережде скажем и искольно слоко о началь театра вы Мо-

Потомъ, мой вожитый, Стрълою перпатой: Къ раданъ чудныхъ статуй Ел двория,

Несися вь путь дальній, Глё быльй, печальный Уврасить мунальный Пибтокь бойна:

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКАГО ТЕАТРА.

Гай ийги дыханьень, Гай пылкины мексиьемт Упьюсь подъ-чась.

нъсколько подробностей о медоксъ и о старинномъ московскомъ телтръ.

Имя Михаила Егоровича Медокса навсегда останется памятнымъ въ исторіи русскаго театра. Московскіе старожилы, лично знавшіе Медокса и театръ его, говорить объ немъ съ уваженіемъ, съ любовію. - о театра его съ восторгомъ. По ихъ словамъ, Мелоксъ быль человъкъ умный, предпримчивый, страстио любившій тсатръ и знавшій дело, какъ нельзя лучше. Онъ умель ценить дарованія артистовъ, умълъ привязать ихъ къ себъ. Въ его время московскій театръ находился въ цвътущемъ состояніи, и быль очень-мобимъ публикою. Такъ говорять старожилы. Справедливоли это или нътъ, во всякомъ случав мы думаемъ, что нъкоторыя подробности о Медоксв и о театрв его, заимствованныя изъ современныхъ ему офиціальных в псточниковъ, будуть интересны для нашихъ читателей. Всв свъдвия, которыя мы сообщимъ теперь, напечатаны въ любопытной книгь: «Статистическое описаніе Мо-. сквы,» изд. въ Москвъ, въ 1841 голу, г-мъ Гастевымъ, и, въроятно, извъстной однимъ только записнымъ учонымъ. Вогъ почему мы рышаемся сдълать изъ этой кинги извлечение и дать, посредствомъ нашего изданія, большую пзвыстность прагоцыпнымъ матеріаламъ для исторіи русскаго театра, заключающимся въ означенной книгъ.

Но прежде скажемъ пъсколько словъ о началъ театра въ Москвъ п разскажемъ вкратцъ исторію его до Медокса.

Начало московскаго театра относится ко временамъ Царя Алексъя Михайловича. Но это еще не былъ театръ публичный; - это была забава собственно царская, придворная. Во-время святокъ. на масляниць, въ последніе дни Святой-недели и ор., Государь съ своимъ семействомъ, съ ближними боярами и сановниками двора забавлялся театральными зрълищами въ домъ тестя своего, Боярина Ильи Даниловича Милославского, а вногда и въ собственномъ дворца своемъ. Домъ боярина Милославскаго, прозванный въ то время потъшными домоми, а когда Царь Алексъй Михайловичь обратиль его во дворець - потышными дворцома, уцельль и понынь: это домъ Комменданта, живописно возвышающійся изъза Кремлеской стъны, близъ Кремлевского сада. Бояринъ Артамонъ Сергъевичъ Матвъевъ, любимецъ царя Алексъя Михайловича, въ угождение ему, завелъ театральныя зрълища въ домъ своемъ . У него разыграны были духовныя драмы Есфирь и Агасверь, Гришникь кающійся, Рождество Христово, Воскресенів Христово, сочиненныя Святымъ Дмитріемъ Ростовскимъ во-время сто молодости. монта с пото признавления мед свишей виней сво

По кончиць царицы Марін Ильнинчны, дворянскій потпяц цереведены были, на-время, въ село Преображенское, родовое бояръ Романовыхъ, въ-последствии царское. Оне поступили въ ведомство Посольскаго Приказа, которымъ тогда завъдывалъ болринъ Артамонъ Сергъевичъ Матвъевъ. Изъ Германія были выписаны комедіанты, музыканты, танцовщики. Зламенитьйшею изъ всей этой труппы вностранныхъ артистовъ была копенгангенская актрисса Анна Паульсонъ. По свойственной русскому человъку перевмчивости, вскоръ явились у насъ и свои актеры: дворовые люди боярина Матвъева, паучась у иностранцевъ, стали принимать участіе въ вхъ представленіяхъ. Въ «Разрядныхъ Запискахъ» 1678-го года находимъ савдующее описание одного изъ тогдашнихъ театральныхъ представленій: «Была комеділ въ Преображенскомъ. Тъшили Великаго Госуларя иноземцы, какъ Алаферна царица царю голову отсъкла, и на органахъ играли Нъйцы да люди дворовые боярина Артемья Сергъевича Матвъева. Того-же года другая комедія тамъ-же, какъ Артаксерсъ вельяъ повъсить Амана, и въ органы играли и на фіолахъ и въ струменты и танцовали. Въ третіе тамъ-же тъщили Великаго Государя на заговънье Нъмцы и люди Артемья Сергъевича на органахъ и на фіолахъ и на or me mongandiger successes secretarionists as avera minimi, and

^{*} Въ Армянскомъ переулкъ, между Покровкой и Мясницкой улицею, въ приходъ Николая Чудотворца, что въ Столпахъ.

струментахъ, и всякими потъхами разными.» * Кромъ Юдиои н Олоферна, играли тогда Артаксеркса, также комедію, притчу о блудном в сынк; были и свътскія піесы: Шемякина судь, Мольерова комедія Лекарь по-неволь, представленная ва славянскомъ языка, и-что всего замачательные-только три или четыре года послъ появленія подлинника. Царевна Софія Алексвевна завела во дворцъ театръ, и сама играла на сценъ виъстъ съ благородными дъвидами и знативишими царедворцами. Она даже сочивила драму, которая и была играна на ея театръ.

При царъ Осодоръ Алексвевичь студенты новоучрежденной Славяно-Греко-Латинской Академіи въ Москвъ разыгрывали драмы Симеона Полоцкаго-о Блуднома сынь, о Царь Навуходоносорь и Appr. Hazalf. Rarasea L. modament. man A seasa Masalf. appr

Петръ Велакій котя самъ не очень любиль театръ, но сознавая пользу его для общественнаго образованія, покровительствоваль учреждению театра. Въ 1701 году выписана была изъ Данцига труппа актеровъ, состоявшая изъ девяти человъкъ, подъ управленіемъ Ягана Куншта. Для представленій этой труппы была построена въ Москвъ, въ Китаъ-городъ, деревянная комедіальная храмина, въ 20 сажень длины, въ 12 ширины, и въ 6 вышины; но пока эта храмина строилась, былъ приготовленъ театръ въ Нъмецкой слободь, въдомь Лефорта (гльнынь Лефортовскій дворецъ, въ Лафертовъ, какъ называетъ простой народъ Лефортово). Потомъ построили Нъмцы деревянную комедію у Красныхъ вороть, которая въ-послъдствін сгоръла, и остатки ея, по указу 1753-го года, сломаны. Актеровъ набрали изъ Русскихъ, подъячихъ и посадскихъ людей, в обучали ихъ сценическому искусству. Въ дни представленій въ комедіальной храминь, (по понедъльникамъ и четвергамъ) въ Китав и въ Бъломъ-городе не запирали воротъ до девяти часовъ вечера. Извъстенъ анекдотъ про Куншта — о первомъ апрълъ, - доказывающій, съ одной стороны, смълость комедіанта, а съ другой великодушіе Государя: Куншть возвъщаеть на первое апрыля необывновенный спектакль. Публика спышить разбирать маста. Самъ Государь привзжаетъ въ театръ. Ждутъ съ нетерпъніемъ начала спектакля. И вотъ — поднимается занавъсъ, и на сценъ представляется прозрачная картина, на которой написано большими буквами: «Первое апраля». Черезъ насколько минуть занавысь опустили, и тымъ спектакль кончился. Такая шутка, не понравилась многимъ, заплатившимъ за мъста деньги, но

^{*} См. въ «Русской Таліи» изд. г. Бумариныма, статью Н. И. Греча. и · Историческій взглядъ на русскій театрь до начала XIX стольтія».

великолушный Государь сказаль улыбаясь: «Воть вольность ко-медіантовъ»—и увхаль изъ театра. Въ наше время никакая пу-блика не вытерпить такой шутки въ театръ, а развъ, скръпя серд-це, перенесеть ее отъ журналиста, который, собравъ деньги за дванадцать кинжекъ журнала, и объщая ихъ выдавать ежемъся-

масто Куншта, въ 1705 году, заступилъ Отто Фирштъ. Его труппа представляла намецкія комедіи и оперы, а русскіе актеры, выученные Кунштомъ, вгради переводы этихъ піссъ и пакоторыя оригинальныя русскія. До 1709 года въ Москва представлено было тринадцать піссъ. Вотъ ихъ оглавленіе:

влено было триналцать піссъ. Вотъ ихъ оглавленіе:
«Описаніе комеліямъ, что какихъ есть въ Посольскомъ Прикавь, мая по 30 число 1709 года. 1) о Франталпев, король Эпирскомъ, и о Мирандонь, сынв его и о прочихъ. 2) О честномъ измънникъ, въ ней-же первая персона Арцухъ (герцогъ) Фридерикъ Фонъ Поплей. 3) Донъ Педро, почитанный шляхта, и Амариллисъ дочь его. 4) Прельщенный любящій. 5) Тюремный заключникъ или принцъ Пикель-Гярингъ. 6) О кръпости Грубетона, въ ней-же первая персона Александръ, царь Македонскій. 7) Сципій Африканскій, погубленіе керолевы Софонизбы. 8) О графинъ Трівостой Герограм. Африканскій, погуоленіе королевы Софонизом. 8) О графина Трі-ерской Геновева. 9) Два завоеванные города, въ ней-же первая персона Юлій Цесарь. 10) Постоянный Папиньянусъ. 11) По-рода Геркулесова, въ ней-же первая персона Юпитеръ. 12) О Баязета и Тамерлана. 13) Докторъ принужденный. Самыя названія піесъ даютъ уже накоторымъ образомъ поня-тіе о томъ, каковы она должны быть и какимъ языкомъ напи-

саны. Образцомъ, а пногла просто и оригиналомъ служили для нихъ нъмецкія драмы того времени; языкъ-же, на которомъ онъ были писаны и играны, составляль странную смъсь языковъ русскаго, церковнаго, польскаго и нъмецкаго. Накоторые изъ этихъ драмъ состояли изъ восьми, девяти и двънадцати актовъ, и представлялись иногда въ теченіе нъсколькихъ вечеровъ сряду. Въ антрактахъ между комедіями и даже трагедіями, для забавы публики, выходилъ шутъ, коверкался на сценъ и забавлялъ зрителей площадными остротами, какъ паяцы въ балаганахъ.

После полтавской битвы Петръ Великій большею частію жилъ въ Петербурга, а потому и театръ былъ переведенъ туда-же. Долго оставалась Москва безъ театра. Первые отпрыски сценическаго искусства въ Москва находимъ въ Университетъ. Студенты сего Университета, которымъ въ то время управлялъ Херасковъ, давали на масляницъ и на святкахъ въ 1756 мъ году, вивстъ съ московскими приказными, разнаго рода представленія, составленныя пэт собственных произведеній. Вт 1760-мт году Московскій Университеть офиціально черезт газеты приглашаль вт свой театръ все московское дворянство. Императрица Елисавета Петровна, основательница Московскаго Университета, повельла награждать шнагами тъхъ изъ молодых университета, повельла паграждать шнагами тъхъ изъ молодых университеских актеровт, которые окажутъ особенныя дарованія къ сценическому искусству и заслужать одобреніе зрителей. Вт 1760-мт году она повельла вызвать отличныхъ изъ нихъ въ Петербургъ, для помъщенія въ штатъ Императорскаго театра.

Замътимъ здъсь любопытный фактъ: во всей почти западной Европъ, когда театръ былъ въ младенческомъ состояніа, званіе актера считалось въ общемъ мнъніи презръннымъ, и бъдные артисты терпъли всевозможныя гоненія. У насъ напротивъ: какъ излщное искусство, искусство сценическое, почти при самомъ началъ своемъ нашло себъ приютъ въ Университетъ, нашло покровительство у трона. На этотъ фактъ мы можемъ указывать съ гордостію.

- Въ 1758 году Сумароковъ прислалъ въ Москву актеровъ Волкова в Шумскаго съпорученимъ-образовать въ Москвъ театръ Волковъ устроимъ его въ 1759 году въ Локателліевомъ домъ, на Красномъ прудъ. Въ-последствін (1766-мъ году) театръ этотъ быль возобновленъ полковникомъ Николаемъ Сергъевичемъ Тотовымъ, который приналь въ актеры Померанцева, Ожогина, Каллиграфа и Базилевича. Представление дакалось въ деревянномъ Головинскомъ театръ, блязъ Слободскаго дворца, построенномъ въ бытность Императрины Елисаветы Истровны въ Москва. Полковникъ Титовъ пряняль содержание русскаго театра на три года. Между-тъмъ, не-зависимо отъ театра полковника Титова, въ Москвъ быль другой театръ, въ которомъ завали комедія, оперы, маскерады и балы. Содержание этого театра приняли Итальянцы Бельмонти и Чутв, съ пятильтнею привиллегіею, на следующихъ условіяхъ: 1) Давать имъ однимъ балы, публичные маскерады, комедін и оперы; 2) Приглашать свободныхъ и несвободныхъ людей обучаться танцамъ; 3) Представленія производить на всехъ языкахъ, на какихъ они разсудять; З : Такт.-какъ Локателліевъ театръ, вспринадлежавшій казнъ, отдать имъ было невозможно, то полиціи предписано отвести имъ мъсто для постройки новаго театра, который они и обявывались выстроить; 5) По прошествіп пяти льть властны они продать строеніе, кому и какъ заблагоразудять.

Само собою разумъется, что существование другаго театра дъ-

жалобу Государынъ императрицъ, наъясняя, что содержаніе публичнаго театра приноситъ ему въ годъ до 2,000 рублей убытку, просилъ въ вознагражденіе, предоставить ему одному право содержать въ Москвъ вольные концерты и маскерады. Государыня поручила главному начальнику Москвы графу Салтыкову удовлетворить просьбу полковника Титова, но такъ, чтобы не ввести въубытокъ Итальянцевъ и не обильть ихъ несправелливостью.

Полковникъ Титовъ содержалъ театръ до 1769 года. Послъ него содержаніе русскаго театра приняли, съ Высочайшаго дозволенія, Итальянцы Бельмонти и Чути, съ привиллегією на пять льтъ, обязавшись построить на свой счотъ если не каменный, то деревянный театръ. Имъ отведено было полицією мъсто для театра, между Покровскими и Мяспицкими воротами; но это мъсто оказалось неудобнымъ, а потому, съ дозволенія графа Салтылкова, они учредили представленія свои въ наемномъ домъ графа Воронцова, па Знаменкъ, и въ-теченіе всъхъ пяти льтъ привиллегіи давали представленія въ этомъ домъ, а своего не построили.

Спусти годъ после окончанія ихъ привиллегій приняль театръ въ содержаніе вностранецъ Гроти; къ пему, въ 1779-мъ году, вступиль въ товарища киязь Петръ Васильевичь Урусовъ, который однакожъ въ томъ-же году сделался полнымъ хозявномъ театра, потому-что Гроти уступилъ ему всъ права свои и обязанности. Но Гроти обманулъ князя Урусова и неизвъстно куда скрылся: онъ обязался передать ему театръ съ гардеробомъ, очистить всъ счоты, расплатиться съ предиторами, и ничего этого не сделалъ. Не-смотря на то, князь Урусовъ, взявъ театръ съ тъмъ, что въ немъ осталось, привелъ его въ устройство, сделалъ необходимыя поправки, передълки и т. и. Окончивъ все это, князь обратился къ правительству съ прошеніемъ выдать ему, во-уваженіе сделаннаго имъ пожертвованія, а равно и того, чго представленія его, въ сравненіи съ прежними, гораздо-лучше, привиллегію на десять льтъ, на слъдующихъ условіяхъ:

- 1) Быть содержателемъ всъхъ театральныхъ представленій въ Москвъ ему одному, въ теченіе всъхъ десяти льтъ, дабы черезъ то ему не было подрыва.
- 2) Платить Воспитательному Дому, по предварительному съ нимъ соглашению, 3100 руб. въ годъ бездонмочно *.

щей отвебора части,

^{*}По учрежденію Воспитательнаго Дома, повельно брать въ пользу его отъ публичныхъ врынить, которыя даются за деньги, четвертую часть. Полковникъ Титовъ заключилъ съ Воспитательнымъ Домомъ условіе, которымъ обязался, вмъсто четвертой части, вносить ежегодно

- 3) Построить на свой счотъ, въ иять льтъ, на мъсть по назначенію полиціи, театръ со всъми принадлежностями, каменный, съ такимъ внъшнимъ убранствомъ, чтобы онъ могъ служить украшеніемъ городу и, сверхъ-того, былъ-бы удобенъ для публичныхъ маскерадовъ, комедій и комическихъ оперъ.
- 4) По истечение срока, продать театръ съ домомъ и всеми принадлежностями, если не пожелаетъ болье содержать его по вольной цънъ.
- 5) До постройки дозволить ему театральныя представленія въ
- 6) Если въ-продолжение десятильтия воспослъдуеть на долгое время остановка представлений, по причинамъ, отъ него независящимъ, отъ пожара и другихъ случайностей, то это время въ число десятильтией привиллегии ему не считать и въ Воспитательный домъ за то не платить.

По ходатайству главнаго тогда начальника Москвы, князя Волконскаго, выдана, съ Высочайшаго соизволенія, десятильтняя привиллегія князю Урусову, считая начало ея съ 16-го іюня 1776 года. Князь Урусовъ обязался подпискою построить, въ теченіе пяти льтъ, каменный театръ, въ чомъ и поручилась за него и его супруга. За исключеніемъ театральныхъ, всъ прочія публичныя унеселенія предоставлено содержагь тому, кто пожелаетъ, съ положеннымъ взносомъ въ Воспитательный Домъ.

Изъ такого хода дълъ мы можемъ видъть, что князь Урусовъ дъйствовалъ уже въ другомъ духъ, съ другою цълію, нежела его предшественники. Онъ искалъ обезпеченія, но не выгодъ; онъ хотълъ вести театръ, а не торговую спекуляцію.

За мъсяцъ до наступленія 16-го іюля 1776 года, того дня, съ котораго должна была начаться привиллегія князя Урусова, князь приняль къ себъ въ товарищи Англачанива* Медокса, по контракту, во всемъ наровнъ съ собою, и па все время данной ему привиллегія. Контрактъ ихъ былъ утвержденъ Полицмейстерскою Кан-

⁴⁵⁰⁰ рублей, но однакожъ платилъ деньги не исправно. Бельмонти и Чути, по условію съ Воспитательнымъ Домомъ, платы не вносили, но Воспитательный Домъ во все время ихъ содержанія, присылалъ отъ себя сержанта, для повърки счотовъ и немедленнаго полученія слъдующей отъ сбора части.

^{*} Почтенный московскій археологъ М. Н. Макаровъ утверждаетъ, что Медоксъ, котораю оне знале лично, былъ не Англичанинъ, а Грекъ. Во всъхъ офиціальныхъ документахъ до него касающихся и влъсь представляемыхъ, онъ называется Англичаниномъ. Чему върить?

целярією 31-го августа 1756 года. Медоксъ обязался, крома своей половины, употреблять за князя, на постройку каменнаго театра и проч., собственныя свои деньги, полагая на нихъ по шести процентовъ. Вмъстъ устроили они въ домъ графа Строганова воксалъ. Потомъ, съ дозволени полиции, начали строить театръ, купивъ домъ съ землею князя Лобанова-Ростовскаго, на Петровской улиць, въ приходъ Спаса-въ-Копьяхъ.

Въ томъ-жъ 1779-мъ году, въ сентябръ, вспросили оба они поэволеніе у Опекунскаго Совъта взносить въ Воспитательный Домъ не 3100 руб., какъ было сказано во-второй стать в условія, и не четвертую, а десятую часть. Деньги были собираемы, при повъренномъ отъ Воспитательнаго Дома, въ запечатанный ящикъ, взъ котораго, послъ представленія, ихъ высыпали и отсчитывали деся-

тую часть.

Пока строился воксалъ, пока приготовлялись матеріалы для постройки новаго театра, домъ, въ которомъ давались театральныя представленія, сгорълъ въ февраль 1780 года. По показаніи содержателей театра, сгоръло мебели, гардероба и декорацій на 40,000 р., заплочено за домъ графу Воронцову 45,5000 руб.; актерамъ и актрисамъ, почти цълый годъ бывшимъ безъдъла, жалованья—22,000 рублей. Убытокъ, по показанію ихъ, простирался до 80,000 рублей. Полиція предписала имъ, согласно ихъ обязательствамъ, исправить театръ.

Такое неожиданное несчастіе, по-видимому, отбило у князя Урусова охоту отъ содержанія театра, и онъ на другой-же мъсяцъ уступилъ свою привиллегію Медоксу, въ полную его волю, со всеми правами и обязанностями, со всеми принадлежностями къ театру, изготовленными на ихъ общій счотъ, и съ своею половиною, какъ въ воксальномъ строенія, такъ и во всехъ матеріалахъ для новаго театра. Изо всего изъ этого видно, что князь Урусовъ не дорожиль пичьмъ, лишь-бы только сбыть обузу съ шен своей. Такимъобразомъ Медоксъ сдълался одинъ содержателемъ и строителемъ

театра, съ привиллегіею на остальныя шесть льтъ.

Медоксъ былъ пе только человъкъ умный, но и хитрый, ловкій, предпріимчивый, ръшительный. Ссылаясь на потерпънцый имъ отъ пожара убытокъ, на данную обязанность построить каменный театръ, и представляя планъ этого театра, опъ обратился съ просьбою къ князю Волконскому— о продолжении привиллегии своей еще на десятьльтъ. Князь объщалъ ему привиллегию, но негрежде, какъ въ то время, когда по представленному плану будетъ построенъ новый театръ. Медоксъ не дремалъ. Онъ дъятельно приступиль къ постройкъ, спъшиль, чтобы скоръе получить новую привиллегію, и, не имъя денегъ, долженъ былъ заложить въ Опскунскій Совьтъ начатое строеніе; вивств съ этимъ заложилъ самую привиллегію и всъ права, ею предоставленныя.

Черезъ пять мъсяцовъ на Петровкъ гордо высился новый каменный театръ. По смътъ архитектора, онъ могъ обойтись въ 80,000 руб., по счоту Медокса обощолся во 130,000. На мъсто князя Волконскаго Главнымъ Начальникомъ Москвы въ то время былъ уже князь Долгорукій-Крымскій. Медоксъ, умный, вкрадчивый человъкъ, успълъ снискать его благоволеніе. Будучи весьма-доволенъ новымъ театромъ, киязь предписалъ всемъ чинамъ полицін иличнь къ Медоксу особенное почтение и уважение, охранять его от всъхъ неприятностей, какія могли случиться при его званіи, за то, что Медоксъ, «стараясь о доставление публикъ возможныхъ удовольствій, употребиль весь свой капиталь на построеніе огромнаю и великольпнаго театра, и еще обремениль себя черезъ-то великимъ долгомъ». Вижеть съ этимъ приказалъ онъ выдать Медоксу объщанную ему привиллегію, на тъхъ-же самых условіяхъ, и на десять льть, считая начало ся со дия окончанія первой привиллегіи. Привиллегія была выдана ему съ наслъдниками, 1781 года, марта 6-го, на прежнемъ основанія. Медоксъ достигъ всего, чего желалъ. Оставалось заняться теа-

Медоксъ достигъ всего, чего желалъ. Оставалось заняться театромъ, заохотить публику, собирать деньги и—уплачивать долги. Увы! человъческія желанія не знаютъ предъла, и чамъ легче и скорье удалозь достичь того, чего желалъ прежде, тъмъ легче и скорье пробуждаются новыя желанія. Вмъсто того, чтобы уплачивать долги, Медоксъ сталъ повупать на чужое имя людей къ своему театру, разсчитывая на плинадцать лють обезпеченной привиллегія. Мысль славная! Потомъ купцаъ онъ себъ, также на чужое имя, деревню, а изъ долговъ все не вышелъ...

А между-тымъ, пока онъ мечталъ. да разсчитывалъ на будущее, горе, но-обычаю своему, хвать нэъ-за угла! Не прошло двухъ льтъ его привиллегіи, вдругъ И. И. Бецкій, начальникъ Воспитательнаго Дома, заблагоразсудилъ при ввъренномъ попеченіямъ его заведеніи устроить театръ. Мысль Бецкаго была прекрасная, только-—не для Медокса. Основываясь на данныхъ ему привиллегіяхъ, Медоксъ рвшительно воспротивился этому учрежденію, тъмъ-болье, что онъуже исполнилъглавное свое обязательство — построиль каленный театръ. Воспитательный Домъ имълъ свои права и преимущества, которыхъ инкакія частныя привиллегіи люшить не могли. Началось серьёзное дъло. Медоксъ подалъ просьбу Главноначальствовавшему тогла падъ Москкою Графу Чернышову.

«Прострите, Ваше Сіятельство», писалъ онъ ему въ прошеніи:

«руку помощи чужестранцу, который всю свою силу возлагаеть на правосудіе Всемилостивьйней Государыни и на Васъ, яко усерднато исполнителя Высочайшей и щедрой Ел воли. Войдите въ несчастное положеніе моей семьи и тъхъ людей, которые довърили мнъ свой капиталь. Я совершенно-увъренъ, что Ел Величество не со-изволить на мое разореніе. Если вы благоволите представить Ел Императорскому Величеству весь ужасъ, которымъ угрожаетъ мнъ заведеніе театра въ Восинтательномъ Демъ, то конечно милосердая Монархиня благоволять оное уничтожить, или по-крайней-мъръ, вознаградить меня за убытокъ, который я, и въ-истекающіе годы моей привиллегія неминуемо понести долженъ».

Графъ Чернышовъ ходатайствовалъ передъ Ея Величествомъ за Медокса и получилъ слъдующій Высочайшій рескриптъ:

«Графъ Захаръ Григорьсвичъ! Возвращая при семъ представленное при донесеніи Вашемъ, содержателя московскаго публичнаго театра Медокса прошеній о ненарушеній данныхъ ему привиллегій на содержаніе ему одному, въ-теченіе десятильтняго времени, театра, во уваженіе построенія имъ каменнаго зданія, вопреки которыхъ дълается со стороны Воспитательнаго Дома заведеніе, повельваемъ: дъло сіе отдать на разборъ и ръшеніе того мъста, къ коему оно по существу своему относиться можетъ, и которому не трудно будетъ согласить цълость даннаго Медоксу дозволенія съ прямымъ разумомъ правъ Воспитательнаго Дома, какъ оныя отъ насъ изданы 1784 г. февраля 24.»

Медоксъ подалъ просьбу во Второй Департаментъ Верхняго Суда.

Межлу-тымъ графъ Чернышовъ получилъ отъ Бецкаго письмо, которые мы предлагаемъ въ подлинникъ:

«Услышавъ, что содержатель московскаго публичнаго театра Медоксъ, присвояя себъ исключительную привиллегію въ разсужденіе содержанія театра, заключаетъ въ томъ-же и Воспитательный Домъ и дерзаетъ даже воспрещать оному печатать свои увъдомленія, я весьма удивляюсь, что всякій приъзжій иностранецъ допускается приводить въ замъшательство права сего государственнаго учрежденія, кои должны быть такъ свято, къ пользъ общества сохраняемы, и кои, между-прочимъ, касательно до вышеписаннаго, состоятъ въ следующемъ. Въ 1-й части, главъ 6-й и въ § 1-мъ сказано: «Воспитательный Домъ состоитъ безпосредственно въ Высочайшей Ея Инператорскаго Величества протскація; никакому мъсту не подчиненъ и отвъта дать не долженъ, и «вез высшія и нижнія присутственныя мъста, во всемъ Госу-

«дарствъ, имъютъ оному показывать всякой защищение и вспомоществованіе». Той-же главы въ § 14-мъ, «дозволяется Воспи-«тательному Дому заводить всякія мастерства, рукоделія и прочее; «не требул на то особливыхъ привиллегій ни отъ какихъ мъстъ». А сверхъ-того въ оныхъ-же преимуществахъ позволено сему Дому имъть собственную типографію. Слъдовательно, сею, единожды навсегда, въчно глажданскимъ закономъ постановленною привиллегіею, какъ о томъ и манифестомъ 1763 года обнародовано, имъетъ сей домъ не колебимое право, надъясь на защиту всёхъ присутственныхъ мъстъ, а наипаче гг. благотворителей, имъющихъ въ томъ свой долгъ, заводить все, что къ пользъ его и удовольствію общества служить можеть, а по сему никакія партикулярнымъ людямъ данныя исключительныя привиллегіи до него не касаются, тъмъ-менъе еще театральныя, ибо и въ данномъ учрежденному для управленія театрами Комитету предписаніи запрещено «присвоять себъ исключительное право на эрълища и позволено всякому заводить благопристойныя для публики забавы». Почему, если Ел Величества театры не имъл исключительной привиллегіи, не могутъ запретить партикулярнымъ людямъ заводить зрълища, то коимъ образомъ иностранецъ возмогъ-бы, безъ какой-нибудь подпоры въ томъ, препятствовать такому государственному учрежденію, снабженному извъстными Вашему Сіятельству правами и привиллегіями, дерановеннымъ нарушеніемъ оныхъ, подать поводъ подобнымъ себъ и ослаблять кредитъ общества къ сему Дому, коимъ однимъ только оный содержится? А какъ Ваше Сіятельство, по восприятому Вами званію Почотнаго Благотворителя, имъете обязанность удерживать всякія противъ правъ и преимуществъ Воспитательнаго Дома поползновенія, то я несомнанно надаюсь, что въ семъ случав, противу оказанныхъ, со стороны Медокса, дурныхъ поступковъ, изволите подать такой примъръ, чтобы и впредь никто не осмълился покуситься на таковыя наглости».

Графъ Чернышовъ отвъчалъ И. И. Бецкому, что Медоксъ имъетъ двъ привиллегіи, отъ прежнихъ начальниковъ Москвы, на содержаніе театра, и платитъ Воспитательному Дому, по соглашенію сънимъ, 3,100 руб. ежегодно и бездоимочно; что Медоксъ никогда и никакъ не могъвоспрещать Воспитательному Дому печатаніе объявленій, и проч. Убъжденія Графа Чернышова ни къ чему не послужили. Верхній Земскій Судъ ръшилъ дъло въ пользу Воспитательнаго Дома. Недовольный такимъ ръшеніемъ, Медоксъ перенесъ свою просьбу апелляціоннымъ порядкомъ въ Гражданскую Палату, но — скоро одумался и помирился съ Воспитательнымъ Домомъ на слъдующихъ условіяхъ:

1) Онъ обязался принять на свое жалованье питомцевъ обоего пола, которые привезены были изъ С. Петербургскаго театра при Воспитательномъ домъ, въ театръ-же московскаго Воспитательнаго Дома, дать имъ по малой мъръ то жалованье и содержаніе, какія они получали, и сверхъ-того употребить все свое стараніе о выгодахъ тъхъ изъ нихъ, которые не желаютъ искать себъ счастія въ другихъ мъстахъ. 2) Содержать на своемъ иждивеніи учителей танцевъ, музыки, декламаціи и проч., для обученіи опредъленнаго числа питомцевъ Воспитательнаго Дома. 3) Принять отъ Воспитательнаго Дома весь театральный гардеробъ за 4,000 рублей. Опекунскій Совътъ назначилъ—4) Дать Медоксу для балетовъ 50, для декламаціи 24, для музыки 30 питомцевъ, но содержать ихъ и обучать всъмъ другимъ предметамъ, кромъ театральнаго искусства, на свой счотъ. 5) Уступилъ Медоксу театръ, устроенный въ большой залъ главнаго корпуса; обязывался построить еще другой театръ, внъ главнаго корпуса; обязывался построить еще другой театръ, внъ главнаго корпуса, и дозволить Медоксу производить въ нихъ публичныя представленія, во все время его привиллегіи, питомцами и своею труппою, когда и сколько онъ забагоразсудитъ; доходы съ обоихъ театровъ предоставляль собирать Медоксу, съ тъмъ, чтобы онъ вносилъ десятую часть изъ нихъ въ Воспитательный Домъ. 6) Воспитательный Домъ обязался своего театра не открывать и никому другому, кромъ Медокса, содержаніе публичнаго театра не дозволять, и проч.

По заключеніи контракта съ Опекунскимъ Совътомъ, Медоксъ немедленно распустилъ принятую имъ отъ Воспитательнаго дома труппу, подъ предлогомъ худыхъ сборовъ театра, по которымъ онъ не въ состояніи содержать двъ труппы. Такимъ-образомъ у Медокса осталась одна прежде у него бывшая труппа, и два театра. Надъясь на то, что Воспитательный Домъ построитъ новый театръ, свой онъ ръшился продать, а вырученныя деньги употребить на уплату долговъ. За покупателями дъло не стало. Московскіе дворяне генералъ-аншефъ князь Ю. Вл. Долгорукій, графъ Бутурлинъ, князь Урусовъ, князь Сибирскій и князь Туркестановъ, согласились въ цънъ на 208,000 руб. и думали купить этотъ театръ на паяхъ. Медоксъ дъйствовалъ ловко, успълъ убъдить покупщиковъ въ томъ, что они будутъ имъть огромныя выгоды. Покупщики, основываясь но этомъ, просили графа Брюса дать имъ привиллегію съ такими-же правами, какія даны были прежними начальниками Москвы Медоксу и такъ-же на десять лътъ, считая со дня окончавія Медоксовой привиллегіи, которой срокъ считался въ 1791-мъ году. По представленіи графа Брюса, Государыня ръшила—«оставить на волю Медокса уступить театръ желающимъ, по

добровольному между ними условію; но какъ Медоксъ невластенъ продать болье того, на что самъ имъетъ право собственнности, то и уступаемая вмъ привиллегія покупщикамъ не долье 1791 года продолжаться можетъ.»

Такимъ-образомъ торгъ не состоялся. Къ этому содъйствовало еще и то обстоятельство, что Мелоксъ выключилъ изъ труппы своей много танцовщиковъ, купленныхъ имъ на разныя имена, а по-купщики не надъялись скоро собрать слъдующую на уплату сумму.

Между-тъмъ въотношеніяхъ Медокса къ Воспитательному Дому произошли перемъны: И. И. Бецкій не дозволиль дъвицамъ Воспитательнаго Дома танцовать и представлять на публичномъ театръ. Потомъ отмънилъ и постройку каменнаго театра при Воспитательномъ Домъ. Вопрте, malgre, Медоксъ долженъ былъ уступить, но за то онъ успълъ испросить себъ въ Опекунскомъ Совътъ заимообразно 110,000 рублей, на 10 лътъ, обязавшись за себя и за наслъдниковъ своихъ, не требовать, въ силу контракта 1784 года, ноября 20, постройки новаго театра и сверхъ-того предоставивъ въ обезпеченіе займа своего, еще строившійся театръ, который былъ уже въ залогъ, въ Опекунскомъ Совътъ.

Медоксу выдали остальным деньги (прежде имъ было занято 50,000 руб.) Овъ употребилъ ихъ на постройку театра и на уплату долговъ своихъ. Обязавшись въ первыя пять лѣтъ займа платить один проценты, онъ два года не платилъ ни процентовъ, ни капитала, отговариваясь разстройствомъ делъ своихъ. После того еще просилъ денегъ въ Опекунскомъ Совътъ въ добавокъ ко 110,000 подъ тотъ-же залогъ. Совътъ объщалъ выдать, но не прежде, какъ въ то время, когда театръ будетъ оконченъ постройкою, и когда можно будетъ принять его въ залогъ уже по формъ. Медоксъ поспъщилъ кончить: построилъ круглую залу, которая, по его словамъ, обошлусь ему во сто-тысячъ рублей, и просилъ объщанной выдачи. Совътъ послалъ отношение въ Губернское Правление объ оцънкъ театра. Правленіе предписало о томъ Управь Благочинів, Управа-своему архитектору Карину, который и оцъниль новоностроенный театръ въ 240,000 руб. Основываясь на этой оцънкъ, Опекунскій Совыть согласился принять иманіе Медоксово въ 200,000 р. Закладная совершена въ Гражданской Палать; объ стороны подписались; но какъ въ то время въ Ссудной Казвъ не случилось денегъ, то и вельно Мелоксу, до поступленія ихт, хранить закладную у себа.

Между-тъмъ, пока Медоксъ спокойно ожидалъ полученія денегъ, вдругъ его дъло приняло совершенно другой оборотъ. Ив. Ив. Бенкій, извъстясь о распоряженія Опекунскаго Совтта, касательно выдачи ленегъ Мелоксу, предписалъ Совъту отнестись для разсмотрънія Медоксова займа, къ Почотному Благотворителю Воспитательнаго Дома, Князю А. М. Голицыну. Князь, разсмотрывъ дъло, приказалъ Оберъ-Директору Совъта Гогелю, не выдавать Мелоксу остальных в до 200,000 р. Вновь-поступившій Опекунъ, Лурново, подаль въ Совътъ мивніе такого содержанія: 1) какъ Медоксъ. на выданныя ему въпервый разъ взъ Судной Казны деньги, процентовъ не платилъ, но приписывалъ ихъ, и забиралъ еще наличными деньгами, доколь сумма возросла болъе ста тысячъ, потомъ и на сію сумму процентовъ не платилъ, а по вступленін моемъ въ должность, форма о совершеній закладной на новый заемъ уже послана была въприсутственное мъсто, при сообщени; сообщение же не только не было мною подписано, но о сей выдачь и извъстно мнь не было, а по совершения закладной оказался о томъ журналъ, никъмъ не подписанный, то я, соображая всё обстоятельства, не могу согласиться на выдачу ленегъ Медоксу, потому-что постановленіемъ главнаго попечателя И. И. Бецкаго, болье 25,000, одной персонь выдавать воспрещено, 2) Осмотръ заложенняго театра сдъланъ только одины постороннима архитекторома, а неплатежь Медоксомъ денегъ подвергаетъ сомнанию и самый залогъ, который, можеть-быть, не стоить уже и выданной ему суммы.

Такимъ-образомъ дъло Медокса приняло другой оборотъ, не совсъмъ для него благоприятный. Кредиторы его, узнавъ объ этомъ, приступили къ нему, требуя уплаты, и, въ противномъ случаъ, угрожая ему тюремнымъ заключениемъ, по законайъ.

Медексъ однакоже не потерялся и тутъ: овъ придумаль средство поправить двла свои. «Долговъ моихъ выплатить я уже никакъ не могу» — писалъ овъ въ Опекунскій совять: — «а потому, въ обезпеченіе Воспитательнаго Дома, а равно и партикулярныхъ моихъ кредиторовъ, къ върной ихъ уплатъ, другаго средства я не нахожу, какъ предать, и предато я, самъ себя, со всъми моими заведеніями и со вступающими отъ нихъ доходами, въ полную волю и управлевіе почтеннаго Опекунскаго совъта.»

Совыть, имы вы залогы все имущество Медокса, согласился принять и салого содержателя театри во обемечение той-же суммы! При этомъ постановлено: Совыту собирать доходы съ театральныхъ представлений; расходы по театру, до 27,000 въ годъ, отдать въ распоряжение Медоксу; выдавать сму въ годъ жалованья по 5,000 р. когла сборъ съ театра простираться булетъ до 50,000 р., если же менъе, то по 3,000, а если но чему-инбудь не булетъ представленій, то — ничего; предоставить ему ту-же квартиру, которую онъ занималь; при сборахъ быть приставамъ отъ Совъта и отъ Медокса, и пр.

Во всемъ въ этомъ видѣнъ чрезвычайно-хитрый, изворотливый умъ Медокса: превративъ себя въ вещь казенную, онъ обезонасилъ свою личность, и небоялся уже тюремнаго заключенія, которыми грозили ему частные кредиторы: это заключеніе, очевидно, принесло бы вредъ и Опекунскому Совъту и самимъ кредиторамъ, которые такимъ образомъ еще поставлены были въ пеобходимость просить Медокса почаще давать представленія, чтобы и на ихъ долю могло что-нибудь остаться.

Въ первый годъ выручка составила десятую часть положенной въ Воспитательный Домъ платы и выданныя Медоксу на содержание 5,000 р., на уплату Совъту и кредиторомъ ничего не осталось.

Не-смотря на ловкую сдълку или, лучше сказать, продълку Медокса, дъло его тъмъ еще не ръшилось: новый вопросъ возникъ о его привиллени.

Государына Императрица, въ бытность князя Прозоровскаго въ Петербургъ, въ 1790-мъ году, спрашивала его о московскомъ театръ, и узнавъ, что театръ въ Москвъ во всъхъ частяхъ не хорошъ, изволила замътить, что скоро Медоксова привиллегія кончится, и поручила князю привести театральныя представленія въ лучшее состояніе. Князь отвъчалъ, что онъ ничего не знаетъ ни о времени окончанія привиллегіи Медокса, ни объ отношеніяхъ его къ Опекунскому Совъту, и объщался переговорить о театръ съ директорами Дворянскаго Клуба. Возвратившись въ Москву, онъ вельлъ собрать въ Канцеляріи своей всъ свъдъніи о дълахъ и о долгахъ Медокса. Когда дворянство московское собралось изъ деревень, онъ предложилъ директоромъ Клуба принять на себя содержаніе московскаго театра. Директоры пригласили къ себя Медокса для переговоровъ.

Мелоксъ объявилъ имъ, что до окончанія его привиллегіи еще долго, и что сверхъ-того вмьетъ онъ отъ Опекунскаго Совьта особенную привиллегію; что театръ и всъ его заведеніи заложены на такомъ условіи, чтобы они оставались навсегда его потомственною собственностію и находились-бы въ его-же распоряженіи. Впрочемъ, прибаваль онъ, я готовъ продать свой театръ, если дадутъ мнъ за него 350,000.

Директоры донесли обо всемъ этомъ князю Прозоровскому, а князь отнесся въ Опекунскій Совътъ съ вопросами, когда, какую и почему совътъ даль Медоксу привиллегію?

Опекупскій Совать отвачаль, что онь и въ помышленіи не имълъ давать Медоксу какую-нибудь привиллегію, тъмъ болъе, что въ этомъ и нужды никакой не было, ибо данная Медоксу привиллегія должна продолжаться не до 1791-го года, а до 1796; что Медоксъ, по недоразумънію только могъ принять за новую привиллегио постановление Совъта о поступлении всъхъ его заведений съ доходами въ полное управление Воспитательнаго Дома — постановленіе безспочное; а это нисколько недавало привиллегіи его срока, котораго и положить невозможно, по незнанію напередъ издержекъ на театръ вообще, и остальныхъ доходовъ на уплату дома; что впрочемъ Воспитательный Домъ, въ случав закрытія театра, по какимъ-либо обстоятельствамъ, или и навсегда, равно и неисправнаго полученія уплаты, имветь, по силь условій, неоспоримое право вступить во владение всемъ имениемъ Медокса и продолжать театральныя представленія по своей привиллегіи. При этой бумагъ были приложены копіи со всьхъ обязательствъ и условій

Только тутъ открылось, что до срока Медоксовой привиллегіи надобно было ждать еще шесть лѣтъ. Помнили, что Медоксу дана была привиллегія въ 1781-мъ году, но забыли, что начало этой привиллегія долженствовало быть въ 1786-мъ году, по окончаніи первой. Медоксъ объ этомъ не объявлялъ.

Нечего было дълать: измънить или уничтожить привиллегіи невозможно. Тогда князь Прозоровскій даль Управъ Благочинія предписаніе слъдующаго содержавія: «Во-время управленія Москвою княземъ М. Н. Волхонскимъ, представленъ быль отъ него Ея Императорскому Величеству планъ построенія Петровскаго театра, удостенный Высочайшей конфирмаціи, и отданный потомъ содержателю театра Медоксу; копіи съ того плана не оставлено ни въ дълахъ покойнаго князя Михаила Никитича, ни въ тогдашней Полиціи; не отыскавши его нигдъ, я препоручилъ Оберъ-Полиціймейстеру Глазову вытребовать у Медокса помянутый планъ; на требованіе Медоксъ обълвилъ, будто-бы тотъ планъ сгорълъ въ какой-то пожаръ:въ слъдствіе того предписываю Управъ Благоческія взять подписку отъ Медокса, въ подтвержденіе его ноказанія, и представить ее миъ, для храненія при дълахъ».

Съ такимъ-же предложениемъ князь Прозоровский обращался въ Московский Госуларственный Архивъ, но и тамъ ни обязательства Медоксова, ни плана, ни копій съ нихъ не отыскалось.

На вторичное предложение князь Прозоровскаго директорамъ Клуба — принять театръ въ свое распоряжения и уплатить долги Медокса, простиравшіеся до 252,000, при чомъ князь присовокупляль, что если театръ приносиль немалый доходъ при худомъ содержаній и порядкі, то, безъ сомнанія, можно ожидать гораздо-больших в сборовь, когда поступить въ ихъ распоряженіе, следовательно, и уплату вознаградить будетъ нетрудно, — директоры Клуба отказались, представляя следующія причины: 1) Существованіе Клуба, можеть-быть, не продлится столько времени, сколько нужно на уплату долга за театръ; 2) Если театръ сгорить, то съ ноправкою обойдется Клубу весьма-дорого; 3) члены, въ случать смерти или оставленія Клуба, принять на себя уплаты за театръ не желають, а за будущихъ членовъ поручиться въ томъ не могутъ.

Когда Управа, въ-следствие предписания князя Прозоровскаго, потребовала от в Медокса Высочание конфирмованнаго плана театра, онъ показалъ, что никакого конфирмованнаго плана на строеніп театра ни откуда не получаль, а составиль его самь, съ нькоторыми архитекторами, и быль представлень съ нимъ покойнымъ княземъ Гр. Гр. Орловимъ Государынъ Императрицъ, когда уже началось строеніе театра; когда-же планъ удостоился возэрьнія Ея Императорскаго Величества, то былъ выявшенъ имъ Медоксомъ в тогдашнимъ сотоварищемъ его квяземъ Урусовымъ, въ маскерадной знаменской заль, для любопытства публики, а во-время пожара въ 1780 г., въ фервралъ мъсяцъ, сгорълъ, въ чомъ в ссылался на князя Урусова; что какъ въ указъ Полицмейстерской Канцелярій, такъ и въ привиллегія его, не значится, чтобы онъ быль обязанъ производить строеніе театра по вакому-либо данному плану; что, сколько онь приполинить можеть, Государыня Императрица соизволила произнесть, удостоивъ его разговора о зданія театра: такт-какт онт, Медокст, строить театрь собственныма своима иждивениема, то и можеть поступать по своей волть.

Въ этомъ отвътъ своемъ Медоксъ упомянулъ о князъ Урусовъ, котораго совсъмъ забыли. Послали къ князю узнать обо всемъ. Онъ объявилъ, что иланъ дълалъ и театръ строилъ архитекторъ Розбергъ, у котораго и модель осталась. Вызвали Розберга. Розбергъ объявилъ, что модель театра у него была, но Медоксъ, послъ пожара, отнялъ ее у него силою. Снова обратились, черезъ Управу, къ Медоксу, требуя отъ него модель театра, взятую имъ у Розберга, послъ пожара. Медоксъ въ отвътъ представилъ ящикъ съ согнившими и истлъвшими клочками бумаги, назвавъ ихъ остатками той модели. Лоскутии освидътельствовали въ Управъ, но по гнилости ихъ, вичего разобрать не могли. Нослали ихъ къ

Розбергу, на-повърку. Розбергъ объявилъ, что тъ клочки дъйствительно суть остатки сдъланной имъ для театра модели, но что по нимъ составить надлежащаго вида ел невозможно. Ящикъ съ клочками возвращенъ Медоксу черезъ Управу Благочинія.

По привиллегіи, данной киязю Урусову, Медоксъ былъ обязанъ построить каменный театръ, которому однакожъ мъры въ ней не назначено. Онъ приготовилъ планъ и фасадъ; представилъ ихъ на конфирмацию, и обязывался по нимъ построить, если далутъ ему новую привиллегію. Привиллегія, на этомъ условіи, объщана. Медоксъ построилъ театръ уже при другомъ начальникъ Москвы (Князь Долгорукомъ, см. выше), хотя и по тому плану, но уже и ниже: изъ оставшейся при дълахъ черновой запискъ мъры, въ какую онъ обязывался построиль его, видно, что окружность театра назначена въ 1061/3 сажень а вышина въ 171/3 сажень, а Медоксъ построилъ въ окружности 71/5 саж. меньше, въ вышвиу 3 саж. в 21/6 арш. ниже, и притомъ расположилъ его по своему произволу, въ ниомъ мъсть прибавя, въ другомъ убавя. Сверхътого, но этому плану назначена вокругъ театра улица, а Медоксъ вастроилъ ее, на купленной вмъ земль, дурными деревянными зданіями. Медокса вынудили наконецъ объявить правлу о своей привиллегія; такъ-какъ еще долго оставалось до окончанія ея, то, для поправленія театра, вздумали уменьшить, по-крайней-мъръ, срокъ ея, на томъ основанія, что Медоксъ не исполниль обязательствъ своихъ и выстроилъ театръ не по плану; но Мелоксъ самъ-себъ на-умъ: онъ взялъ предварительно всъ мъры и доказать его неустойку были нечемъ.

Медоксова привиллегія обратилась наконецъ въ тягость самому начальству: какъ временный владетель, онъ нисколько не радълъ о театръ, не дълаль никакихъ поправокъ и починокъ въ зданіи. отговивараясь хульіми сборами; наслучай ножара, театръ быль въ большой опасности, а предосторожностей, по обязательству. онъ никакихъ не приготовилъ, ипр. ипр.

Насколько разъ было преднисываемо архитектормъ Козакову, Карину и Селехову освидательствовать Петровскій театръ. Носла долгой проволочки, наконець донесли они, что нижніе брусья вязки театра совсамъ стнили, и черезъ два года театръ развалится непремънно; что на случай ножара нужно устроить больше выходовъ, сдалать мостъ черезъ ровъ, подла театра, приготовить машину, для подъема воды на-верхъ театра и пр. Медоксъ обязывался все исправить, однакожъ не исправиль ничего, извиняясь тъмъ, что театръ былъ въ полной волъ у Опекунскаго Совъта.

Въ 1791-мъ году, января 1, Медокеъ просилъ Опекунскій Со-

вътъ сложить съ него взносъ десятой части, ссылаясь уже на 5 и 6 пункты обязанностей Опекунскаго Совъта, изображающіе — состраданіе къ угнътеннымъ. Совътъ возвратилъ просьбу съ надписью, что находитъ ее справедливою; но какъ положеніе о томъ постановлено Главнымъ попечителенъ Бецкимъ, то безъ его позволенія и отмънить десятой части не можетъ.

Въ 1792-мъ году Медоксъ подалъ просьбу князю Прозоровскому, въ которой прописывалъ все свои услуги публике — построение театра, флигеля, круглой залы, воксала, огромной маскерадной залы, которая стоила ему сто тысячъ; заведение декорацій и гардероба, учрежленіе при театръ школы для 30 мальчиковъ и дъвочекъ, устроение русскихъ комическихъ оперъ, балетовъ, которыхъ до него будто-бы не было; выставлялъ все убытки отъ того имъ понесенные, невыполнение обязательствъ, по условію Опекунскаго Совъта ипр., и просилъ князя войдти въ его положеніе, оказать ему возможное содъйствіе. Князь, въроятно, довольный умнымъ изложеніемъ просьбы, удостоилъ ее резолюціею противъ кажлаго пункта. Помъщаемъ эту резолицію въ извлеченіи: она очень-любопытна, потому-что даетъ понятіе о положеніи Медоксова театра.

«Фасадъ вашего театра» — писалъ князь — «дуренъ; нигдъ пътъ въ немъ архитектурной пропорціи; онъ представляетъ скорве груду кирпича, чъмъ зданіе. Онъ глухъ, потому-что безъ потолка, и весь слухъ уходитъ подъ кровлю. Въ сырую погоду и зимой въ немъ бываетъ течь, сквозь худую кровлю; вездъ вътеръ ходить, и даже окна не замазаны; вездъ пыль в нечистота. Онъ построенъ не по данному и Высочайше-конфирмованному плану: внизу нътъ сводовъ, нътъ опредъленныхъ входовъ; въ большую залу одинъ входъ и выходъ; въ верхній этажъ ложъ — одна деревянная льстница; вверху нътъ бассейна, отчего можетъ быть большая опасность въ случав пожара. Кругомъ театра, вмъсто положенной для разъезда улицы, деревянное мелочное строеніе. Внутреннее убранство театра весьма-посредственно; декораціи и гардеробъ худы. Зала для концертовъ построена дурно: въ ней нътъ резонанса; зимой ея не топять, оттого всъ сидять въ шубахъ; когда топятъ — угарно. Актеровъ хорошихъ только и есть два или три старыхъ; нътъ ни пъвца, ни пъвицы хорошихъ, ни посредственно танцующихъ, ни знающихъ музыку. Повърить нельзя, у васъ капельмейетерь глухой и балетмейстерь хромой. Изъ школы вашей не вышло ни извида, ни извицы, ни актера, ни актрисы порядочныхъ. Въ выборъ піесъ вы неудачны».

Опекунскій Совыть положиль наконець продать все имініе Ме-

доксово, съ темъ, чтобы выручить данную Медоксу сумму съ процентами; если будетъ остатокъ, отдать его Медоксу, а десятую часть, которой онъ почти никогда не вносилъ въ Воспитательный Домъ, уступить ему изъ благотворенія къ геловъчеству, потому-что Советъ при такой уступкъ собственности своей не теряль. По этому опредъленію, вмъсто 188,150 р., должныхъ Медоксомъ Совету, следовало взыскать съ него только 100,057 р. По вызову Опекунскаго Совета явились частные кредиторы Медокса; оказалось, что имъ Медоксъ состоялъ должнымъ 62,794 р. Покупщикамъ Медоксова имънія предложены самыя выгодныя условія. Предписано произвесть вновь оценку Медоксову имънію. Въ 1789 г. архитекторъ Каринъ оцениль театръ въ 240,000 р.; ценовщики городоваго Магистрата оценили все недвижимое имущество Медокса — въ 53,000 р., хотя въ это время и строеніе было умножено и матеріалы стали дороже.

Уже въ 1796-мъ году Опекунскій Совътъ просиль тогдашняго начальника Москвы М. М. Измайлова приказать переоцънить Медоксово имъвіе. Было-ли оно переоцънено — неизвъстно. Въ этомъ году оканчивалась привиллегія Медокса. Медоксъ обратился къ М. М. Измайлову съ просьбою — отсрочить ее на два года, потомучто въ театръ его, около двухъ льтъ, не было представленій, по причинамъ, отъ него независъвшимъ. Опекунскій Совътъ, по отношенію М. М. Измайлова, изъявилъ на то свое согласіе.

Къ концу привиллегіи Медокса, и къ его счастію, Опекунскій Совътъ поступиль въ Высочайшее въдомство Государыни Императрицы Маріи Оеодоровны. Государыня, по милосердію своему, повельла выдавать Медоксу, по смерть его, по 3,000 р. жалованья въ голъ.

Мъжду-тъмъ учрежденъ былъ Комитетъ для разбора дълъ московскаго театра; въ 1804-мъ году Комитетъ этотъ всеподданнъйше просилъ Государя Императора, чрезъ Министра Финансовъ Графа Васильева, о ссудъ московскому театру 300,000 р. заимообразно, для уплаты долга Воспитательному Дому и частнымъ кредвторамъ Медокса. Разсмотръніе этого дъла поручено Князю Лопухину, бывшему московскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ, и, по окончаніи, указомъ 1805 г. повельло занять въ Воспитательномъ Домъ 300,000 р.; изъ этой суммы тудаже уплатить долгъ театра 191,366 р.; остатокъ препроволить въ театральную дирекцію, которая тогда учреждалось подъ начальствовомъ Князя Волконскаго, на уплату частнымъ кредиторамъ Медокса* и на другіе расходы по

^{*} Еще въ 1805-мъ году, до окончанія разбора дёль о театрь, Всеми-

театру. Сорока-шести частнымъ кредиторамъ Медоксъ состоялъ должнымъ 79,039 р. Всъмъ вмъ выданы деньги сполна и съ процентами.

22-го Октября 1806 г. года Петровскій театръ сгоръль. Уцьльль при немъ небольшой деревянный домъ Медокса, въ которомъ и жилъ онъ до самой смерти своей....

Ho become Ones, acted to Contra analyte Secretic appearance of 70 d p. gones, encuesador, escueda descenta acted for the programmental Mesoteenis assent uper forced to caucia acted for careful (Ipermitente appearance appearance of the course of the course of the second unallocated appearance of the course of the programment of the course of the cours

San an 1796-wa tory Omergacial Covers opposite volumes

Manay-rast syspession other Rossort an passure auto nocaused temps; we 1801-up tony liquitors over a ceromanurates apocure Formers Russianopa, spess Manderpa Parancour Fraor Eschaess, or ceyes nockoskoury temps 300,000 pr namoodrasso, are reasons form Bornivarian coury four u sacrusium apaintropauchletones. Pascharpanie etcho reas nonvicuo Russia. Ionyminy, delamony mornow are reasonable Frequencialis. In apparent and no onotimala, yearous 1805 et morostate sa sa Betherare medura, Jona 300 000, p.: sur etch eyemet typesse par Betherare medura.

было умионево и мачеріама стали пороже.

ropan rolla venemianora odire naramennou e finara Bolisonerro, na rollar secretara necessita de Mesosca! e en apprispacco en co

лостивъйше пожаловано Медоксу 10,000 р., за понесенный имъ по театру убытокъ, на уплату его кредиторамъ.

искусство и художники. nouired, na coropoli apereparente esparante coropole persia

ждавт...
— Консейдо, по...
— Дативардаться по уброть ем...
— Бымесь объ заправа, что будите модершей, сказила т-ма ("о-дерта жалита возго места инступала браной ногод...
дарта жалита возго места инступала браной ногод...
— А в готодет, битися, это будить темечил, потошу-что лува

namengarach, a ayna anners, bounding milmie,

- Youpsday rates escent ayantle -

To ... B f-an l'acapt resents presse

-- A. фы. пустава, правлечы! Она примымля на этимъ строле-River, Our company was Opposite conductant samestimes two-

- Ну, сосых, что быть заля?. Спросият Голоры. - Сына! ответных поченных поченных. - Что, и соворал? сказала, нолбощения, жена сыбрачания; - Пу, ношля! откачала изерпоих, сосых, как ны считальных... сое скига и каталический!. Эсо, праумены, изоболю!

- the a Y sects on one or a large B. Is pays became a county a chi-

Шестаго декабря 1806 года въ Парижъ, въ улицъ Гренета, собралась толна зъвакъ предълавкой г. Годара, фабриканта шерстяныхъ товаровъ. Счастье улыбнулось доброму фабриканту; онъвынгралъ большую сумму въ Лильскую лотторею и хоръ музыкантовъ, явившихся къ нему для поздравленія съ этой радостью, наполнялъ возлухъ самыми немелодическими звуками разстроенныхъ инструментовъ.

Хотя серенада эта очень льствла самолюбію Годара, но, съ другой стороны, увеличивавшаяся толна зъвакъ заставляла его съ безпокойствомъ ноглядывать на выставленные чулки, колпаки и фуфайки, отличная доброта которыхъ могла прельстить которагопибудь изъ прохожихъ любителей музыки. Онъ подозвалъ къ себъ капельмейстера, всунулъ ему въ руку наполеонъ-доръ, благодаря за внимательность, и музыканты, лостигнувъ цъли своей, тотчасъ-же отправились въ сосъдній трактиръ, прохожіе разошлись и настала-бъ прежняя тишина, если-бъ слухъ фабриканта не былъ поражовъ произательнымъ кракомъ...

 Что это? спросилъ Годаръ жену свою.
 Въдная жилица паща ужасно страдаетъ! Какъ миъ жаль ее! воскликнула г-жа Голаръ. от актори въсей отоле дамаети на поро

- A, ба! пустяки, пройдетъ! Она привыкла къ этимъ страданіямъ. Она подарила уже Франціи одиннадцать маленькихъ гражданъ...
 - -- Конечно, но...
 - Двънадцатый не убъетъ ея!..
- Быюсь объ закладъ, что будетъ мальчикъ, сказала г-жа Годаръ: жилица наша всегда выступала правой ногой.
- А я готовъ биться, что будетъ дъвочка, потому-что луна измънилась, а луна имъетъ большое вліяніе...
 - Убирайся ты съ своей луной!
- Тсъ! она замолчала... видно кончено... Кажись, идетъ мужъсюда... Точно!

Въ лавку вошолъ мужчина среднихъ лътъ съ благородной физіономіей, на которой претеривнныя страданія оставили ръзкія слъды.

- Ну, сосъдъ, что Богъ далъ?.. Спросилъ Годаръ.
- Сына! отвъчалъ печально отецъ.
- Что, я говорила? сказала, подбоченясь, жена фабриканта.
- Ну, пошла! отвъчалъ мужъ : ахъ, сосъдъ, какъ вы счастливы... еще сынъ и двънадцатый!.. Эко, подумаещь, изобиліе!
- Да, а у насъ ни одного нътъ! Я-бъ рада была и дочкъ, а то... и г-жа Годаръ махнула рукой.
- Вотъ полумаешь, продолжалъ Годаръ.... но сосъдъ уже не слушалъ его: онъ торопился за крестнымъ оцомъ и матерыю.

Въ тотъ-же день новорожденный былъ окрещонъ и названъ Жильберъ-Луи... фамилія его была Дюпре.

AND THE THE SECOND SECOND STREET SECOND SECO

Маленькій Жильберъ былъ вскормленъ въ небольшой деревнь, въ окрестностяхъ Парижа, потому-что отецъ его, бывшій нькогда весьма-достаточнымъ купцомъ, ляшвлся всего имънія, въ слъдствіе банкротства торговаго дома, которому онъ повърилъ капиталы свой, и, слъдовательно, не былъ въ состояніи нанять кормилицу.

Какъ другія дъти начинають говорить, такъ Жильберъ началь пать. На третьемъ году зналь онъ почти всё крестьянскія пъсни и былъ прозванъ маленькимъ пъвуномъ. На четвертомъ году разстался онъ съ кормилицей и возвратился въ Парижъ, здоровый, полный, румяный.

Одна изъ сосъдокъ семейства Дюпре, замътивъ страсть Жильбера къ музыкъ, часто брала его къ себъ и показала ему первыя Aionpe 121

правила музыки, такъ, что на девятомъ году онъ могъ свободво читать ноты и очень-хорошо распъвалъ романсы, которые шарманщики каждый день наигрывали подъ окнами.

Возвращаясь изъ школы, Жильберъ каждый день проходиль передъ конторой публичнаго писца, на окнъ котораго выставлены быми ноты и слова славнаго въ то время романса изъ водевиля: «Une nuit de la garde nationale». Романсъ этотъ, переписанный дрожащаго рукою стараго публичнаго писца, невольно привлекалъ взоры маленькаго плеуна; но онъ долженъ былъ ограничиваться однимъ желаніемъ... Гдъ взять денегъ? Жильберъ не сиълъ просить у родителей, потому-что они не любили музыки и безъ того уже сердились, что онъ напрасно терялъ время, когда ходилъ учиться къ сосъдкъ.

Однажды, играя съ товарищами въ кегли на дворъ, Жильберъ наклонился, чтобы поднять шаръ и увидълъ что-то блестящее на землъ. Каково-жъ было счастие его, когда онъ поднялъ свътленькую монету въ 10 су! Бросивъ игру и товарищей, Жильберъ побъжалъ къ писцу. Запыхавшись, вошолъ онъ въ контору, спросилъ о цънъ романса, заплатилъ 6 су, и, выходя, отдалъ остальныя четыре первому нищему, который попался ему на встръчу!

Нъсколько дней спустя, родители Жильбера, братья его, г. Годаръ съ супругой и всъми жильцами только и распъвали арію:

е Je pars, Déjà de toutes parts» и проч.,

которую маленькій Жильберъ насильно вбилъ выъ въ голову! Наконецъ въ 1817 году родители ръшились отдать его куда-нибудь въ ученье; но онъ, предчувствуя славное назначеніе свое, ничего и слышать не хотълъ, а потому тайкомъ отправился къ извъстному композитору духовной музыки и учоному, Шарону, который намъревался открыть музыкальную школу. Прослушавъ маленькаго пъвуна, Шоронъ согласился принять его къ себъ.

— Маменька, вскричалъ маленькій Жильберъ, воротившись домой: я разстаюсь съ вами — тъмъ лучше, доля братьевъ моихъ за объдомъ будетъ больше!

Прекрасныя дарованія молодаго Дюпре вскоръ развились; менте нежели въ два года онъ сдълался лучшимъ ученикомъ Шорона, который, по странной аномаліи, часто проливалъ слезы, слушая, какъ Жильберъ пълъ аріи знаменныхъ итальянскихъ композиторовъ, и вмъстъ съ тъмъ, поступалъ съ нимъ съ необыкновенной строгостью, не спуская ни одной дътской шалости.

Много писали и говорили о загадочномъ голосъ славнаго Керубини, но между имъ и голосомъ Шорона была такая-же разница, какъ между пъньемъ жаворонка и воемъ шакала; но за то Шоронъ обладалъ искусствомъ панія въ высшей степени и очень любиль пать дуаты съ Жильберомъ.

Однажды, когда они пъли дуэтъ : Pace! caro mio sposo!, который всегда заставляль плакать Шорона, одинь изъ молодыхъ учениковъ его, которому этотъ дуэтъ надовлъ, или который не понвмалъ красотъ его, сталъ ловить мухъ. Шоронъ, взбъщенный, схватиль его за ухо, и, не желая прерывать любимаго дуэта своего, продолжаль пать по той-же мелодій сладующее:

— Негодяй! Къ вечеру ты долженъ написать двъ тысячи разъ слово мухоловъ. Pace! caro mio sposo!

Счастливъ былъ Дюпре, что могъ не засмъяться, а то бы и ему досталось! В от-оте правания и права атменен завачи допад сталь

Уже въ 1824 году школа Шорона обратила на себя всеобщее вниманіе; парижская публика и знаменитыйшіе артисты съ удовольствіемъ собирались слушать молодыхъ исполнителей. Въ торжественные дви, т. е. дви большихъ концертовъ, сходились ученики и ученицы Шорона; последнія воспитывались совершенно-отдельно отъ молодыхъ людей и находились подъ непосредственнымъ надзоромъ г-жи Дотти.

Можеть-ли въ училище, гдв воспитываются молодые люди обоего пола, не вкрасться любовь? Хотя дъвицы были совершенноотдълены отъ юношей, но все-таки они сходились въ дни концерта, и Дюпре страстно влюбился въ умную и хорошенькую Александрину Дюперронъ, и ръшился въ томъ признаться наставнику своему.

— Эге, братъ! сказалъ Шоронъ: любовь безъ свадьбы вздоръ!

 Да я хочу женаться! вскричалъ съ живостію Жильберъ. - А женитьба безъ состоянія сумасбредство, продолжалъ Шоронъ.

Состояніе будетъ, сказалъ Дюпре.

— Ну, тогда будетъ и женитьба.

на — Но. "прем год в кого оперет прет — пода и и динетрени в тійли.

— Я слышаль, что ты сочиняеть разныя аріи? перебиль его Шоронъ.

— Кантата моя на слова Мильвуа: La chute des feuilles, имъла вчера большой успъхъ у герцогини Д**.

— Успахъ? Можетъ-ли что-нибудь имать успахъ посла музыкальныхъ сочиненій Палестрина, Генделя, Порпоры и Глюка? Лучше старайся сдълаться хорошимъ исполнителемъ. Голосъ у тебя прекрасный, старайся обработывать его, а не портить, просиживая ночи за своими композиціями. До свидавія.

- Но я говориль вамъ о желаніи моемъ....
- Надо умъть отказывать себъ въ своихъ желаніяхъ.
- Но я люблю m-lle Дюперронъ!
- Любишь? кръпко? Всей лушою!
- Oro! Hy, это дъло другое. Коли любищь, такъ повзжай въ талію. — Что вы говорите? въ Италію? Зачъмъ? Италію.
- Тамъ у тебя пройдетъ блажь, а не пройдетъ, такъ послъ уви-W. Horsey, Someting, measured entered have the period of t

Нечего было делать! Шоронъ любилъ действовать скоро. На другой-же день овъ выхлопоталъ Дюпре деньги на дорогу у тогдашняго министра, маркиза де-Лористана, и нъсколько дней спустя въ апрълъ 1825 года, Жильберъ вывхаль изъ Парижа.

Не-смотря на рекомендательныя письма Шорона и на протекцію въкоторыхъ друзей Дюпре, проживавшихъ въ Миланъ, онъ никакъ не могъ добиться того, чтобы его ангажировали на какойнибудь театръ, а потому, проживъ около шести мъсяцовъ въ Милань, истратиль всь деньги свои и должень быль писать Шороду, чтобы тотъ помогъ ему выдти изъ затруднительнаго положенія.

Шоронъ образовывалъ въ это время религіозные концерты, въпоследствін столько прославившіе училище его. Дюпре былъ ему нуженъ для этихъ концертовъ, а потому нъсколько дней спустя послъ письма своего, ученикъ получилъ отъ наставника слъдующій лаковическій отвътъ:
— Приъзжай скоръй, или я выхлопочу, чтобы миланская поли-

ція доставила тебя сюда!...

Тутъ-же были приложены деньги, необходимыя Жильберу на AODOLA.

Возвратившись въ Парижъ, Дюпре предложилъ услуги свои директору театра Одеона и былъ принятъ въ число вторыха теноровъ съ 3,000 франковъ жалованья въ первый годъ, и 4,000 во второй. Эта первая удача чрезвычайно обрадовала Дюпре и чтобы поскорве имъть возможность жениться на той, къ которой однажды привазалось сердце его, онъ рышился написать оперу, надъясь составить себъ въкоторую извъстность.

Но гав достать либретто? Какъ молодой человъкъ, слишкомъмало извъстный, онъ не смълъ обратиться къ знаменитымъ въ то время писателямъ, а потому уговорилъ брата своего Эдуарда,

перваго комика при Монмартрскомъ театръ Севеста, написать либретто для комической оперы.

Лолго прилумывали братья сюжетъ и наконецъ не прилумали

ничего лучшаго, какъ кораблекрушеніе!

- Чудо! говорилъ Жильберъ: какіе музыкальные эффекты! Буря. гроза, вътеръ, громъ, шумъ волнъ...

- Все это прекрасно, возразилъ Эдуардъ: но къ чему поведетъ это кораблекрушеніе?

- Какъ, къ чему? Къ фортунъ.

- Ты меня не понялъ; мы придумали кораблекрушение, а дальme aro, or transported to the state of the s
 - Дальше?... Подумай, братецъ, пожалуйста, подумай...
- Думаю... думаю... стой! пдея!... Молодой американскій поселенецъ садится на корабль со всъмъ имуществомъ своимъ...
- Что-то не ловко... не можетъ-же онъ взять съ собою плантацій своихъ?...
 - Онъ обращаетъ все недвижимое въ деньги и товаръ.
- Да, такъ хорошо.
- Вдругъ кораблекрушеніе!...
- Буря, гроза, молнія, вътеръ...
- И прочая, и прочая; всъ погибаютъ! Сострадательно-жестокая волна выквдываетъ молодаго человъка на берегъ...
- Чудо, чудо! Онъ приходить въ себя, преклоняетъ колена и возсылаетъ горячую молитву ко Всевышнему!... Слушай, слушай! Та, ди, ра, да! Та, ра, ди, да!.. Хорошъ-ли этотъ мотивъ для моли-
- Очень-хорошъ. Вдругъ онъ видитъ хижину... въ ней живетъ Голландецъ, рыбакъ, который, сжалившись надъ несчастіемъ молодаго человъка, принимаетъ его къ себъ въ домъ.
 - У рыбака должна быть дочь!
- Въ которую молодой человъкъ влюбляется...
 - —И они взъясняются въ любви... ла, ла, де ри де ра! — И женятся! у выполнять драги, динистична выполнять вы
- -- Браво! подочновани за истанца истой и половидарское чурк
- И назовемъ оперу: Хижина рыбака!

Вратья въ восторгъ обнались, поцъловались и принялись за дъло. Черезъ двъ недъли и либретто и музыка были готовы. Не надъясь, чтобы на какомъ-нибудь парижскомъ театръ приняли первое произведение неизвъстныхъ молодыхъ люлей, они отправились въ Версаль, къ директору тамошняго театра, г. Робильону, который принялъ ихъ съ высоты директорскаго величія своего. Впрочемъ, надобно сказать, что костюмъ братьевъ-сотрудниAtonpe 125

ковъ былъ не изъ привлекательнъйшихъ, тъмъ-болъе, что, по причинамъ, имъ самимъ извъстнымъ, они пришли изъ Парижа пъшкомъ, въ дождь, грязь и слякоть.

По убъдительной просьбъ вхъ, г. Робильйонъ согласился представить Хижсину рыбака на разсмотръніе комитета своего. Комитетъ этотъ состоялъ изъ директора, режиссера, суфлера, капельмейстера (безрукаго тамбуръ-мажора), какого-то страстнаго любителя театра, старшаго льсничаго и двоюроднаго брата госполина мера. Опера была одобрена единолушно, единогласно, и тотчасъ-же приступили къ репетиціямъ. Первый теноръ не хотълъ-было сначала играть роль молодаго поселенца, потому-что костюмъ не нравился ему, но авторы позволили ему украсить и дополнить костютъ поселенца обувью, которую первый теноръ обожалъ, а именно сапогами съ отворотами, и дъло пошло какъ нельзя лучше.

Наступилъ день генеральной репетиціп. Жильберъ съ вечера чистиль фракъ свой, Эдуардъ занялъ панталоны у товарища своего по театру, перваго любовника, и за два часа до назначеннаго времени братья прибыли въ Версаль въ лилижансъ. Но увы! кто можетъ представить себъ ужасъ и отчаяніе Жильбера, когда, прибывъ въ театръ, онъ увидълъ, что весь оркестръ состоялъ изъ безрукаго капельмейстера и пьянаго контрбасиста, передъ которымъ стоялъ нагоръвшій сальный огарокъ!

Дюпре тотчасъ-же хотълъ отнять у директора оперу свою, но тотъ уговорилъ его, наобъщавъ ему золотыя горы и успокоивъ тъмъ, что всъ музыканты не могли присутствовать на генеральной репетиціи потому, что вчера былъ въ Версали праздникъ, и они еще не протрезвились.

Если на репетиціи оркестръ былъ слишкомъ-малъ, то на первомъ представленіи онъ былъ уже слишкомъ-великъ, потому-что всъ зрители присоединились къ музыкантамъ, принявшись такъ согласно свистать, что Хижсина рыбака пала, какъ нъкогда стъ-вы іерихонскія пали передъ трубою Навина!

А между-тъмъ, въ этой оперь были прекрасныя мъста. Она досталась во владъніе льсничему, и девять льтъ спустя, когда тотъже г. Робильйонъ просилъ Дюпре осчастливить версальскій театръ звуками голоса его, то музыканты хотъли дать славному пъвцу серенаду, составленную изъ мотввовъ оперы Хижсина рибака. Отправили депутацію къ льсничему, но увы! онъ умеръ и наслъдникъ его употребилъ рукопись на пыжси! Еще наканунъ убилъ онъ зайца, употребивъ на пыжъ послъднюю страничку рукописи!

Вмъсто серенады музыканты поднесли Дюпре прекрасно изжареннаго зайца.

Наконецъ наступило время дебютовъ Жильбера. 3-го декабря 1825 года явился онъ въ первый разъ на сценъ Одеона, въ роли графа Альмавива, въ «Севильскомъ цирюльникъ». Какъ актеръ онъ не имълъ успъха, но публика умъла понять прекрасную методу пънія его. Второй дебютъ (въ «Les Folies Amoureux») былъ неудачные перваго.

Первое дъйствіе прошло довольно-тихо. Второе дъйствіе на-

Первое дъйствіе прошло довольно-тихо. Второе дъйствіе началось дуэтомъ, который Дюпре долженъ былъ пъть съ какимъто другимъ актеромъ. При первыхъ нотахъ всъ зрители стали аккомпанировать пъвцовъ, весело насвистывая мелодію дуэта, съ

необыкновенною върностью и согласіемъ.

Дюпре, для котораго подобныя вещи были еще слишкомъ-новы, задрожалъ всемъ теломъ и такъ растерялся, что не могъ продолжать дуэта. Товарищъ его, на долю котораго, впрочемъ, приходилась большая часть неприятнаго аккомпанимента, слегка толкнулъ Жильбера локтемъ, шепнувъ:

— Не бойся, приятель, посвищуть да и перестапутъ!

Хотя эта неудача крайне огорчила Дюпре, однакожъ онъ не отчаявался, и вскоръ съ большимъ успъхомъ сыгралъ роль дона Оттавіо въ Донг-Жуань.

Около этого времени, въ февралъ 1827-го года, женился онъ на Александринъ Дюперронъ, которая вскоръ вступила на сцену Одеона и дебютировала съ большимъ успъхомъ въ комическихъ операхъ. Но увы 1 содержатель театра вскоръ обанкрутился, театръ бымъ закрытъ, труппа разошлась и молодые супруги остались безъ всякихъ средствъ къ существованію. Бъдственное положеніе ихъ увеличилось еще тъмъ, что Господь даровалъ имъ дочь!... Тщетно обращался бъдный Дюпре къ директорамъ разныхъ театровъ но вездъ получалъ отказъ. Наконецъ ръшился онъ попытать счастія въ музыкальной странъ и, оставивъ маленькую дочь свою Алексавдрину на попеченіе родителей своихъ, Дюпре, въ 1828 году, около конца ноября, отправился съ женой въ Италію, безъ денегъ, безъ рекомендацій, но съ самыми сладкими, утъщительными надеждами на даровавіе свое!

Супруги прибыли въ Миланъ въ то самое время, когда туда приъхала Паста. Это обстоятельство показалось имъ счастлявымъ предзнаменованіемъ. Директоръ театра Carcano, на которомъ должна была явиться въ первый разъ предъ миланской публикой знаменитая пъвица, набираль вездъ пъвцовъ и пъвицъ, чтобы опера его была какъ можно полнъе. Дюпре явился къ нему и получилъ егказъ; но два или три дня спустя, импрессаріо самъ приъхалъ къ чему и какъ-бы сжалившись надъ нимъ, преллагалъ ему съ женою 855 франковъ за весь сезонъ, то есть, за пять мъсяцовъ. Люпре отказался, но когда импрессаріо прибавиль еще 455 франковъ, то они заключили контрактъ. Это былъ первый шагъ Дюпре къ той извъстности и славъ, ко-

торой онъ въ-последствіи достигъ. По окончаніи сезона, Дюпре посетиль некоторые города Италіи, и везав имваъ успахъ. Въ 1830 году воротился онъ въ Миланъ; благодаря некоторой известности, которую онъ приобрелъ, на другой-же день послъ приъзда его, явился въ нему импрессаріо Моредли и предложилъ Дюпре и женъ его 800 франковъ ежемъсячнаго жалованья, съ темъ однакожъ условіемъ, чтобы они нигде, кромъ его театра, не смъли пъть. Контрактъ былъ заключенъ на восемь мъсяцовъ, въ-продолжение которыхъ Дюпре долженъ былъ пъть шесть разъ въ недълю, а утромъ быть на репетиціяхъ.

Этотъ усиленный трудъ разстровлъ здоровье пъвца, сдълав шагося уже любимцемъ миланской публики. Онъ тотчасъ-же далъ знать о

бользни своей директору, прося отдыха на нісколько дней.

Импрессаріо, человъкъ льтъ за сорокъ, высокаго роста, съ быстрыми движеніями, хитрымъ взглядомъ, самъ явился къ пъвцу. Итальянцы всъ болъе или менъе музыканты, но этотъ импрессаріо не имълъ ни о музыкъ, ни о виртуозахъ ни малъйшаго понятія и руководствовался только общимъ мнаніемъ Гранара, такъ звали этого подрядшка, которому Морелли, настоящій хозяння Дюпре, уступилъ пъвца на два мъсяца за 3000 франковъ, ужаснулся, при извъстіи о бользни пъвца.

— Э, caro mio! вскричалъ онъ, заставъ Дюпре въ постели: вы un poco ammalato?

— Я даже очень-нездоровъ, отвъчалъ Дюпре слабымъ голо-

мъ. — Какъ жаль, какъжаль, povero amicol тъмъ-болъе, что вы сегодня должны будете пать. Мы даемъ L'Italiana. Безъ васъ дъло не можеть обойтись, а потому мы ждемъ васъ. Addio, caro mio.

— Убирайтесь къ чорту! закричалъ Дюпре: у меня изнуритель-

ная лихорадка и раньше недъли я пъть не могу.

- E vero povero! сказалъ жалобнымъ голосомъ Гранара: но публика этого не разбираетъ и если вы сегодня вечеромъ не будете въ театръ, то я долженъ буду послать за...

— За докторомъ? О, сдълайте одолжение! И поскоръс, если мо-

жио, сказалъ Дюпре.

— Нътъ, не за докторомъ! La forza (стража) проведетъ васъ къ театру.

Дюпре собралъ последнія силы и явился на представленіе, но въ

концъ перваго—же аъйствія упалъ безъ чувствъ и былъ отвезенъ домой. Не-смотря на это несчастное приключеніе, импрессаріо явился на другое утро съ докторами, чтобы удостовъриться, точно—ли Дюпре не въ состояніи пъть, но засталъ его въ опасной горячкъ. Пролежавъ осьмнадцать дней, пъвецъ сталъ наконецъ выздоравливать, благодаря кръпкому сложенію своему и попеченіямъ жены, которая, какъ добрый ангелъ-хранитель, не отходила отъ постели больнаго.

По истечени срока, до котораго заключонь быль контракть съ Морелли, Дюпре, по просьбъ директора театра Carcano, согласился дать нъсколько представленій. Первыми пъвцами при этомъ театръ были въ то время Рубиви, Галли и Паста. Эти три знаменитые артиста кончили сезонъ свой и готовились уъхать изъ Милана.

Принявъ предложение импрессарио, Дюпре поступилъ неосторожно; въ ушахъ миланской публики раздавались еще звуки дивнаго голоса Рубини, а потому бъднаго Жильбера освистали безъ милосердія. Огорченный этимъ, Дюпре сълъ въ дилижансъ и поъхалъ въ Туринъ, куда его приглашали съ весьма-выгодными предложенілми. По странному случаю, ему пришлось сидъть въ дилижансъ рядомъ съ Рубини, отправлявшимсся въ Парижъ.

Рубини, котораго благородный характеръ всъмъ извъстенъ, поспъщилъ изъявить Жильберу сожальніе о несправедливости миланской публики, не хотъвшей понять его прекраснаго таланта. Но свистки были еще слишкомъ-свъжи въ памяти Дюпре, а потому онъ отвъчалъ съ нъкоторой досадой:

— Нътъ, милостивый государь, мит съ вами тягаться нельзя, и если я впередъ куда—нибуль потду, то сперва узнаю, нътъ-ли васъ тамъ, давно-ли вы тамъ были или не ожидаютъ-ли васъ, чтобы намъ на сценъ не встръчаться!

Не-смотря на то, 6 или 7 льтъ спустя, Дюпре и Рубини пъли въ Парижъ, и публика также охотно слушала одного, какъ и другаго. И у славы есть солнце, которое свътитъ для всъхъ артистовъ!

ВъТуринъ Дюпре имълъ большой успъхъ въ оперъ «Olivo e Pasquale», и особенно въ *Пираштъ*. Послъдняя опера дана была 20 вечеровъ сряду съ одинакимъ успъхомъ, и не-разъ могъ Дюпре надъвать на голову жены своей, игравшей роль *Иможены*, вънки, которые восторженная публика бросала на сцену!

Съ-этой-поры начинается новая жизнь артиста. Силою воли, трула и таланта своего Дюпре заслужилъ извъстность почти во всей Италіи.

Въ то время, когда онъ приводилъ въ восторгъ Туринскую пу-

129

блику, онъ получилъ письмо отъ импрессаріо Ланари, изъ Лукки, который предлагалъ ему 1,500 ор. за сезонъ. Дюпре не принялъ этого, слишкомъ-невыгоднаго предложенія, но узнавъ, что въ то время находились въ Луккъ нъкоторые друзья его, онъ поъхалъ туда, и увидъвшись съ Ланари, сказалъ ему, что овъ готовъ вступить къ нему въ труппу, по неиначе какъ согласулсь съ тъмъ, какъ приметъ его публика. Ланари сталъ-было говорить, что имя Дюпре слошкомъ извъстно, что везлъ уже умъли оцънить прекра-сный талантъ его и пр. и пр., но Дюпре, руководствуясь благора-зумною осторожностью, не хотълъ слушать никакихъ отговорокъ, никакихъ замъчаній.

Дюпре выбраль для дебюта своего оперу Вильгельмо Телль, п уже по окончаніи перваго дъйствія возбуд дъ общій восторгъ. Карлотта Ланари, вторая пъвица и жена импрессаріо-дипломата, первая подала знакъ въ похваламъ, которыми товарищи осыпали Дюпре, когда онъ вышелъ за кулисы; но бъдная женщина вскоръ въ томъ раскаялась. Ланари, стоявшій въ сторонъ, чтобы скрыть невольное впечатлъвіе, произведенное на него пъніемъ Дюпре, подошоль къ ней и съ административнымъ гневомъ, забывъ приличія, больно ущипнулъ жену и шепнулъ ей на ухо:
— Молчи, несчастная! Если онъ замътитъ слезы твои, то мы

погибли! Довольно того, что публика бъспуется, а то и ты еще прослезилась, да первая стала хвалить его! Подумай сама, что онъ съ меня спроситъ теперь? Сколько жалованья надо будетъ дать eny? since meaning origination or emmeaning equal an-1

Уже не 1,500 фр. за сезонъ, а 12,000 фр. предложилъ Ланарн Дюпре за цълый годъ; но пъвецъ согласился не иначе, какъ за 15,000 фр. вмысты съ женою, за первый, и 18,000 фр. за второй годъ. Вздыхая, согласился Ланари.

Когда аристократическая публика оставила Луккскія воды, Ланари съ труппой своей персъхалъ въ Флоренцію. По контракту, Дюпре не имълъ никакого права на бенефисъ. Каково-жъ было удивление его, когла импрессарио предложилъ ему однажды бенеонсъ! Дюпре поблагодарилъ его отъ души, но Ланари, смутившись, остановилъ порывъ благодарности пъвца слъдующими словами:

— Caro Дюпре́, вы меня несовстьми поняли; вамъ не за-что благодарить меня, потому-что я самъ прошу у васъ услугу, маленькую услугу, которая вамъ ничего не будеть стоять, но напротивъ послужить еще къ славъ ващей, саго тіо; бенефисъ-то будеть вашь, только въ мою пользу; я, ничтожный импрессаріо, соберу деньги, благодаря имени вашему, а вы, il gran Douprez, вы пожнете рукоплесканія! Вамъ слава, мнв девьги!

Дюпре, какъ умный человъкъ, отъ-души посмъялся надъ выдумкой скупца и согласился на убъдительныя просьбы его. Бенефисъ былъ данъ и сборъ превзошелъ почти половину ежегоднаго жалованья пъвца. Но и Дюпре достались не одни рукоплесканія. Извъстный и великодушный покровитель искусствъ и артистовъ, г. Демидовъ, прислалъ Дюпре драгоцънные золотые часы, при лестномъ письмъ, въ которомъ онъ старался выразить все удовольствіе, доставленное ему прекраснымъ даровавіемъ Дюпре.

Въ Тріеств Дюпре имълъ огромный успъхъ въ La Muette de Portici (Фенеллъ), наскоро переведенной на итальянскій языкъ. Опера эта имъла столь-огромный успъхъ еще благодаря хорамъ, которыми тріэстскія оперы издавна славятся. Баркаролла: Amis, la matinée est belle; большой дуэтъ: Amour sacré de la patrie, который строгая австрійская ценсура передълала въ Amour sacré de la vengeance!, хоръ на рынкъ и финальныя сцены были повторяемы до трехъ, четырехъ разъ! Опера эта произвела такое furore въ Тріэстъ, что когда Дюпре уъзжалъ оттуда, чтобы воротиться въ Флоренцію, то многочисленная толпа молодыхъ людей съ факелами провожала его на пароходъ, громко распъвая хоры изъ Немой!

Обстоятельство это произвело сильное впечатланіе на Дюпре... онь быль уже далеко отъ берега, а сладостныя слезы все еще текли по щекамъ его, и вечерній, теплый, итальянскій вътерокъ, доносиль къ нему звуки хоровъ и заставляль его мечтать объ отчивнь, съ которою ему не скоро еще суждено было свидъться...

Г-жа Дюпре, занимавшая съ нъкотораго времени званіе donna assoluta (первой пъвицы) въ труппъ Ланари, подарила мужу своему вторую дочь, Каролину, въ самомъ началъ весны 1832 года.

Первая опера, которую Ланари поставиль на сцену, по возвращеніи во Флоренцію, была Анна Болена, но она ръшительно не имъла усивха. Той-же участи полверглись и L'Ultimo Giorno di Pompeia и, что всего уливительные, Соппамбула Беллини! Наконецъ Отелло примириль публику съ труппой Ланари, и, странная вещь! послъ-того и Анна Болена и Соппамбула были принимаемы съ постоянными рукоплесканіями причудливыхъ Итальянцевъ.

Посътивъ еще нъкоторые города Италіи, Дюпре отправился въ Римъ, на карнавалъ 1834 года.

Прибытіе оперной труппы Ланари въ Римъ, надълало много шуму. Но Римляне, считающіе себя первыми музыкальными знатоками въ міръ, едва-ли не предпочитаютъ балеты операмъ, особенно такіе балеты, сюжеты которыхъ заимствованы изъ древней исторіи ихъ. А потому Ланари было позволено давать представленія

131 Lionpe

на театрь Tordinona только съ тъмъ условіемъ, чтобы онъ ангажироваль и балетную труппу. Ловкому импрессаріо векорв уда-лось привесть требованіе это въ исполненіе и въ 1833 году, 26 декабря было дано первое представление.

Первая опера была «Анна Болена». Арія Дюпре, въ началь піссы: Da quel di che lei perduta, произвела такое furore, что вся зала задрожала отъ энергическихъ bravo и рукоплескавій, которыми публика выражала восторгъ свой. Дюпре, г-жа Дебеньисъ (Ронца) и г-жа Дюпре были засыпаны цвътами.

Въ Римъ Дюпре былъ представленъ знаменитому Орасу Верне, бывшему въ то время директоромъ французской Академіи Художествъ. Общество соотечественниковъ, милыхъ и любезныхъ, не разъ заставляло Дюпре забывать, что онъ такъ далеко отъ родины

Посетивъ все достопримечательности древняго города и имевъ на сценъ постоянный успъхъ, Дюпре, по окончанів карнавала, воротился съ женою во Флоренцію. Во-время отсутствія его, маэстро Донидзетти написалъ нарочно для г-жи Такинарди-Персіани оперу: la Rosmonda d'Ingliterra. Не-смотря на то, что Дюпре былъ уже измученъ частыми представленіями, данными въ Римв, онъ прекрасно создалъ роль Генрика II, короля англійскаго. Опера не имъла особеннаго успъха, но она доставила случай оцънить прекрасное дарованіе и очаровательный голосъ пъвицы, которая въ-по-слъдствіи сдълалась первою во всей Италіи. Сверхъ прекрасной методы и удивительнаго голоса, г-жа Такинарди обладаетъ въ высшей степени способностью разнообразить пъніе свое при каждомъ представленів.

Труппа Ланари давала во Флоренціи слъдующія оперы : «Отел-ло,» «la Parisina», «Вильгельмъ Телль», «Капулетти и Монтеки» и «Севильскаго цирюльника», и Дюпре́ во всъхъ былъ прекрасенъ.

Около-того времени, импрессаріо Барбаджіа, въ Неаполь, наживъ себъ огромное состояніе, ръшвася оставить дъла и удалиться на отдыхъ въ великолъпную виллу свою. Тогда составилось общество изъ знативищихъ неаполитанскихъ вельможъ, которые решидись открыть въ одно время все театры въ Неаполе, назначивъ имъ одного директора.

Трудные всего было набрать пъвцовъ для великольпнаго театра Сань-Карло. Ни одинъ извъстный пъвецъ не былъ свободенъ. Ланари прибралъ ихъ всъхъ къ своимъ рукамъ. Следовательно общество должно было обратиться къ нему; но Лапари, знавшій дело свое, per amor dell' arte, умълъ извлечь огромаую пользу изъ этого предпріятія. За однихъ супруговъ Дюпре, съ которыми онъ заключилъ новый контрактъ на два года и по которому они должны были получать ежегодно 32,000 фр., Ланари получилъ единовременно, не выплативъ Дюпре́ еще на одного су, 64,000 фр. съ тъмъ, чтобы онъ уступилъ ихъ обществу! Не-смотря на то, что тутъ уже онъ столько выигралъ, Ланари выхлопоталъ себъ еще долю отъ каждаго представленія — вотъ что называется чужими руками вынимать изъ огня жареные каштаны!

Восторгъ, съ которымъ неаполитанская публика принимала Дюпре, доходилъ до фанатизма. По-окончаніи сезона, Дюпре съ женою, Лаблашемъ и г-жею Унгеръ поъхали въ Ливорно. Тамъ Лаблашъ разтался съ товарищами и друзьями своими, чтобы насладиться славою, ожидавшею его въ Парижъ, а Дюпре съ другими воротился въ Неаполь, гдъ прибытіе г-жи Малибранъ взволновало уже всю публику.

Въ Неаполъ Жильберъ получилъ извъстіе о смерти благодътеля своего, Шорона. Дюпре былъ такъ огорчовъ этимъ обстоятельствомъ, что не могъ пъть въ тотъ вечеръ. Онъ любилъ Шорона какъ отца, потому-что всъмъ былъ ему обязанъ; безъ его покровительства, безъ его великодушной дружбы, Жильберъ провельбы, можетъ-быть, жизнь свою въ какой нюбуль мастерской. Честь и слава Шорону, которому Франція обязана однимъ изъ знаменитъйшихъ пъвцовъ своихъ!

Для перваго дебюта Г-жи Малибранъ была назначена Соннамбула. Финальный дуэтъ перваго акта привелъ въвосторгъ Неаполитанцевъ, и по опущении занавъса знаменитал пъвица дружески пожала руку Дюпре, потому-что ни съ къмъ еще, говорила она, не удавалось ей такъ хорошо спъть этотъ дуэтъ.

Дюпре и жена его сблизились съ Г-жою Малибранъ. Каждый день объдала она у нихъ, а вечеромъ, послъ представленія, всъ трое собирались у г-жи Малибранъ, гдъ проводили время за ужиномъ, въ самыхъ дружескихъ, артистическихъ бесъдахъ. Г-жа Малибранъ, эта чудная, геніяльная женщина, славилась столькоже добрымъ сердцемъ своимъ, сколько и талантомъ.

Однажды пришолъ къ ней какой-то молодой маэстро и убъдительныйше просилъ, чтобы она уговорила импрессаріо принять на сцену оперу его сочиненія. Малибранъ приняла живое участіє въ молодомъ человыкъ, сама вызвалась играть главную роль въ новой оперь, которая имъла самое ужасное fiascol.. Эта несчастная попытка заставила ее избыгать впредь оперъ начинающихъ молодыхъ людей, такъ, что Персілни, написавшій большую оперу для театра Санъ-Карло, никакъ не могъ уговорить ее взять на себя главную роль. Дюпре 133

Дюпре просмотрълъ партитуру г. Персіяни и, замътивъ въ ней мъста, которыя могли имъть большой успъхъ, ръшился сдълаться защитникомъ молодаго композитора.

Однажды Малибранъ, сидя за фортеніано, смъялась надъ оперой Персіяни и, чтобъ доказать, что она дурна, стала пъть съ тъмъ проническимъ выраженіемъ, которымъ она обладала въ такой высокой степени, одну изъ главныхъ сценъ новой оперы.

- Повърьте миж, вскричалъ Дюпре съ жаромъ: что это самое лучшее мъсто во всей оперъ!
 - Хороша-же опера! насмъшливо сказала г-жа Малибранъ.
- И прекрасное можно представить въ каррикатуръ. Пропойте эту каватину какъ должно, и я увъренъ, что она произведетъ furore!
 - Я пъла ее такъ, какъ она написана!
- Позвольте мнъ пропъть ее такъ, какъ в ее понимаю и тогда скажите безпристрастное мнъніе ваше.

 Дюпре сталъ пъть. Г-жа Малибранъ слушала со вниманіемъ и

Дюпре сталъ пъть. Г-жа Малибранъ слушала со вниманіемъ и онъ не успълъ еще кончить, какъ слезы показались на глазахъ знаменитой артистки. Нъсколько дней спустя начались репетиціи и Inès de Castro имъла огромный успъхъ. Г-жа Малибранъ и Дюпре были вызваны пять разъ сряду послъ аріи, въ началъ втораго дъйствія.

По желанію Г-жи Мальбранъ, Дюпре взяль на себя роль Полліона, въ Нормь. Во-первыхъ эта роль не въ его родъ, а во-вторыхъ за день до представленія онъ простудился и у него сдълался сильный насморкъ. Дюпре забылъ предъувъдомить зрителей до поднятія занавъса о состояніи своемъ. Неаполитанская публика очень-непризнательна и освистала Дюпре самымъ ужаснымъ образомъ. Начальникъ полиціи явился за кулисы и сдълалъ Дюпре строгій выговоръ за то, что онъ, будучи пъвцомъ, смъетъ имъть насморкъ и тъмъ нарушать общественное спокойствіе и порядокъ.

Дюпре пълъ еще въ «Лючіи», и большой финальной аріей fra-poco а те ricovero приводилъ Неаполитанцовъ въ восторгъ.

Рожденіе наслъдника Короля Фердинанда II было поводомъ къ большимъ празднествамъ. Дюпре, со многими другими знаменитыми пъвцами, пълъ при крещеніи Принца. Но королева неаполитанская должна была поплатиться жизнію за это счастіе; двъ съ половиною недъли спустя послъ родовъ, Королева воротилась къ ангеламъ, съ которыми она на-время разсталась, чтобы утъшать страждущихъ и отереть слезы несчастныхъ!.. Глубокій трауръ распространился по всему городу, и Дюпре, мелодическими звуками

прелестнаго голоса своего, молился въ церкви Санта-Кіара за унокой души, рано отшедшей изъ этого міра!..

Всъ театры были закрыты на двъ недъли; потомъ въ Санъ-Карло дана была опера Марліани: Il Bravo. Большая арія Дюпре и дуэтъ, который овъ пълъ съ г-жою Ронци де-Беньисъ, до того восхитили публику, что многіе иностранцы отложили отъвзять свой, чтобы еще разъ послушать эту оперу, и на пароходахъ не было со всъмъ пассажировъ.

Этой самой піссой Дюпре простился съ гостепріимной страной, принявшей его радушно и придавшей имени его славу! Со слезами на глазахъ сълъ Дюпре съ женою и дочерью на нароходъ... Колеса зашумъли... прости дивная, несравненная Италія!

13-го февраля 1836 года Дюпре присталь къ берегамъ Франціи, въ Марсели. Оттуда повхаль онъ въ Ліонъ, где брать его Эдуардъ, занималъ на главномъ театре роли первыхъ комиковъ. Всякій легко пойметъ, какъ трогательно было свиданіе братьевъ.

Прошло семъ лътъ съ половиной съ-тъхъ-поръ, какъ Дюпре не видалъ ни родителей, ни братьевъ, ни сестеръ, ни дочери своей Александрины, а потому, пробывъ сутки въ Ліонъ, онъ на почтовыхъ поскакалъ въ Эперне, гдъ жили родные его. Нъсколько счастливыхъ дней провелъ Дюпре въ кругу своихъ.

Едва прибыль онь въ Парижъ, какъ къ нему явился Галеви, съ предложеніями отъ директора театра Académie Royale de Musique. Пока шли переговоры, Дюпре получилъ письма взъ Италіи, отъ Морелли и Ланари, приглашавшихъ его къ себъ. Дюпре отвъчалъ, что не иначе воротится въ Италію, какъ если ему согласятся дать 40,000 фр. за сезонъ. Оба вмпрессаріо были скупы, но Дюпре, сдълавшійся уже любимцемъ Итальянцевъ, могъ доставить имъ большія выгоды, а пототу оба согласились на условія пъвца; однакожъ нисьмо Ланари поспъло въ Парижъ нъсколькими днями равъе письма Морелли.

Въ іюнъ 1836 года Дюпре отправился во Флоренцію, оставивъ жену, здоровье которой не позволяло слъдовать за мужемъ, въ Эперне, у родныхъ. Въ Италіи, Дюпре былъ првиятъ съ восторгомъ въ Лючіи и И Втачо; но быстро распространявшаяся холера заставила закрыть всъ театры и Дюпре, не прерывая условія съ Ланари, могъ ва-время воротиться во Францію. По приъздъ въ Парижъ онъ былъ поражонъ печальнымъ извъстіемъ о смерти г-жи Малибранъ, воспослъдовавшей 23 сентября 1836 года. Эта преждевременная смерть крайне-огорчила его. Онъ вмъстъ оплакивалъ и друга, и неподражаемую пъвицу!..

Дюпре окончилъ наконецъ переговоры съ Дюпоншелемъ. Нур-

Aionpe 185

ри, которому принадлежали роли тенора, былъ преврасный актеръ, метода пънін его была оригинальна, выразительна, но голосъ слабъ. Узнавъ объ ангажированіи Дюпре, Нурри ръшительно объявилъ, что по истеченіи срока, означеннаго въ контрактъ, онъ оставитъ театръ, потому-что никогда и ни съ къмъ не хочетъ раздълять ролей своихъ.

— Не безпокойтесь, отвъчалъ Дюпре; когда директоръ съ ужасомъ объявилъ ему вту новость: по самому условію, заключенному
между нами, я отдаваль всъ преимущества г-ну Нурри; слъдовательно не моя вина, что онъ хочетъ разстаться съ вами. Не унывайте, и надъйтесь на ревность мою, которая дала мнъ возможность
составить себъ нъкоторую извъстность въ Италіи, музыкальнъйшей странъ всего міра. Я буду дебютировать въ Вильгельмю Телль и надъюсь, что не посрамлю театра вашего.

Директоръ успокоился. Нъсколько дней спустя Дюпре поъхалъ опять въ Италію, чтобы окончить условія, заключенныя съ Ланари, и наконецъ, въ началь 1837 года, воротился въ Парижъ.

Въ понедъльникъ, 17-го апръля 1837 года, въ театръ Académie Royale de Musique собралась многочисленная публика. Даже ложи, нанятыя еще за щесть мъсяцевъ, были набиты биткомъ. Мъста за креслами, закупленныя впередъ ловкими промышленниками, продавались по 50 фр. запоздавшимъ любителямъ...

Journ Lawrencestrayment on gon or area. To energia as we,

Какая-же была причина этого необыкновеннаго стеченія? Не Наполеонъ-ли, возставшій изъ гранитной гробницы своей, хотълъ осчастливить зрителей и актеровъ присутствіемъ своимъ? Не вдохнулъ-ли какой-нибудь волшебникъ искру жизни въ охладълый труппъ знаменитой Малибравъ? Не раздадутся—ли дивные звуки

чудесной скрипки Паганини?...

Нътъ! тотъ, кто былъ причиной этого шума, движенія, тотъ кто, подобно магниту, привлекалъ въ театръ публику, не обладалъ ни геніяльнымъ взглядомъ аустерлицкаго побъдителя, ни дивнымъ голосомъ и красотой испанской пъвицы, ни смычкомъ великаго скрипача... Но, полобно имъ, онъ умълъ трогать сердце и душу! Этотъ человъкъ, котораго восемь лътъ тому назадъ эта-же самая публика оскорбила безсмысленнымъ суломъ своимъ, возвращался побъдителемъ на родину!.. Этотъ человъкъ былъ—Дюпре!

Какъ красноръчиво, какъ торжественно было молчаніе массы народа при появленіи пъвца... По окончаніи дуэта: «О Mathilde» раздались громкія, одобрительныя привътствія соотечественнику, бъжавшему нѣкогда взъ отчизны, гдѣ не умѣли оцѣнить таланта его. Дуэтъ съ Матильдой въ лѣсу, тріо освободителей Швейцарін и энергическое, грозное воззваніе: аих armes! поставили Дюпре на степень лучшихъ пѣвцовъ нашего времени. Когда Арнольдъ, не смѣя переступить черезъ порогъ родительскаго дома, говоритъ голосомъ, заглушаемымъ слезами: «J'appelle! J'appelle; Il ne m'entend pas!» слезы выступили на глазахъ всѣхъ зрителей... Арнольдъ умолкъ, но всѣ еще прислушивались къ грустнымъ звукамъ, оставленнымъ имъ въ воздухъ... вдругъ громъ рукоплесканій потрясъ всю залу...

Но высшій, почти неистовый восторгъ возбудилъ Дюпре въ слушателяхъ славной аріей: «Suivez moi!» Хористы, музыканты, зрители, всъ, объятые дивнымъ энтузіазмомъ, единогласно, единодушно вызвали пъвца, и изъ рукъ, лрожавшихъ еще отъ внутренняго волневія, полетъли къ ногамъ его цвъты и вънки!..

Дюпре совершенствуется со дня на день. Не смотря на то, что сорничество Рубини слишкомъ - опасно даже первостепенному таланту, всъ отдаютъ полную и совершенную справедливость Дюпре. Онъ, какъ и Рубини, актеръ въ душъ и дъйствуетъ на зрителей не живою игрою, не жестами, но выразительностію голоса, а по нашему мвъвію, въ искусномъ, хорошемъ пъвцъ это главное.

Нынашній сезонь Дюпре проводить въ Лондова, гда принимають его съ восторгомъ.

myer cranger in acres of Transparett, itorinement converge

one all lawnote a minerary range anaporate it describes at make many market and are an arrange are an area areas areas areas are areas areas are areas areas

чумсной вершки Пагавину.

Инти! тога, им бакть причиной втого мума, данжевій; тога кто, полобих акшиту, прыйленда, ва техтро мублику, не обладать им голових кланбом а деогерминато пооб'ються, на довину головом в праводом петемом изавину, на смычном ведины обраначи. Но, полобих им, окъ умаль трогать серице и мум Этать селине, котораго косемь лизь, тога умили толу изавла, втали сели и

публика осворбила больные пентическу домъ свойму, потвращьно побълятелому из роливу!.. Этог с челодиле быль — Люпре!
- Инкъ приспорачило, как у горы ссуденно было подчите выста из-

роза при поделжани извода... По окончаски дуюта: «О Mativilde» раз задвер гранція, одобриченнями привачетита споточеннями, би-

DMOPUCTUEA.

SHE STREET, WALLES OF STREET, BY AND STREET, SALES OF STREET, SALES

петербургскія маніи.

- a green, ar ventunge etracer - errore ventuckin erbeiten error

Въ Петербурга круглый годъ господствуютъ особеннаго рода бользии, прилипчивыя и заразительныя. Это не гриппъ, не холера, не простуда-это чиноманія, лжеманія и льнь. Эти ужасныя бользни очень-рыдко вылечиваются, и тоть, кто разъ захворалъ ими, остается безнадежнымъ больнымъ на всю свою жизнь. Онв, какъ Волтеровскій кофе, принадлежать къ «медленнымъ ядамъ» и хотя не сокращаютъ жизнь, но дълаютъ ее несносною и вялою. Лънъ-60лазнь свойственная всемъ классамъ и возрастамъ безъ различія. Она разлита въ воздухъ, мы дышимъ ею, вдыхаемъ ее въ себя каждую минуту съ сыромъ и холоднымъ воздухомъ. Она садится на Петербургъ вивств съ густымъ и влажнымъ туманомъ, мы приносимъ ее къ себъ домой вмъстъ съ грязью, приставшею къ нашвиъ сапогамъ в колошамъ. Лънь никогда не является одна; за ней въчно тянется длинная свита, состоящая изъ скуки, равнодушія, апатін, холодности! Она убиваетъ въ людяхъ даже врожденный имъ эгоизмъ. Есть люди, которымъ лень подумать даже о себъ-самихъ, которые живутъ спустя рукава, не думая ви о прошедшемъ, ни о будущемъ. Человъка, одержимаго этой страшной бользные, сейчасъ можно узнать по его сонливому виду, вялой походкъ, растянутымъ разговорамъ. Лънь сама, въ не такъ-дурную T. VI.

поголу, гуляетъ по Невскому, въ ллиномъ пальто, поднявши воротникъ выше ушей и везя за собою ноги въ высокихъ колошахъ. Большой части петербургскихъ жителей лънь говорить, холить, думать, стоять, лънь даже разсказывать и слушать новости и пересмъивать своихъ приятелей. Есть люди, которые могли-бы сдълать много хорошаго, но отъ лъни ръшительно ни на что непохожи, ничего не дълаютъ и живутъ какой-то устричной жизнью. За то есть и такіе, которымъ таже лънь мъшаетъ сдълаться великими мошенниками. Отчего въ жизни русскаго человъка авось играетъ такую важную роль? Оттого, что ему монь хорошенько все облумать и обсудить. Спросите у г-дъ писателей, отчего многіе изъ нихъ пишутъ такой вздоръ?—и они върно отвътять, что имъ льнь написать что-нибудь хорошее.

Чиноманія свойственна болье уже люлямъ въ льтахъ, съ въсомъ, знакомымъ со всъми житейскими разсчотами и выгодами. Всъ хотятъ получить выгодное мъсто по службъ, приобръсти довъренность и благосклонность начальства, всъ хотятъ служить, служить и служить. Петербургъ, какъ извъстно, по преимуществу городъ чиновниковъ. Чиновниковъ въ немъ даже больше, чъмъ Нъмцевъ — булочниковъ. Если эта бользнь усилится, то скоро не станетъ мъстъ для удовлетворенія этой ужасной чиноманіи. Въ Петербургъ со всякимъ дилижансомъ являются бездны чиномановъ изъ нашихъ губерній, которые рыщутъ по городу, останавливая каждаго прохожаго и прося у него мъста и чвна! Настоящіе чиновники начинаютъ уже побаиваться этихъ нашествій иноплеменниковъ, и кръпче схватываются за свои мъста. Чиноманія чрезвычайно какъ похожа на бользнь, извъстную у медиковъ подъ названіемъ Війштіа, ненасытимаго голода, и сопровождается совершенно тъми-же припадками.

Но самая страшная, самая вредная и приминчивая бользнь, свирынствующая къ-несчастію между нькоторыми молодыми людьми—есть ләсеманіл. Ею заражена извыстная часть петербургской молодежи; она такъ вкоренилась въ человыка, что онъ уже не считаетъ ее бользнью, а однимъ изъ главныхъ свойствъ человыческаго духа. Часть Петербурга лжотъ всякій день, всякій часъ, лжотъ безъ милосердія, безъ пощады, безъ нужды, безъ причины, безъ устали, лжотъ единственно для того, чтобы лгать. Эга частица Петербурга съ нькотораго времени сдълалась совершеннымъ Хлестаковымъ: она лжотъ дотого, что наконецъ начинаетъ сама върить своей лжи. Ложь обратилась въ привычку, въ приятное препровожденіе времени, въ обыкновеніе. Никто не требуетъ, чтобы вы върили тому, что вамъ говорятъ. Лгунъ знаетъ, что никто не повъритъ ему и все-таки лжотъ - для собственнаго удовольствія. Онъ удивится, если ему кто-нибудь скажетъ: « Вы солгали мнъ, разсказывая о томъ-то», и върно спроситъ: «Ну такъ что-жъ? Ему кажется, что это вначе и быть не можетъ, что онъ рожденъ на то, чтобы лгать, и что смешно и странно не лгать въ разговоре. Агутъ даже въ такихъ малостяхъ, что, право, становится иногда стыдно за лгуна. Человъкъ увъряетъ васъ, что былъ тамъ-то онъ лжотъ, видълъ того-то — лжотъ, говорилъ съ тъмъ-то — лжотъ, объщаетъ вамъ то-то — лжотъ. Все лжотъ, тысячу разъ лжотъ, въчно лжотъ. Горе тому, кто съ чистою лушою въритъ всему, что говорять ему, върить хоть въ половину, върить хоть одному слову! Мы все такъ привыкли къ этому, что слыша какойнибудь серьёзный разсказъ, съ полчаса допрашиваемъ: «Нътъ? не шутя? Скажи по правдъ? Безъ всякихъ шутокъ? Серьёзно?» И бъднякъ, если хочетъ, чтобы мы повърили, долженъ употреблять всъ возможныя клятвы и увъренія. Не-смотря на эту лжеманію, Петербургъ не любитъ, когда ему говорятъ, что онъ локото, и хочетъ, чтобы ему говорили, что онъ шутить. Избави насъ Богъ отъ этихъ шутокъ и отъ этихъ бользней! (Paret schede grante no spurserious). Rivala chili commercione,

a anciones deseases de persona erone, una sa assera el ma anciones de messas per ancient messas ensurement en adjunct expense consequent approva de la proposición de la propo

naciformies, ithmesensaures, mones ex nime raye, resentary is t. m. ex comercion, the perfect of the management of the second of

сивова разменей пример, на ай са и жиростра зната ве-ремене-

вооть за издоленія, пенона дименалиском ву ригориску, будуть по мануванам сабастубни тенато заказа. Виностича ктого закова морть

CMBCL.

The combined theory is a compared to be a compared to the combined of the comb

- or that to distribut arrows - or ever freint a volt a for

The three is a gradual material decrease and a confidence of the c

ero and drep mesical assessment and ore in agone несколько словъ о лействительности и идеалахъ. (Разсуждение отнюль не-критическое). Явленія дойствительности, или дойствительной жизни, въ настоящее время, вавладели умани писателей. Насмешливо стали они встречать идеальную мечту и свободино фантазію. Это произонию оттого, что въ нашемъ въвъ явились новые философы съ новыми идеями, направленными къ волворению точнаго и върнаго подражания природъ. История. поставленная ими высоко между прочими науками, вошла въ сопротивление со всеми видами прозы и поэзіи. Нынё являются ронаны историческіе, драмы историческія, комедіи историческія (дунають, что Гуцковъ первый подаль примерь подобныхъ комедій), критика историческая (при разборъ замъчательнаго произведенія пифотъ обычай начинать отъ перваго періода литературы и доходить до последняго. Писатели, восторженные новыми идеями исторіи, которая, какъ изв'єстно, принимаеть въ свою область истинные факты прошедшаго, применили это къ описанию жизни частной. обыкновенной и даже повседневной. Они опредванаи строгій законь: изображать действительную жизнь въ повестяхъ, комедіяхъ и т. п. съ историческою, то есть, неподавльною върностію, безъ преувеличеній и украшеній идеальной мечтательности и той фантазіи, съ помощію которой присно поминаемые старые поэты смотрым, какъ бы сквозь разноцевтную призму, на дыла и характеры лиць не-историческихв. Законь, безъ сомивнія, мудрый, великій, стремящійся водворить идею истины во всехъ видахъ поэзіи!.. Простота и естественность въ изложении, искони выхваляемыя въ риторикахъ, будуть не минуемыми сабдствіями такого закона. Виновники этого закона могуть CMINES 141

ожидать волотаго въна для литературы, когда въ ней будетъ царствовать одна истина, безъ вымысла, мечты и идеальности! Но это правдоподобное изображение дъйствительности какія представить намъ картины? Безспорно, картины жизни чистой, повседневной, патріархальной, въ которыхъ мы увидимъ ясно характеристическія проис-шествія и типическія лица! — Чаще всего встръчаются въ частной жизни скупые люди; на сто стариковъ, на-върное, есть по одному скрягъ. Скупецъ имъстъ сына, часто единственнаго; по духу времени и общихъ мивній, онъ даетъ ему воспитаніе. Что-же бываеть потомъ? Сынъ нуждается въ деньгахъ, какъ всѣ молодые люди; отецъ стережеть полные сундуки сокровищь; сынь просить отцовского пособія, положимъ. для дельныхъ предпріятій; отець ин за что въ міре не хочеть расточить своей казны. Какія ужасныя сцены и споры повторяются въ авиствительности отъ эгой борьбы! Попытайтесь-же ихъ изобрать близкими къ природъ, съ цълю чисто нравственною обличить мрачныя стороны скупца и необузданной гордости сына; на васъ возстанутъ общимъ хоромъ! – По необходимости, надо рисовать идеалы такихъ скупцовъ, которыхъ гододныя дѣти огдича-лись-бы безусловнымъ повиновеніемъ! — Что, если бы представлять любовь двухъ сердецъ съ той върностію, какъ она развивается въ жизни людей? Сначала, точно, мечты, ювошескій бредъ, потомъ, въ случав пеудачи, ивсколько сутокъ тоски, но твиъ и оканчивается любовь. Если-же два пылающія сердца, послѣ предварительныхъ разсчотовъ и обсужденій холоднаго ума, соединились, — въ лобрый часъ! Съ первой минуты ихъ сочетанія, уже начинаетъ стыпуть любовь, и вскоръ среди житейскихътреводненій капризовъ, маленькихъ и большихъ раздоровъ, исчезаетъ, какъ капля въ морф. По этой причинь, цънители дъйствительности, въ изображенияхъ взаимной любви своихъ героевъ и героинь, прибавляютъ сколько можно болье цвътовъ фантазіи. Многіе даже изъ тѣхъ-же писателей рисують настоящіе идеалы; только къ-сожальнію, эти пдеалы слишкомъ грубо касаются действительности если речь идеть о чувственности. Прославляемые нынъ повъствователи и генізльныя повъствовательницы часто заставляють своихъ львовъ, или даже пастушковъ (какъ напр. Бенедикть въ повести Жоржъ Зандъ: Valentine) бросаться съ третьяго этажа на землю, не сломивъ головы, - грозить, за-глаза, карманными пистолетами, безвинному человъку, отнившему, посредствомъ брака, у него возлюбленную, - грозить послъдней (то-же за-глаза). - въ сильномъ изступлении страсти, проклинать природу, человъчество, безъ всякой очевидной причины, — и наконецъ, когда этогъ герой упоился мысленнымъ мщеніемъ, заставлять его раздроблять черепъ самому-себъ, но такъ однакоже, что онъ легко исцаляется, при первомъ прекращении обморока, отъ взгляда любимой особы, стоявшей у изголовья самоубій-цы. Это идеалы въ полной мъръ! Жаль только, что при столь-не върномъ преувеличиваніи не соблюдается главное назначеніе ихъ.

142 Смпьсь

Идеалъ долженъ быть или предметомъ подражанія для другихъ, если онъ чистъ и непороченъ, или онъ долженъ быть предметомъ отвращенія, если онъ мраченъ и преступенъ. Древніе этого строго придерживались; новые идеализирують и впрямь, и вкривь. У нихъ въ одномъ и томъ-же идеалѣ видишь и рай, и адъ, и ангела, и демона. Хотите-ли изобразить добродѣтельнаго человѣка? Обратившись къ дъйствительности, вы узнаете, что въ немъ много добра и много вла. Неужели въ повъсти или романъ не должно его представить болъе чистымъ, нежели каковъ онъ въ дъйствительности? Посмотрите вокругъ себя! Къмъ окружены вы въ частной жизни, или въ обществахъ? Эгоистами. Тъ люди, которымъ предоставлено заботиться о бласт общемъ - кто таковы? Очень-умные люди, но мало склонные для общаго блага пренебрегать собственнымъ. Вотъ дъйствитель. ность, вогъ жизнь! Она полна эгоизма, личныхъ мелкихъ страстей: во истинной добродътели въ ней - мало! - Какъ! Замъчая на каждомъ шагу слабости человъка, мы не можемъ идеализировать добродътели въ лицъ человъка? Разочаровываясь въ жизни, при каждомъ опыть, не ужели мы должны непремънно передавать или сообщать наши разочарованія другимъ? Развів мы не им вемъ права идеаломь высокаго поразить душу человъка, узнавшаго горечь жизни? Отчего не можемъ иногда наполнить юную душу надеждами и мечтами изобравивъ идеаль прекраснаю? - Избави насъ Творецъ отъ утопій древнихъ и новыхъ, выраженныхъ во многихъ трактатахъ, романахъ и драмахъ! Это - не болбе, какъ воздушные вамки. Но можно, кажется, соглашать истинныя явленія жизни съ нашей фантазіей, не противорвча авиствительности явленій. Воть приміры: Орлеанская Аввственница, Маркизъ Поза, въ трагедіи Шиллера «Донъ-Карлосъ. -Чго касается до повседневной жизни, то въ действительности мы находимъ много типическихъ характеровъ. Какое общирное поприще для наблюдательнаго юмориста! И ябедчики, и взяточники и чудакимужья, и вертопрахи волокиты, и провинціалы! Съ удовольствіемъ читаешь разсказы и комедін объ нихъ. Здёсь характеры верны и близки къ природъ; и мы радуемся отъ-души, что изобразили нашего сосъда, или внакомаго намъ человъка въ какой-нибудь остроумной повъсти: но каково мив читать и видъть самого себя въ няпечатанной книгь, особенно, если наблюдатель подметиль во мис слабыя струны, и съ историческою върностію осм'яль ихъ? Что мы возразимъ на это? - Разгивваемся, и только - Богъ простить ему, скажетъ мы ленно провинціаль юмористу. — Добряки, осиванные предъ цѣ-лымъ свътомъ. даже посмъются наль самими-собою. Иные-же замътять: ваше сочинение - маленький пасквиль! Неугодно-ли будеть измънить его, или оставить въ своемъ портфель? Это, государь мой, ужъ слишкомъ-колко, слишкомъ-естественно и слишкомъ указательно! -Другой - чего добраго! потащить вась въ судъ, потребуеть штрафъ ва обиду! Вотъ вамъ и дъйствительность! Подумаешь наконецъ, что идея новыхъ философовь списывать природу челов вка, какъ она есть, Смъсь 143

не везят примънима! Вст эти провинцізлы магазинщики и т. п. типическія дина. Мы хохочемъ, читая объ нихъ целую повесть, но потомъ мы начинаемъ думать, что въ этихъ върныхь картинахъ нътъ ничего высокаго, возвышающаго нашъ умъ. - Мы знаемъ и безъ повъствователей, что лъйствительность смъшна и ничтожна. Пусть они изобразять намъ картины, которыя возвысили бы нашъ праздный умъ до идей: истиннаю, высокаю и прекраснаю! Истина-то соблюдева вь ихъразсказахъ, во для многихъ болье прекрасна истина въ картинахъ высокихъ. - Что жизнь и дъйствительность мало обильны очарованіемъ - сошлемся на вкусъ знаменитыхъ поэтовъ. Пушкинъ въ горькихъ сарказмахъ выражалъ свою холодность къ жизни. Чегоже не доставало поэту въ его жизни, увѣнчанной славою и общимъ уваженіемъ? Очарованія. Оно скрывается только въ идеалахъ и фантазіяхъ. - Романистъ Гофманъ не полюбилъ также действительности; онъ вообразиль себъ таинственные идеалы, и, подъ вліяніемъ немного-страннаго восторга, рисовалъ поэтические образы и поразительныя картины. Шиллеръ мечталь объ однихъ идеалахъ и фантавіяхъ. Правда, онъ жиль не въ нашемъ въкъ; но онъ признанъ великимъ поэтомъ для всёхъ вёковъ. Онъ обращадся ко всёмъ вёкамъ и и люлямъ, и восклицалъ:

> Wollt ihr hoch auf ihren Flügeln schweben, Werft die Angst des Irdischen von euch; Flieht aus dem engen, dumpfen Leben, In das ideale Reich! *

Къ чему клонилось вся моя рѣчь? Къ тому, что поэзія дѣйствительности находится въ тѣсной связи съ идеалами и фантазіей, какъ идея истиннаю неразрывно соединена съ идеями высокаю и прекрасиаю.

петръ парф...

ничто не ново подъ луною! Теперь въ Парижѣ господству ютъ двѣ старыя новости: для играющихъ въ карты ландскиехть, родъ банка, а для танцующихъ — полька, нѣчто въ родѣ мазурки.

Въландскиестъ играютъ утромъ, днемъ вечеромъ иночью, въ роскошныхъ салонахъ, въ будуарахъ, въ бъдныхъ мансардахъ, въ трактирахъ и даже въ дилижансахъ и омнибусахъ. Недавно нъсколько молодыхъ людей съли въ омнибусъ въ центръ города, чтобы ъхать за-городъ. Вдругъ одинъ подзываетъ кондуктора и кричитъ ему, чтобы окъ остановился.

Нельзя, отвѣчалъ кондукторъ.

— Какъ, нельзя? Но mon chère, инъ непремънно нужно! восклицаетъ

^{· «}Если хотите вы на своихъ крыльяхъ подняться высоко, бросьте отъ себя тоску земнаго; летите изъ тъсьой и душной жизни въ царство идеаловъ.

144 Смюсь

молодой человѣкъ жалобнымъ голосомъ. Наконецъ, по убѣдительной просьбѣмолодаго человѣка, кондукторъ велить остановиться. Двѣ, три минуты спустя онъ возвращается и показываетъ товарищамъ колоду картъ.

— Намъ вхать далеко, говорить молодой человъкъ: омнибусъ по-

двигается впередъ какъ черепаха; сыграемте въ дандсквехтъ!

Страсть эту можно объяснить только чрезвычайной жаждой къ новизнѣ, пожирающей Французовъ; всѣ забавы такъ прискучили имъ, что они съ жадностію хватаются за все, что хоть немного можеть разнообразитъ ихъ. Этимъ самымъ объясняется и страсть къ полькю. Впрочемъ, въ введеніи этого танца можно подоврѣвать и танцмейстеровъ. Съ-тѣхъ-поръ какъ мы не танцуемъ, а ходимъ, искусство танцовальныхъ учителей не приноситъ никакого дохода. Полька доставила имъ кусокъ хлѣба.

По названію можно принять этотъ танець за польскій — ничего не бывало! Это пляска богемскихъ крестьянъ, вошедшая сперва въ моду въ Германіи, оттуда перешедшая во Францію. Безъ не-терпѣнія ждемъ

незванную гостью и къ себъ.

Полька - смёсь вальса съ мазуркой и очень-неграціозна; пристукиваніе можеть понравиться только тёмъ, которыхъ сульба надёлила шпорами. Вёроятно, когда полька появится въ нашихъ салонахъ, то придется, по примёру Парижанъ, сочинить новый глаголъ: я полькую, ты полькуешь, онъ полькуеть, мы полькуемъ, вы полькуеть, они полькують.

Судьба доставить вамъ хорошенькую даму и после танда пріятели

окружають вась и будуть спрашивать:

— Скажи, пожалуйста, съ къмъ ты теперь польковаль?

Лучшія музыки для польки la Carlotta Штрауса, la Cerrito Ланнера, les Camélias, La Caroline и другія.

О преферансь, о галопадъ! вы и не знаете, какія тучи собираются

надъ вами!...

новый шекспирь. Изв записокв путетественника. — ...Между гостями, приглашонными вмёстё со мною къ этому великолёпному обеду, быль г. Морріеть, брать англійскаго посланника въ Дрездеве, и авторь Хаджи-Бабы, прекраснаго сочиненія, въ которомь, подъ фирмою романа, испанскій цирюльникь, весьма-верно разсказываеть правы и обычаи Персіянь. Долгое пребываніе г. Морріета въ Испагани, въ званіи англійскаго генеральнаго вонсула, дало ему возможность изучить характерь персидскаго народа. Онъ описываль намъ Востокъ самыми живыми красками.

Между-прочими гостями я замѣтилъ одного, котораго то называли Шекспиромъ, то Эйрлендомъ. Это сильно полстрѣкнуло любопытство мое и я спросилъ сосъда своего, адмирала Гамильтона, не пото-

мокъ-ли внаменитаго писателя находится съ нами.

- Нътъ, отвъчалъ съ улыбкой адмиралъ: его настоящая фамилія

Carece 145

Эйрленаъ; Шекспиръ одно прозвище, данное ему въ-следствіе весьма-

любопытнаго приключенія.

Я чрезвычайно удивился, что Англичане, уважение которыхъкъ Шекспиру доходитъ до фанатизма, могли такимъ образомъ шутить именемъ поэта, прославившаго Англію; обратился къ самому г. Ейрленду съ просьбою объяснить мнв причину этого необыкновеннаго прозвища, и узналъ слевующее:

Отецъ г. Эйрленда, адвокатъ, пользовавшійся нѣкоторою извѣстностью, имѣлъ въ Гертфоршейрѣ, небольшое помъстье, граничившее съ огромнымъ имѣніемъ лорда Ар.... Познанія адвоката были нѣсколько разъ полезны лорду и дѣловыя отношенія вскорѣ превратились въ

дружбу.

Единственный сынъ Эйрленда, воспитывавшійся въ Оксфордскомъ университеть, ежегодно проводиль канпкулы у отца. Представленный въ замокъ дорда Ар... молодой Эйрлендъ увидълъ племянницу дорда, миссъ Арабеллу, прелестную молодую дъвушку, обладавшую

огромнымъ имѣніемъ.

Окончивъ курсъ въ университетъ, молодой Эйрлендъ поселился на-время у отца, и часто сталъ посъщать замокъ, куда безпрестанно влекла его красота миссъ Арабеллы. Какимъ счастіемъ наполнилось сердце его, когда онъ замътилъ, что молодая дъвушка была не равнодушна къ страстной любви, которою полно было сердце его!.. Но сколько препятствій предстояло имъ! Могъ-ли онъ, молодой человъкъ, едва вышедшій изъ университета, безъ имени, безъ состоянія, надъяться получить руку такой прекрасной и богатой наслъдницы? Однако-жъ онъ не унывалъ; и любовь сдълалась его руководительницей.

Миссъ Арабелла завистла отъ Лорда Ар..., который, по звание дяди и опекуна, одинъ могъ располагать рукой ея. Следовательно, прежде всего надобно было постараться заслужить благосклонность его. Молодой Эйрлендъ сабдоваль за дордомъ на охоту, на скачки, долго послѣ обѣда просиживаль съ нимъ за столомъ, но все это было недостаточно, потому-что, по-несчастію, или лучше сказать, по-счастію, у дорда Ар... были дв в преобладающія страсти: живой и неограниченный восторгь ко всему, что касалось до Шекспира, и наконецъ манія къ автографамъ. Кабинетъ его быль наполненъ самыми любопытными, оригинальными рукописями писателей, записками или даже однъми подписями государственныхъ мужей, артистовъ и вообще людей, имена которыхъ достигли и которой извъстности. Коллекція самыхъ ръдкихъ и великолъпивищихъ изданій, портреты, бюсты, статуи любимаго автора дорда Ар... дополняли украшеніе кабинета его, но все это казалось ему неполнымъ, несовершеннымъ, потомучто, не-смотря на всв старанія, онь не могь достать автографа Шекепира! Мысль эта пресавдовала, безпокоила, мучила его.

Молодой Эйрлендъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ. Онъ увкалъ въ Лондонъ, ежедневно сталъ посъщать британскій музеумъ и тамъ, перебирая одни манускрипты Шекспира, вскоръ успълъ самымъ 146 CMBCb

удивительнымъ образомъ, поддълаться подъ рукопись великаго поэта, купилъ кусокъ стараго пергамента и написалъ на немъ заемное письмо въ тридцать фунговъ стерлинговъ, какъ бы написанное и подписанное самимъ Шекспиромъ, за нѣсколько времени до появленія его на сценѣ лондонскаго театра.

Осчастливленный удачнымъ выполненіемъ, но безпокоясь объ окончательномъ усивхъ, Эйрлендъ прибылъ въ замокъ лорда Ар... съ драгоцъннымъ автографомъ.

— Мив поручили, сказаль онь лорду: привесть въ порядокъ старую библіотеку и между другими, незначительными бумагами, отданными въ полное распоряжение мое, я нашоль эту драгоцвиную записку. Счастливая находка обрадовала меня твмъ болве, милордъ, что я могу доставить вамъ удовольствіе...

Ничёмъ нельзя выразить восторга милорда! Не теряя ни минуты, разослаль онъ нарочныхъ ко всемъ знакомымъ библіоманамъ и антикваріямъ, прося ихъ немедленно собраться къ нему. Спорили, сравнивали, разсматривали и наконецъ рёшили, что автографъ д'ействителенъ.

Удача эта крайне обрадовала Эйрленда и внушила ему мысль бол ве смълую, отъ успъха которой зависьло все счастие его. Изучая рукописи Шекспира, онъ имълъ случай вникнуть во всъ красоты ихъ; познакомился со слогомъ, особенностями и истиннымъ humour великаго поэта. Эйрлендъ повхалъ въ Стратфордъ-искать вдохновенія въ мъстахъ, гдъ родились столько прекрасныхъ твореній Шекспира. Тамъ трудился онъ въ домъ, въ которомъ родился поэтъ, и въ церкви, гав находится могила его. Подъ вліявіемъ воображенія, на которое сильно под биствоваль видъ мъста рожденія, жизни и смерти поэта, и съ надеждой на награду, которую долженъ былъ увънчаться успъхъ, Ейрлендъ въ нѣсколько мѣсяцовъ написалъ трагедію, въ которой съ редкимъ свершенствомъ подделался подъ оригинальный слогъ и характеръ произведеній автора Гамлета. Но эго еще не все. Роясь въ давкахъ букинистовъ, Эйрдендъ успълъ набрать достаточное число пожелтвлыхъ и ветхихъ листковъ неисписанной бумаги, на которой переписаль всю трагедію, съ поправками, подділываясь подъ руку Шекспира.

Восторгъ лорда А... былъ неограниченный, когда Эйрдендъ принесъ ему драгоцънный манускриптъ. Онь, прежде отчаявавшійся приобръсть хоть одну строчку, написанную рукою знаменитаго поэта, обладалъ теперь цълою. неизданною трагедіею! Коллекція его, по это-

му обстоятельству, савлалась первою въ целой Англіи.

Извъстіе о появленіи новой рукописи на гълало много шуму: одинъ книгопродавецъ пердлагалъ за нее Эйрленду 3000 фунтовъстерлинговъ, но онъ не взялъ. Въ журналахъ и газетахъ появились опроверженія, защищенія, эпиграммы; цълыя брошюры, написанныя по этому случаю, продавались на улицахъ. Милордъ принималъ живъйщее участіе въ этомъ дълъ; отъ доказательства дъйствительности манускришта его, зависъла вся слава вамъчательной его коллекціи!...

CMRcb 147

Одно только безпокоило лорда: онъ никакъ не могъ добиться отъ молодаго человъка, гдъ онъ досталъ эту рукопись. Эйрлендъ говорилъ, что она была найдена въ бумагахъ, приналлежавшихъ лорду Суземптону; что трагедія, написанная по требованію королевы Елизаветы, была только играна въ покояхъ ея, какъ и сказано было въ краткомъ предисловіи; и наконецъ, что Эйрлендъ получилъ ее въ награду за важныяуслуги, которыя удалось ему оказать одной особъ, взявшей съ него честное слово, не открывать имени ея.

Благодаря важности, которую придавали всё литераторы и просвещеные люди этому открытію, Эйрлендъ вошоль въ моду. Его всюду приглашали и вездё просили его продекламировать нёсколько сценъ или стиховъ, которые ему удалось запомнить, потому-что лордъ Ар... ни за что въ мірё не хотёль никому ввёрить сокровища своего.

Въ числѣ противниковъ литературнаго феномена былъ внаменитый Шериданъ. Опытный взоръ его открылъ нѣкоторые стихи и выраженія, непринадлежавшіе ни духу времени, ни слогу Шекспира. Однажды, въ присутствіи лорда Ар.... онъ сталъ опровергать дѣйствительность рукописи.

 Дай Богъ, вскричалъ съ жаромъ милордъ, чтобы это было поддъльное произведеніе! Въ такомъ случав Англія могла-бъ гордиться

тъмъ, что въ ней родился новый Шекспиръ!

Не-смотря на то, красноръчивое и убъдительное опровержение Шеридана поколебало твердую въру милорда Сомнъние овладъло имъ. Воротившись домой, онъ засталъ у себя Эйрленда.

Эйрлендъ! вскричалъ онъ, сомнине мучитъ меня; вы одни можете положить имъ конецъ; требуйте отъ меня чего хотите, но раз-

скажите мнъ всю истину.

- Милордъ, сказалъ мололой человъкъ: только исполневіе одной вещи, отъ которой зависить все счастіе жизни моей, можетъ заставить меня открыть вамъ тайну.
- Товорите! если это зависить отъ меня, то даю вамъ честное слово, что желаніе ваше булеть исполнено.

При этихъ словахъ молодой человъкъ бросатеся къ ногамъ лорда

- Я обожаю племянницу вашу и, кажется, она ко мив не равнолуина; чтобы сдвлаться достойнымъ ея, мив надо было отличиться чвмънибудь.... дерзость моя. можетъ быть, не извинительна.... рвшайте участь мою, милордъ: я самъ авторъ этой трагедіи!
 - Вы, Эйрлендъ! Но чъмъ вы докажете?..
- Однимъ словомъ, Милораъ: выберите какой-пибуль сюжетъ, и въ вашемъ-же домѣ я берусь написать трагедію, которая нисколько не уступитъ той, которую уже внушила мнѣ любовь.

Милораъ согласился и выбралъ сюжеть изъ исторіи побъдь Сасконповъ, подъ названісмъ Vortigem and Romena. Эйрлендъ выполниль задачу въ нъсколько дней и предложилъ трагедію свою Шеридану, бывшему тогда директоромъ Дрюри-Ленскаго театра. Шериданъ пришоль въ восторгъ отъ новой піссы и препоручилъ главныя роли Джону Кенблю и Мистриссъ Сиддонсъ, сестръ его. Успъхъ былъ огров-

Милордъ быль такъ великодушенъ, что простиль молодому человъку мистификацію, которой повърила вся Англія, но взяль съ него честное слово не открывать никому истины до смерти его. Эйрлендъ женился на миссъ Арабеллъ, пересталь писать шекспировскія трагеліи, и только послъ смерти Лорда Ар... открыль хитрость, составившую счастіе его.

странный поклонникъ. Воть новое доказательство прихотей фортуны и страстности Англичанъ. Г-жа Вакефильдъ, богатая и молодая влова англійскаго адмирала, имѣла постоянно, нѣсколько лѣгъ сряду, абонированную ложу въ италіянскомъ оперномъ театрѣ, въ Лондонѣ, и не пропускала ни одного представленія. Прямо противъ ложи ся, сидѣлъ въ креслахъ джентльменъ, среднихъ лѣтъ, также постоянно посѣщавшій театръ, но мало заботившійся о томъ, что происходило на сценѣ. Онъ не сводилъ лорнета съ прелестной вдовы. Это продолжалось два года, и странный поклонникъ не только не старался сблизиться съ г-жею Вакефильлъ, но даже не освѣдомлялся ни объ имени, ни о мѣстѣ жительства ея.

На третій годъ вдова, не безъ сожальнія, увидьла, что кресла были незаняты, а къ концу сезона они были заняты какимъ-то мелома-

номъ, не сводившимъ взоровъ со сцены.

По окончаніи сезона г-жа Вакефильль совершенно забыла объ этомъ обстоятельствь, какъ однажды ей доложили, что ее спрашиваеть какой-то незнакомець, по весьма важному льлу. Она приняла его.

— Сударыня, сказаль вошедшій, не вы ли занимали въ два предпоследніе сезона ложу во второмь яруст, подъ № 11, въ итальянской оперт?

— Точно, отвъчала вдова, съ нъкоторымъ изумленіемъ.

 Сабдовательно, вы, можетъ-быть, замътили мужчину, среднихъ абтъ, который сидълъ въ креслахъ противъ васъ...

— Милостивый государь...

- И который не сводиль съ васъ дориета?

 Я не понимаю, сказала, вставъ съ дивана г-жа Вакефильдъ, съ холодною важностью церемонной Англичанки: какое право вы имъете допрашивать меня...

- Извините, миледи, но я желаю знать только одно, замътили-ли

вы его?..

— Повторяю вамъ, что вы заставите меня...

 Ради Бога, миледи, не обижайтесь; мы, законники, привыкли дъйствовать аккуратно. Замътили-ли вы его?

- Кажется... мужчина среднихъ дътъ.. довольно приятной наружности... отвъчала вдова съ нъкоторымъ любопытствомъ.
 - Точно такъ, видеди. Онъ присладъ меня къ вамъ...
 Что это значитъ? вскричала она съ негодованіемъ.

CMBCs 149

- Успокойтесь инледи... онъ умеръ!
 - Боже мой!

— Умеръ, нъсколько недъльтому назадъ и оставиль въ наслъдство особъ, занимавшій въ итальянской оперѣ, во второмъ ярусѣ, ложу подъ № 11,—60,000 фун. стерлинговъ, которые вы можете получить коть сейчасъ въ конторъ банкира Деймонда.

Узнавъ, что у чудака не было наследниковъ, вдова съ удовольствіемъ приняла наследство, которое значительно увеличило богат-

ство ел.

письмо г-на ронкони. Въ прошедшей книжкв «Репертуара и Пантеона» говорили мы о ссоръ директора Парижской Итальянской оперы съ пъвцомъ Ронкони, который нъсколько разъ отказывался отъ участія въ спектаклъ, когда имя его было поставлено на аффишъ. Ронкони напечаталъ въ свое оправданіе слъдующее письмо въ парижскихъ газетахъ:

«Я вынужденъ прибъгнуть къ оправданію себя предъ парижскою публикою, въ обвиненіи, могущемъ новредить будущности моей и илипить меня благосклонности Парижанъ, не - смотря на ревность мою и старанія быть имъ приягнымъ, но обвиненіе было публично,

«слъдовательно оправдание не можетъ оставаться тайнымъ.

«Въ продолжение цяги мъсяцевъ, прошедшихъ послъ открытия • Итальянскаго театра, ни одно представление не было отложено или «измѣнено изъ-за меня; межлу-тьмъ, какъ иностранецъ, непривык-• шій еще къ парижскому климату, я быль часто нездоровь. Исключая трехъ оперъ, я участвоваль во всехъ. данныхъ въ этотъ сезонъ. • потому-что долгомъ поставилъ себъ быть всегда готовымъ къ услу-• гамъ публики. Всв эти обстоятельства дали мив право надъяться, «что директоръ обратитъ внимание на бользнь мою и позволить мив отдохнуть хоть одинъ вечеръ, тёмъ более, что въ письме я просилъ •его прислать комив своего доктора, чтобы увериться въ действитель-«ности бользненнаго состоянія моего. Вмъсто доктора, въ половинъ • сельмаго часа пришолъ ко мий зять директора, подошолъ въ постели моси и требоваль, чтобы я немелленно последоваль за нимъ въ театръ. • Я представиль ему положение свое, напомниль о письмв. Это ка-«призь! возразиль онъ, прибавивъ еще слово, которое вывело меня •изъ терпвия и заставило соскочить съ кровати: но усиле это лиши-*до меня чувствъ, и я упалъ на полъ. Въ тотъ-же вечеръ, по подня-•тін занавіса, директоръ вышель на сцену и обратился къ публикі «съ следующими словами. «Севильскій цирюльникъ» не можетъ-быть • игранъ, по упрямству г-на Ронкови! Слова эти столь-же несправедливы, сколько обидны! Между таять частный врачь, совершенно мив «незнакомый, объявиль, что я не смъю выдти изь комнаты. He-смотря •на это, директоръ вельдъ опять выставить фамилію мою на афишь и •присладъ мив своего театрального доктора, который, пощупавъ «пульсъ мой, сказалъ: лихорадки пѣгъ, вы можете пѣть. - Только

150 Смпсь

«докторъ можетъ не знать, что боль въ горль, не всегда соединена съ «лихорадкой! Частвый врачъ, наканунь призванный, попросилъ теат»ральнаго доктора осмотръть горло мое. — Что дълать, отвъчалъ по«слъдній: если-бъ я былъ врачъ г. Ронкони, то я запретилъ-бы ему
«пъть, но я врачъ театральный, и потому долженъ пещись о выгодахъ
«директора!.. Слова эти сказаны были при свидътеляхъ. Въ тотъ-же
«вечеръ директоръ тъми-же словами, какъ и наканунъ обвинилъ меня
«передъ собравшеюся публикою.

«Вотъ факты, которые могутъ оправдать меня подтвердивъ уваже-«ніе мое къ публикв и администраціи. если последняя не забываетъ, «что и она обязана быть въжливою и справедливою съ артистами.

джорджіо ронкони.

25 февраля 8 марта 1844 года.

чему выть, тому не миновать. Разсказъ Поль-де-Кока. Автомъ 1839 года, я привыкъ ежедневно прогуливаться въ Тюллерійскомъ саду. Окончивъ курсъ въ университеть, я внесъ имя свое въ списокъ адвокатовъ королевскаго суда. Это великольпное званіе доставило мнь ту выгоду, что изъ мансарды, въ которой позволялось жить экономическимъ образомъ студенту, я, какъ адвокатъ, долженъ былъ спуститься въ третій этажъ.

Это обстоятельство было для меня тёмъ тягостиве, что расходы увеличились, а доходовъ не было Каждое утро, съ десяти до двухъ часовъ, прогуливался я въ судъ, тщетно дожидаясь кліентовъ; только изръдка, въ исправительномъ судъ, президентъ обращался ко миъ.

Господинъ Риго, говорилъ онъ: препоручаю вамъ защиту обвиненнаго.

Но и это бывало только въ такихъ случаяхъ, когда обвиненный былъ бъднякъ, не имъвшій ни денегъ, ни друзей, которые могли-бъ прінскатъ ему защитника. Однакожъ я гордился и тъмъ, что президентъ знаетъ фамилію мою.

Следовательно, я быль человекь досужный. Когда заседание въ суде оканчивалось, я отправлялся домой, чтобы несколько принарядиться, то-есть, надеть лакированные сапоги и накрахмаленную манишку, и два часа, остававшиеся до обеда, проводиль въ Тюльерийскомъ саду.

Бродя изъ аллеи въ аллею, смотря на всёхъ женщинъ, желая, чтобы одна изъ нихъ замётила меня, и не достигая цёли своей, я рёшился самъ замётить которую-нибудь изъ нихъ. Мнё приглянулась хорошенькая дёвушка, которая каждый день приходила въ садъ съ другою женщиною, довольно-молодою, и съ двумя дётьми, которыя рёзвились на травё, между-тёмъ, какъ двё дамы, которыхъ, по сходству, я принялъ за сестеръ, сидёли на скамьё и занимались рукодёліемъ. Смпсь 151

Обѣ были хороши: но на молоденькую, брюнетку, невольно обращались взоры всѣхъ прохожихъ. Я смотрѣлъ на нее съ выраженіемъ сантиментальнаго восторга и это, по-видимому, понравилосьей. Сначала я не доходилъ до конца длинной аллеи, потомъ уже сталъ кружиться въ пространствѣ нѣсколькихъ саженей, центромъ котораго была красавица моя.

Это продолжалось три мъсяца безъ всякихъ приключеній, исключая тъхъ ничтожныхъ, довольно-смъщныхъ случайностей, которыя бываютъ со всякимъ человъкомъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ находящимся: то маленькій мальчикъ чуть не сбивалъ меня съ ногъ своимъ серсо, то маленькая дъвушка бросала мнъ мячикъ въ лицо; иногла которое нибудь изъ дътей падало, я тотчасъ-же помогалъ ему встать и отводилъ къ матери, которая благодарила меня, между-тъмъ какъ молоденькая дъвушка краснъла, что принималъ я за върный признакъ впечатлънія, произведеннаго на сердце ея постоянствомъ моихъ любовныхъ эволюцій. Я также думаль, что и приятная наружность моя играла тутъ не маловажную роль, и каждый день все болье и болье заботился о туалетъ своемъ. Ради любопытства, я берегу тогдашніе счоты прачки моей и рецептъ, данный мнъ весьма-любезнымъ иностранцемъ, совътовавшимъ мнъ мыть лицо отрубями.

Прошло лёто и мнё удалось только узнать навёрное, что незнакомка моя была сестра другой женщины и, слёдовательно, тетушка двухъ
малютокъ. Маленькій мальчикъ, которому я иногла приносиль лакомства, сказаль мнё еле, что Шарлоттой зовутъ предметь страсти моей. Вь тоть-же вечеръ я прочоль переводъ Вертера и нашоль, что я
быль влюбленъ не менёе чувствительнаго Нёмца. Рёшившись подражать Вертеру во всемъ, исключая великодушія, я на другой день отправился въ Тюльерійскій садъ, но увы! судьба наказала меня за преступное намёреніе... предмета моего не было! Тщетно приходиль я въ
садъ, тщетно объгаль всё аллеи... красавица моя не приходила!.. Съгоря рёшился я утёшиться и забыть ее.

У меня быль приятель, повъренный всъхъ тайнъ моихъ: то быль молодой человъкъ моихъ лъть, котораго и нынъ можно встрътить во всъхъ публичныхъ мъстахъ и увеселеніяхъ, гдъ не платять за входъ. Онъ былъ довольно-хорошъ собою и всегда одъвался съ изысканностію, которую я въ то время принималъ за роскошь. Ашиль де-Бонтонъ, — такъ звали приятеля моего, — разсказывалъ мнъ о своихъ любовныхъ приключеніяхъ въ большомъ свъть, о знакомствахъ, о связяхъ; не-смотря на то, онъ ходилъ со мною въ ресторацію, гдъ за скромный объдъ мы платили 32 су, и носилъ перчатки, тщательно завернутыя въ бумагу, чаще въ карманъ, нежели на рукахъ; манишка изъ тончайшаго голландскаго полотна скрывала простую коленкоровую рубашку.

Таковъ былъ приятель мой. Я сдёдалъ его повереннымъ любовной интриш своей и, кажется, подстрекаемый его разсказами, немножко

153 Смљев

прихвастнуль. Эта взаимная довъренность такъ сблизила насъ, что не проходило дня, чтобы мы не встръчались.

Ашиль съ особеннимъ удовольствіемъ описываль мив богатство свое и огромныя наследства, на которыя онъ имветъ право. Мив не котелось отставать отъ него въ этомъ отношеніи и я выдаваль себя за капиталиста.

— Теперь, говорилъ я: я пользуюсь одними процентами огромнаго вапитала, находящагося въ распоряженіи одного изъ родственниковъ моихъ, богатаго купца, извъстнаго во всей Франціи изобрътеніемъ различныхъ средствъ для придачи каучуку важности въ промышленномъ отношеніи. Капиталъ, скромными процентами котораго я польвовался, былъ очень-невеликъ, но тщеславіе заставило меня прихвастнуть!

Однажды утромъ пришоль ко мић Ашиль.

— Любезный Риго, сказаль онъ, дружески пожавъ мић руку: у меня есть до тебя просьба: вотъ заемное письмо въ 1500 франковъ; оно върно, ты можешь быть въ томъ увъренъ. Но я именно теперь имънужду въ деньгахъ, а потому мић хочется передать его. Я, какъ ты видишь, ручаюсь въ уплатъ, но тотъ, который хочетъ купить это заемное письмо, говоритъ, что одного бланка недовольно. Я сталъ думать, кого-бы мић еще попросить и вспомниль о тебъ. Едва произнесъ я имя твое, какъ заимодавецъ намъ сказалъ, что твоя подпись для него все-равно, что подпись Ротшильда...

У меня отъ удовольствія мурашки пробіжали по тілу.

 Савлай одолженіе, продолжаль Ашиль, поручись: всего 1500 франковъ—безділица при твоемъ состояніи!

Носледнія слова еще боле польстили самолюбію моему. Я такъ вериль разсказамь Ашиля о богатстве его, что немедленно написаль бланкъ, забывъ золотое наставленіе покойнаго отца моего, бывшаго въ провинціи полицейскимъ чиновникомъ.

— Любезный Поликарпъ – меня зовуть этимъ благозвучнымъ именемъ – любезный Поликарпъ, говорилъ отецъ мой: не подписывай никогда ни за себя, ни за другихъ заемныхъ писемъ. Всъ несчастія молодыхъ людей происходять отъ заемнаго письма!

Прошло три мѣсяца. Я по-прежнему вель праздную живнь. Никто не ввѣрялъ мнѣ никакого дѣла. Наступилъ срокъ платежа по заемному письму. Настоящаго должника нигдѣ не могли отыскать; я начиналь думать, что это было вымышленное лицо. Обратились къ первому поручителю, Ашилю.—онъ послалъ ко мнѣ. У меня денегъ не было. Надобно было илти къ дядѣ, фабриканту каучуковыхъ издѣлій. Дядя отсчиталъ мвѣ 1500 франковъ изъ моихъ денегъ, сопровождая каждую сотню наставленіями, на которыя я не сердился, потому-что вналъ, что онъ дълалъ мнѣ ихъ съ добрымъ намѣреніемъ.

Внезапная мысль блеснула въ головъ моей.

[—] Дваюшка! вскричалъ я, вовьмите ваемное письмо на свое имя!

Протестуйте, подайте ко взысканію и посадите меня въ Клиши вмістів съ приятелемъ моимъ, другимъ поручителемъ! Я кое-что придумалъ.

Я думаю, что фабрикантъ каучуковыхъ издёлій поняль мысль мою, потому-что взяль заемное письмо на свое имя, въ тотъ-же день протестоваль, и недёлю спустя, когда я сходиль съ лёсгницы, чтобы идти въ судъ, меня остановили два коммисара и посадили въ наемную карету, въ которой сидёль уже другь мой Ашиль съ третьимъ коммисаромъ, физіономія была котораго еще неблаговидные физіономіи двухъ первыхъ, остановившихъ меня.

- Какъ, спросиль меня другъ мой: дядя твой такъ нивокъ, что хочетъ посадить насъ? У этого человъка пъть ни сердца, ни души, ни родственнаго чувства!
- Что дълать! отвъчалъ я: я отнялъ у него капиталъ свой и онъ поступаетъ со мною, какъ съ несостоятельнымъ должникомъ.
- Можетъ ли быть? Следовательно, мы проведемъ ночь въ Клиши?
 И ночь и день! А можетъ-быть и несколько дней, и несколько
- Риго, ты изм'внически поступиль со мною!

Прошу покорно! меня-же онъ называетъ измѣнникомъ!.. Оскорбленный восклицаніемъ его, я сказалъ коммисарамъ, чтобы они везли насъ прямо въ тюрьму. Хладнокровіе мое подѣйствовало на приятеля моего.

— Нельзя-ли намъ куда-нибудь завхать, чтобы потолковать, какъ-

бы устроить это авло? спросиль Ашиль.

 Извольте, отвъчалъ старшій изъ коммисаровъ: вы можете ва вхать ко мнь, и если черезъ два часа достанете денегъ, то будете свободны.

— Такъ везите насъ къ себъ.

Я не принималь никакого участія въ переговорахъ. Мы польёхали къ дому весьма-неблаговидной наружности, въ концё длиннаго корридора была слабо-освещенная л'естница, по которой мы взошли во второй этажъ. Мы прошли чрезъ залу, обставленную мебелью всевозможныхъ формъ и видовъ. Насъ ввели въ кабинетъ хозяина.

- Устройтесь, господа, сказаль чиновникъ: уговоритесь, достаньте

денегъ, или черезъ три часа мы подъедемъ къ Клиши.

Мы остались одни.

ночей!

— Ну, что. первый заговориль Ашиль: какъ быть?

Не знаю. Мит кажется, что мы напрасно сюда затхади.

- Какъ! неужели ты хочешь, чтобъ тебя посадили въ Клиши? Какой вздоръ!
 - Не хочу, но покоряюсь судьбъ.
 - Послушай, постарайся найдти половину-другую я достану.

Этого-то я и ожидалъ.

- Изволь, отвъчалъ я: только не надъюсь...

Мы позвали двухъ сторожей коммисара; Ашиль послаль одного къ какой-то дамъ, а я другаго къ дядъ.

— Завтракалъ-ли ты? спросилъ меня приятель мой, когда они отт. VI. правились: я еще ничего не так; такъ, пожалуй, еще нездоровъ сдъдаеться! при перенол В. Стипалентурни авторие делири в передопира во

Я уже позавтраналь, только слегка: то есть, съвль кусокъ клеба съ масломъ и выпиль чашку чаю, который я себь всякое утро самъ POTOBBLE. THE COMMENTAL RESTRICTED ASSESSMENT OF THE CALLED

- Господинъ коммисаръ, спросилъ Ашиль, отворивъ дверь кабинета: нельзя-ли достать позавтракать?
- Не угодно-ли вамъ, отвъчалъ онъ: позавтракать съ семействомъ моимъ? Мы только-что сели.
- Съ семействомъ моимъ! саышишь, Поликариъ? сказалъ Ашиль, ватворивъ дверь и обратившись ко мив: у этихъ изверговъ, пьявицъ есть семейство! Какъ тебъ покажется? Пойдемъ смотръть семейство! И тотчасъ-же обращаясь къ хозяину, онъ продолжалъ: Съ удовольствіемъ ... вы очень-любезны. OF SOCIETY OF THE REAL PROPERTY OF THE REAL PROPERTY.

Онъ вышель изъ кабинета и я последоваль за нимъ разсудивъ, что вавтракъ будетъ поставленъ намъ на счотъ, и что надо пользоваться твив, за что платимъ. Насъ ввели въ столовую.

Кто представить себь изумление мое! Двь дамы и двое дътей сидъли у стола. Это были мои старыя знакомыя, моя Шарлотта! Я покрасивлъ до ушей отъ стыда, что являюсь предъ предметом в моимъ въ такихъ плачевных обстоятельствахъ. Она и сестра ел смутились. Дъти узнали меня и закричали въ одинъ голосъ.

— А! это господинъ, который давалъ намъ бонбошки!

По-счастію, хозяина туть не было въ эту минуту, но онъ скоро воротился. Мы съли и глубокое молчаніе прерывалось только шумомъ вилокъ и ножей. Вдругъ приятель мой, Ашиль, прервадъ молчаніе, измѣннически спросивъ:

- Кажется, приятель мой Риго встратиль здась знакомыхъ?
- Какимъ образомъ? спросилъ хозяинъ, съудивленіемъ посмотрѣвъ на меня.

Дамы покрасивли!

- CONTRACT LINES AND SHOP - Точно, отвъчалъ я: мет кажется, что я гдъ-то встръчалъ эгихъ дамъ. CHANGE HIS SUPPOSE AND ASSESS AND BUT STATES
 - А! протяжно произнесъ хозяинъ.
- Кажется въ Тюльерійскомъ салу, прервала сестра Шарлоты, чтобы отклонить подозрание мужа: не такъ-ли?

- Точно такъ, сударыня.

— 10чно такъ, сударыня. Ашиль тотчасъ понялъ, что это была та интрига, про которую я ему разскатываль, а такъ какъ я немножко прихвастнуль, то испугался, чтобы нескромность его не сделала-бы мив неприятности.

И точно, онъ сталь делать разные намени на счоть нечаянныхъ встречъ, столкновеній, бросая на дамъ такіе взгляды, которые увеличивали смущение ихъ. Но, по-счастию, онъ вскоръ заговорилъ о себъ, въ подобномъ случав онъ не скоро останавливался - это спасло меня Онъ разсказываль, что чуть не женился на Англичанкъ, у которой было несколько милліоновь и съ которой встрегился въ омнибусе.

Разсказъ его быль прервань въ самомъ интересномъ мѣстѣ. Ему доложили, что пришла дама, къ которой онъ посылаль письмо. Хозяннъ повель его въ кабинетъ; хозяйкѣ надо было что-то сказать кухаркѣ и я остался одинъ съ Шарлоттой. Сердце мое сильно забилось.

- Сударыня, сказаль я ей: присутствие мое въ вашемъ домъ, въро-

ятно, удивляеть васъ?...

 — Я думаю, мосьё, отвѣчала молодая дѣвушка, что это одна шутка, и что заемное письмо только предлогъ...

Никогда-бъ не пришла мнв на умъ такая хитрость! Воспольвовавшись заблужденіемъ молодой дввушки, я скоро отвъчаль:

 Это правда! я далъ арестовать себя только для того, чтобы имъть случай увидъться съ вами... я люблю васъ, Шарлотта!

___ Я знаю, отвъчала она съ наивностью, которая восхитила меня-

Въ это время воротилась сестра ея, и маленькій мальчикъ, котораго удивила живость кроткаго разговора нашего, подбъжаль къ ней.

- Мама, сказалъ онъ: тетинька такъ смъщно разговаривала съ этимъ господиномъ... тетинька сказала я знаю, а господинъ сказаль я люблю...
- Молчи, Фредерикъ, прервала его мать, услышавъ шаги мужа своего.

Векорѣ воротился Ашиль, мы опять сѣли за столъ. Позвонили; это быль дядя мой. Пришла моя очередь идти въ кабинеть.

- Дядюшка сказаль я, оставшись на единь съ дядей въ кабинеть: не платите, откажитесь рышительно; дълайте мив самые строгів выговоры, упреки; поступайте со мной, какъ самый неумолимый заимодавецъ съ послъднимъ изъ должниковъ! Нозвольте и мивобвинить васъ
 въ жестокости, осыпать васъ ругательствами, болье всего употребительными между несчаствымъ должникомъ и неумолимымъ кредиторомъ. Впрочемъ, я далеко не пойду; я только пошлю васъ къ чорту!
 Согласны, дядюшка?
- Родственники должны протягивать другъ-другу руку помощи: я тебѣ даже позволяю вытолкать меня за дверь, только не крѣпко толкай; я сегодня страдаю ревматизмомъ, а потому взялъ извощика на твой счотъ.

Поступокъ добраго родственника тронулъ меня до глубивы души и мы сыграли нашу маленькую комедію, какъ настоящіе актеры.

Отправивъ родственника съ шумомъ и бранью, согласно уговору нашему, я воротился въ столовую и сказалъ коммиссару:

— Нечего ждать, побдемте; я отрекаюсь отъ родства съ человъкомъ, котораго я выгналь: онъ неумолимъ-у него желевное сердце!

— Повденте, отвъчалъ хладнокровно коммиссаръ.

 Постойте, постойте, всвричамъ приятель мой: пойдемте въ кабинетъ и потолкуемте еще.

Во-время этой сцены Шарлотта смотрѣла на меня съ невыразимымъ изумленіемъ; я воспольвовался удобнымъ случаемъ, чтобы сдѣлать ей знакъ и шепнуть: - Будьте покойны.

Воротились въ кабинетъ.

- У меня есть, сказаль Ашиль, половина суммы.
 - У меня ничего нътъ.

- Это не бъда! Напиши записку, что ты миъ долженъ половину суммы и покровительница моя выдасть по этой запискъ деньги. Она добрая старушка, которая готова услужить мив.

— Не хочу ничего писать, отвъчаль я: ъдемъ въ тюрьму. Я взбъшонъ на дурнаго родственника. Ты навлекъ на меня эту неприятность. Season for a comment of a care a service a value about

Блемъ!

Тогда Ашиль отвель въ сторону коммиссара и сталь разговаривать Съ нимъ шопотомъ.

— Очень-хорошо, отвічаль коммиссарь вслухь: въ такомъ случа в я готовъ освободить васъ. Вогъ весь счотъ: 1500 франковъ займа, 300 франковъ рекамбій, 200 франковъ за судебные издержки; прибавьте 20 франковъ за завтракъ – это будетъ сторожамъ за труды и хлопоты.

Ашиль заплатиль, взяль бумаги и удалился, не сказавь мив нислова.

Я громко засмѣялся, разсказалъ коммиссару, что я могъ заплатить, но не хотъль, потому-что меня обманули. Хитрость моя удалась. Ашиль побоялся тюрьмы.

Коммиссаръ несколько секундъ въ немомъ восторге смотрелъ на deren gara son: Upmmes nos conpege ouen as cubaporer

- Молодой человъкъ, спросилъ онъ наконецъ, какое ваше званіе? He was the constant of the server of the ser
- Адвокатъ? фи! Вы рождены коммиссаромъ!
- Отецъ мой занимался въ продолжении 30-ти лътъ подобную должность въ провинціи, отвічаль я.
- Въ десять леть вы составите себе въ Париже большое состояние. Есть-ли у васъ деньги? отвене в судной опросока с разводой та нео
 - У метя осталось отъ отцовского наследства 40,000 франковъ.
- Я вамъ одолжу еще столько и вы купите вакансію; мы вмъсть будемъ дъйствовать – потомъ вы женитесь.
- Мив-бы хотвлось сперва жениться, отввчаль я: но это зависить отъ васъ.
- HOLEY HOLE TOURS TO MENT TO THE STREET TO THE STREET STORY OF THE STREET
 - Я люблю сестру супруги вашей... в общенения при при при

Не прошло четверти часа, какъ все дело было кончено. Неделю спустя, я женился на Шарлоттъ и.... чему быть тому не миновать!... занималь должность коммиссара въ Парижъ.

Въ нынешнемъ 1844 году, я выхожу въ отставку и готовъ передать місто свое. Небо благословило меня; я нажиль порядочное состояніе-будеть, что оставить тремъ сыновьямъ, которыми благословиль меня Господь. THE BILLSYGLOTTE IN JUNE

Что-же касается до приятеля моего Ашиля, то онъ теперь хлопочеть о томъ, какъ-бы встратиться въ омнибусь съ какою-нибудь богатою англичанкою. CHARL W DISCHETE:

CMT.C6 157

м-ые марсь въ дезавилье. Отрыски из записок ел юричной. Подъ заглавіемъ: «Записки бывшей горничной г-жи Марсъ» напечатаны въ одномъ парижскомъ журналь слъдующія подробности о частной, домашней жизни этой знаменитой артистки. Довольно-ръдкій случай — встрътить подобную нескромность на-счоть лица, находящатося еще въ живыхъ. — Хотя въ этихъ подробностяхъ и много довольно-колкаго для m-lle Марсъ, но такъ-какъ личность ея для насъ дъло совершенно-постороннее, то мы и не считаемъ пеприличнымъ передать нъкоторыя изъ нихъ нашимъ читателямъ.

emplomen commentations — bounds or anomorphism and market

Заглянемъ-же въ таинственный будуаръ этой эпохи, въ убъжище второй Ниноны Ланкло, надъ когорою, казалось, и время потеряло всю власть свою, въ жилище женщины, которая не всегла была добра, не всегда благородна, но всегда въ высшей степени обладала при-

ятнымъ умомъ и силою воображенія.

И теперь, когда кумиръ покинулъ храмъ свой, когда m lle Марсъ сошла со сцены, подробности эти будутъ интересными. Впрочемъ, m-lle Марсъ не совсъмъ еще отказалась отъ публичной жизни; при каждомъ первомъ представленіи новой піесы во Французскомъ Театръ она, тестидесятильтняя женщина, въ платьъ съ коротенькими рукавами, съ открытою шеею и съ непокрытою головою, является въ своей ложъ, въ сопровожденіи своего неизмъннаго адъютанта, m-lle Амиго, съ Итальянскаго Театра.

M-lle Марсъ чрезвычайно-живаго и раздражительнаго характера. Отличная память ся въ послъднее время очень-ослабъла. Говорятъ, что уму ся много повредила зависть и досада наторжество новой театраль-

ной зпаменитости, заступившей ея мъсто.

И такъ, войдемте же въ этотъ будуаръ, взглянемте на эту даму, которан въ часъ по полудни лежить еще въ постели: это m lle Марсъ, мол госпожа. — На ней надътъ премиленькій почной чепчикъ, общитый блондами; подъ подушкой лежитъ брошюрка новой піесы, только-что вчера въ первый разъ репетированной. На столъ стоитъ лампа, которая непремънно должна горъть во всю ночь, и бутылка съ водою изъ померанцовыхъ цвътовъ — универсальное лекарство противъ судорожныхъ припадковъ знаменитой женщины. Три раза уже она будила меня. — Маръя, который часъ? — Полночь, сударыня. — Полночь! только полночь! какъ долго тянется ночь! — Маръя, дай мнъ вторую часть Мариво: я хочу еще разъ протвердить его. — Извольте, сударыня. — Марья, разведи побольше огня въ каминъ, здъсъ настоящій погребъ. — И это всякую ночь!

Но вотъ пробилъ часъ. Стучатся. Но m-lle Марсъ не принимаетъ въ постели никого, развъ кромъ самыхъ близкихъ знакомыхъ, какъ напримъръ г-на Скриба, въ то время, когда опъ только еще дебютировалъ во Французскомъ Театръ. Пока еще не появилась его, съ такимъ 158 Canes

огромнымъ усивхомъ игранная, комедія « La Camaraderie», г-нъСкрибъ всякій разъ, когда приходилъ къ m-lle Марсъ читать съ нею ея роли, дружески трепалъ меня по щекв, называлъ своею маленькою Маріею, и осыпалъ всевозможными нъжностями; но когда ему удалось статъ твердою ногою на драматической дорогв, то онъ едва уже удостоивалъ меня поклономъ; около-же того времени, когда я рвшилась отойдти отъ m-lle Марсъ онъ почти вовсе пересталъ ходить къ ней.

Но повуда m-lle лежить еще въ постели, является Камилла, швея. И туть всегда происходять преуморительныя сцены! Будь при этомъ хоть вся Французская Академія. m-lle Марсъ все-тави не могла-бы удержать своего гнѣва. — «Камилла, это неспосно! это настоящій заговорь! Вы каждое платье дѣлаете мнѣ слишкомъ шпроко въ таліи и слишкомъ узко въ плечахъ Вчера въ «Духовномъ завѣщаніи » мнѣ чутьчуть не слѣлалось дурно на сценѣ, и свверная Манте была такъ рада этому. Если вы еще испортите мнѣ что-нибудь, я вамъ не стану ничего заказывать».

Бьеть половина втораго: писатели и швен удаляются; богинь пора приниматься за туалеть. Вы думаете, что теперь она сейчась-же и встанеть? Ошибаетесь. Ей предстоить еще занятіе, поважнье всьхъ другихъ, поважнье даже самаго туалета—это журналы. Воть «Courrier», «Constitutionel», «Journal des Débats», «Siècle», «La Presse», «Globe», «Independant», словомъ всь, я думаю, сколько ихъ ни издается въ Парижъ. Взгляните, какъ она то блыдныеть, то красныеть Заксъ хвалять, тамъ бранять, тамъ критикъ упоминаеть о ея лытахъ, а это всего убійственные... Это чтеніе рышаеть — въ худомъ или въ хорошемъ расположеніи будеть m-lle Марсь.

Я часто вспоминаю о добромъ г-нѣ Ведель, прежнемъ директорѣ общниковъ и пансіоперовъ Французскаго Театра. Овъ, бывало, дрожить какъ листъ, вступая въ святилище, и шопотомъ спрашиваетъ у меня: Что. Марія, въ хорошемъ расположеніи она сегодня?—Не очень. — Чортъ возьми! плохо! – У ней мигрень. —О въ такомъ случаѣ мы по гибли; она не будетъ играть завтра. —И бъднякъ, совершенно-потерявшійся, входилъ къ могущественной богинѣ.

— Съ чего это пришло вамъ въ голову давать завтра эту піесу? начинала т Пе Марсъ: Фирменъ говоритъ, что онъ ни слова не внастъ изъ своей роли, да и выходы еще не въ порядкъ. Не понимаю, что у васъ за легкомысліе такое! Кстати! знаете ли, что Жаненъ сегодня очень тѣшится надъ напимъ театромъ Не довѣряйте этому человѣву. Вы слѣласте еще его врагомъ себѣ. Вы знаете, что онъ въ связяхъ съ одною дамою болошою охотницей до театра, ложа «Journal des Dèbats занята семействомъ Бертена, пошлите Жанену другую. Ахъ, чуть было не забыла: не сажайте въ оркестръ молодыхъ музыкантовъ болтуновъ; ихъ болговня портитъ мои эффекты, бѣситъ меня и разстроиваетъ мои нергы.

Директоръ уходитъ еще напуганнъе, чъмъ приходилъ.

Вь последнее время владычества, въ то время, когда она въ вели-

139 Смпсь

чайшему огорченію своему принуждена уже была ділить это владычество съ Рашель, m-lle Марсъ все-еще по-прежнему хотела было игсать роль избалованнаго дитяги; но новый глава артистической эафпублики не поддался ей.

- Сударыня, говориль онь: вы завтра будете играть Эльмиру въ «Тартюфв».

He Gyay. Commendate to said najplings trans exemple at letter

Но это одна изъ главныхъ вашихъ ролей.

- Темъ болье; довольно, что я играю уже, когда Жоффруа играетъ Тартюфа; отдайте роль г-ж в Манте. — Но это не дастъ такого сбора.

- Жалью; но все-таки играть не буду.

- Въ такомъ случав я вычту у васъ мъсячное жалованье.

— Что, у меня, у первой актрисы?

- Какъ и у всякой другой; передъ театральными законами всѣ артисты равны.

Директоръ уходить, и вогь я, первая горничная, съ m-lle Марсъ, и m-lle Марсъ опять дълается вполнъ женщиною: то добра, то горда, то сердится, то смеется, настоящій бризльянть, сверкающій тысячами лучей.-Марья, подай мив платье; Марья, зашнуруй мив корсеть; какъ ты неловка: ты совствъ задушила меня... ну... пришпиль мит воротничовъ... завсь... бантивъ-ниже, гораздо-ниже. Дура! И хочегъ быть еще горничною! Куклы! умьють только сами наряжаться. - Если кто придеть, слышишь, г-нъ Люрень, или Суме или г нъ Дюма, скажи, что я сегодня не буду дома; не хочу я угощаться нын вшнею литературою; я и безъ того уже страдаю отъ несваренія въ желудкъ.-Если придеть мадамъ Ансло, скажи, что я буду дома въ пять часовъ, понимаень? Пусть она оставить свою рукопись... Пу, посмогри на этогь локонь! Всякой подумаеть, что онъ фальшивый. Фуй, у тебя совсемь веть вкуса! По твоей милости я кажусь цельить векомъ старше! Подай мив шаль; готова-ли коляска? Положи въ нее конфекты, которыя я вчера купила для Монрововыхъ дътей; я послъ репетиціи завду къ нимъ... Лай кошелекъ... есть-ли въ немъ деньги? Положи сколько нибудь. Не впускай никого сюда... если принесуть квитанціи на который-нибудь журналь, заплати деньги; если придеть г-нъ Шарль Мориць изъ редакцін «Courreur des Theatres», скажи, что я на-дняхъ сама закду къ нему. Прощай, не забудь, что я тебь приказывала.

После этихъ словъ госпожа моя спешить сесть въ коляску, ожидавшую ее у крыльца, и во всю рысь отправляется по Французскій Те-

arps. or and arrows as I see good to a remain tout if an

По отъезде ея мы принимаемся исправлять безпорядокъ въ комнатахъ, который есть необходимая принадлежность искусства, какъчасто говорила сама m-lle Марсъ. На каминъ валяются остатки сигары, которую вчера вечеромъ курилъ Александръ Дюма, или бумажные человьчки, которыхъ выразывалъ моими ножницами Викторъ Гюго.

Викторъ Гюго высокой, прекрасный мужчина: онъ всегда навываль

160 Смпьсь

меня, за мою свъжесть лица, яблочкому. Рабочій столикъ весьп окрытъ пятнами разныхъ красокъ: саталы работы г-на Леполя, бородатаго живописца, настоящаго испанскаго дьявола Лесажева: онъ всегла и разговариваетъ и рисуетъ. А, a! вотъ томъ « Liaisons dangereuses ». Это m-lle Апансъ олицетворенная невинность, чигала въ то время, какъ графъ... объяснялся въ любви. Зафсь стоятъ бълила, тамъ румяны, двф необходимыя принадлежности артистки: быллы изображають быливну тыла, бледность, испугъ, смерть: румяны-красоту, свежесть, целому-

Но воть является неизбъжный почталюнь, съ анонимными письмами, изъясненіями въ любви, стихами, предложеніями отъ милліонеровъ, Англичанъ и проч. Нельзя вообразить, сколько тысячъ посланій получить въ годъ m-lle Марсь! Тальма сказаль, что почтамту надобно-бы выдать ей въ награду что нибудь, за доходъ, который она

доставляетъ ему. Ну, вогъ все въ порядкъ; должность моя кончена и начнется опять, когда я, любимая служанка m-lle Марсь, должна буду сопровождать знаменитую артистку за кулисы Французскаго Театра, въ день представленія; но это мы опишемъ уже въ другой статьв. Avoid to Margary along the business Margary among you with angiversa hours

rangon due annuar programmentation of the comment of the second of the second анекдоты и мелочи.

- eme constance League reliefs reams con alpanatace Lianard Въ Вънъ, 28-го января была празднована свадьба знаменитой пѣвицы Клары Новелло (род. въ Лондонѣ), при мадонны вѣнскаго итальянскаго императорскаго театра, съ графомъ Джиліучи, венеціанскимъ патриціемъ, каммергеромъ и однимъ изъ богатьйшихъ венепіанскихъ вельможъ. Бракъ былъ освящонъ архіепископомъ вънскимъ, и въ числъ гостей были знатнъйшіе вънскіе вельможи и почти всв артистическія и литературныя знаменитости столицы. Новобрачная оставить сцену навсегда. Она появится на ней еще одинъ разъ, чтобы проститься съ публикой, въ роли Донны Анны (Донъ-Жуанъ), въ которой она, полтора года тому назадъ, дебютировала въ Вінь, присти та мінатрим в тропица акту пласта продін тальти.
- Кто-то въ Стокгольм в открылъ дв в любовныя песенки, сочиненныя въ 1616 году великимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ.

- Въ вынёшній сезонъ въ Лондоне соберутся следующіе артисты: Г-жа Дорю-Гра, Дюпре, Каммилъ Сивори, Эристъ, Мендельсонъ, Тальбергь и Дёлерь.

- Изъ Вѣны пишуть отъ ^в/20 февраля: Г-нъ министръ внутреннихъ дыть, графъ Коловрацъ, представиль императору рапортъ, въ которомъ просить, чтобы австрійскіе драматическіе писатели были поощряемы наградами, которыя заставили-бъ ихъ дъятельные трудиться для національнаго театра. Главныя условія этого рапорта, весьма благосклонно принятаго императоромъ, следующія: 1-ое) Чтобы директоры театровъ платили сочинителямъ піесъ, имфвинхъ усифхъ,

Camer 161

авторскія права (droits d'auteur), какъ во Франціи; 2-ое) Чтобы изъ государственной казны выдавалось знаменитьйшимъ драматическимъ поэтамъ почотное жалованье (Ehrensold), и чтобы вообще они награждаемы были знаками отличія, выдающимся веёмъ гражданамъ, оказавшимъ важныя услуги отчизнёв Этотъ проэктъ утвержденъ Инмиеторомъ и приведено уже въ дъйствіе. Первую награду получилъ извъстный Гальмъ за трагедію свою Сампідро, не-смотря на то, что она была играна до утвержденіи означеннаго положенія.

— На мператорскомъ вънскомъ театръ близъ Каринтійскихъ воротт дана была въ началъ февраля, нынъшняго года, драма Фредерика Сулье Le Proscrit, передъланная въ лирическую трагедію въ 3 дъйствіяхъ, Гальмомъ; Эта піеса, къ которой музыку сочинилъ молодой вънскій композиторъ Оттонъ-Николаи, имъла огромный успъхъ.

Въ біографіи Листа, напечатанной въ «Stuttgarter Morgenblatt» сказано, что онъ въ молодости впаль въ такое отчаяніе отъ несчастной любви, что хотёль-было удалиться въ монастырь. По-счастію въ самое это время явился Паганини, и это исполинское явленіе воэ-

вратило Листа искусству.

— Актеръ Мчюсъ (Matheus) въ высшей степени обладалъ искусствомъ измѣнать черты лица, особенно посредствомъ струны, которою онъ какимъ-то образомъ обвязывалъ самый кончинъ своего носа. Однажды онъ обѣдалъ у знакомаго купца. Вдругъ хозянна нозвали ва чѣмъ-то въ контору. Оставинсь одинъ Мчюсъ перевязываетъ носъ свой струною, беретъ со стола двѣ серебряныя ложки, идетъ къ хозяину въ контору, закладываетъ ему собственныя его ложки и возвращается опять въ столовую, не булучи имъ узнанъ. Каково-же было удивленіе хозяина, когда, по возвращевіи его къ столу, Мчюсъ вручилъ его полученныя отъ него за ложки деньги и квитанцію, подписанную его рукою.

— Одинъ Французъ, не любившій балета, увидя корошенькую танцовщицу, говорилъ : Je n'aime pas la danse, mais j'aime les danseuses.

— Въ какой драмѣ встрѣтите вы такой многозначительный стихъ какъ въ · Оттавіо · Альфіери, гдѣ Сенека спрашиваетъ у Нерона: Signor del mondo, a te che manca? (Чего недостаетъ тебѣ, владыка міра? Неронъ. Расе! (Мира!)

 У нѣкоторыхъ дюдей вошло въ обыкновеніе презирать пѣвцовъ и оперу, танцоровъ и балеть. Такое понятіе вполнѣ несправедливо.
 Тальма говорилъ, что онъ во многомъ изучалъ Пасту, а Тальма коне-

чно не быль обыкновенный театральый герой.

— Недавно одинъ изъ извъстнъйшихъ парижскихъ живописцовъ расписывалъ приемную залу въ Сенъ-Клу. Пристально занимаясь работою, онъ преспокойно курилъ изъ своей коротенькой трубки. Вдругъ входитъ въ залу Король Луи Филиппъ, и кличетъ живописца по имени. Художникъ спъщитъ сойдти съ подмостокъ и хочетъ положить трубку; но король настаиваетъ, чтобы онъ продолжалъ курить, а иначе онъ сейчасъ уйдетъ. Поговоривъ довольно долго съ художни-

T. VI.

162 Смпсь

комъ, король удаляется и живописецъ снова принимается за работу. Вдругъ входитъ одинъ изъ королевскихъ адъютантовъ, отыскивающій короля. — «Эй, милостивый государь! развѣ можно курить въ покояхъ короля? закричалъ онъ сердито живописцу. — Художникъ три раза заставляетъ повторить себѣ эти слова, какъ-будто не слыша ихъ, и наконецъ, обратившись съулыбкою къ адъютанту, отвѣчаетъ: «Будьте покойны, милостивый государь: хозяинъ дома самъ позволилъ мнѣ курить.»

— Путъ при дворѣ Императора Августа, по имени Гальба, у вотораго было больше остроумія, чѣмъ чести, пригласилъ однажды къ себѣ на обѣдъ Мецената. За столомъ знаменитый вельможа принялся довольно-открыто строить куры хозяйкѣ дома. Гальба, замѣтивъ это, притворился спавшимъ и началъ храпѣть. Одинъ изъ слугъ хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ и стащилъ что-то изъ съѣстнаго со стола, какъ вдругъ Гальба закричалъ: «Вотъ я тебя, каналья! вѣдь я

сплю для нихъ, а не для тебя.»

— Искусства у Римлянъ были въ большомъ почотѣ; но художники и артисты, исключая однихъ поэтовъ, совѣмъ напротивъ. И потому какъ были оскорблены правы и мнѣнія народа, когда Неровъ выступилъ пѣвцомъ па сцену. Въ предупрежденіе слишкомъ сильныхъ изъявленій публичнаго негодованія, театръ окружонъ былъ цѣлымъ легіономъ войска, а два государственные мужа, Афраніусъ Бурусъ, начальникъ придворной стражи, и Сенека, гофмейстеръ и министръ, стояли на сценѣ, суфлировали вѣнчанному пѣвцу, держали передъ нимъ ноты и первые подавали примѣръ хлопанью и одобренію. Представьте себѣ положеніе ихъ, въ особенности героя добродѣтели, Сенеки! Конечно, никогда судьба такъ-жестоко не смѣялась надъ философомъ!

-Omna Dunas ver, no makearen Graves (20 % suranneganden rege

File count (park, of phree our rance, sparounterry literatures and del condo as to the manera Viene as to the manera of the country of the condo as to the manera Viene accountry of the condo as to the condo of the country of the co

. V. a Leo report a franch, former, an obtainment of organic manner of a margor, rate reports for the former to a margor france. The rate respectively former or a margor of the rate of the respective former or and the r

parsonale, that experiments begins and national experimental are only Browle experiment at above Corporal by Continues, a remains continued as an armone, as armone is a national solution of the same of the same

Illusian asses were more undergother and areas agreeded

Florest Pacet Mana!)

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЪТОПИСЬ

MITOTOT WHOCTPAHELIE TEATPLIES OF HOPE

-мя втранция и обрасца вотока опшерт ПАРИЖСКІЕ, чіноваца -под авант понован воток вара

обзад вызота сердцены поррадо, дв-

Basicia, noropyia more Posmopos diniscardo a Pia dicea, oven-van-

und 'Ona nurban-tan rang Concuciii

er browners an anseress cronomous

"Coasand thio larconpeno, losep-

maritant as norropr's. Emeruna -10

Ex naunal rperare Abijersia cera

. Copuruma. Bro mountes.

Possepp, no seeks a urasant-

-yan oungoings Alagram

antina terra- usananana

ROULD RELIGI

engelon unbanna menag

pago un anterpo: «Vien dell'alroce ingiùcia!narlarl-antagn Theorona' connectea roviii, nhimmii xopa no-

совнаво в'астамина, зирическая драма въ трехъ дъйствіяхъ, музыка Г. Фредерика Риччи.

Фредерикъ Риччи-молодой комповиторъ съ дарованіемъ, составившій себв уже извъстность въ Италіи нъсколькими операми. «La Prigione d'Edimburgo», «Il Colonellos, «Luigi Rolla» и наконець «Corrado d'Altamura» имваи большой успъхъ на сценахъ всъхъ итальянскихъ театровъ. Обвиняютъ Риччи вътомъ, что онъ не довольно-оригиналенъ и идетъ по сабдамъ Донидзетти если обвинение это справедливо, то Риччи не можетъ быть композиторомъ первостепеннымъ, потому что уже Допидзетти, идущій по сабдамъ Россини, далеко отсталь отъ великаго маэстро.

Анбретто этой оперы весьма-незатыиливо. Коррадо д'Альтамура-

разорившійся сицилійскій вельможа. Дочь его, прелестная Делиція, невѣста Роджера де-Монреаля, молодаго, бѣднаго дворянина, усыновленнаго и воспитаннаго Коррадомъ. Честолюбіе пожираетъ Роджеро; надѣясь составить себѣ блестящую карьеру, онъ измѣняетъ Делиціи и хочеть жениться на дочери великаго канцлера Палермы.

его) Она выпациеть Родисро на

постинить и изпосить ему смер-

reaservo parv. Tepanenshi vapa-

medican conferm a dyndray donne-

ближенів сперси. Родзира ванть убъещим въ візнастык, попра-

a minurally visitationer arrigance

varioners, his pyriassess.

Onego ore an exchere yeopare-

athiornin oconforms and apple I'un

compan I and hadebased shi I require

in è il solo beses so suro crhavera

gaungung gas compano, andante go-

desideri mici-, scananczo suppasa-

regulecen Avo semir Lemuicil

(I-wa I purit) u l'ornepa (d'aprés)

Гвискардо Бонелло, молодой дворянинъ, искренно любящій Делицію, сообщаеть Коррадо и дочери его извъстіе объ измънъ Роджеро. Всъ трое отправляются въ Налерму, и Делиція, явившись къ самому началу брачной церемоніи въ домъ канцлера, упрекаетъ Роджеро въ въроломствъ и бросаеть къ ногамъ его кольцо, которое онъ ей подарилъ. Разстроивъ такимъобразомъ бракъ въроломнаго, Делиція отказывается отъ свъта и вступаетъ въ монастырь.

Гвискардо поклядся отистить за нее, но Коррадо предупреждаетъ его. Онъ вызываеть Роджеро на поединокъ и наносить ему смертельную рану. Терзаемый угрызеніями совъсти и чувствуя приближеніе смерти, Роджеро ищеть убъжнща въ монастыръ, испрашиваеть прощеніе у Делиціи и

умираетъ на рукахъ ея.

Опера эта не имъетъ увертюры. Посав небольшой интродукціи поднимается занавъсъ. Въ первомъ авиствіи особенно мила арія Гвискардо (Г-жа Брамбилла): Si amarla è il solo bene; за нею слъдуетъ каватина для сопрано, andante которой «O cara, tu sei l'angelo de desideri miei», исполнено выразительности. Дуо между Делиціей (Г-жа Гризи) и Роджеро (Маріо) прекрасно, голоса слиты самымъ гармоническимъ образомъ. Мотивъ амегро: «Ah! m'abraccia,, исполненъ жизни и страсти, но жаль, что композиторъ не повториль его; онъ, въроятно, боялся растянуть оперу свою, но въ этомъ случав ошибся, потому-что въ музыкѣ есть мотивы, которые такъ-легки, такъ быстры, что слушателямь не удается понять всей прелести ихъ; повтореніе подобныхъ могивовъ необходимо.

Арія Коррадо (Ропкови) «Tanto io l'adoro» написана съ чувствомъ; слѣдующее за нею аллегро оченьхорошо разнообразить эго мѣсто оперы. Финальное тріо перваго дѣйствія недурно, но низкія грудныя ноты контральто не довольно сильны, недовольно-звучны, чтобы могли быть слышны при высокихъ нотахъ сопрано, которыя совершенно покрываютъ ихъ.

Второе действіе быдные перваго. Хоры пирующихы, которымы оно начинается, нысколько тривіалены.

Баллада, которую поеть Роджеро: "Guiscardo a Pia dicea", очень-удачна. Она имъла-бы еще большій успъхъ, еслибъ публика могла слъдовать за каждомъ словомъ и повимать его.

Вь началь третьяго дъйствія есть небольшое тріо для сопрано, контральта и баритона. Это молитва, исполненная умиленія и важности. Дуо, въ которомъ Коррадо вызываетъ Роджеро, на всъхъ итальянскихъ театрахъ приводило слушателей въ восторгъ. Каватина «Io l'amava sulla terra» начинается сперва выражениемъ тихой грусти, мало-по-малу, когда гиввъ овладъваетъ сердцемъ Коррадо, дълается грозною и принимаетъ выраженіе жажды мщенія. Страшно разражается наконецъ гиввъ Коррадо въ аллегро: "Vien dell' atroce ingiuria!» Съ страшнымъ вызовомъ сливается тихій, нѣжный хоръ монахинь и арія Делиціи. Наконецъ опера оканчивается прекраснымъ дуо, между Роджеро и Делиціей, въ которомъ удивительно выражены горесть, раскаяніе, страсть и отчаяніе....

Вообще произведеніе Г. Риччи ставить его на ряду съ лучшими композиторами Италіи, тьмъ болье, что опера его нисколько не подтверждаеть обвиненія въ подражаніи Донидзетти. Риччи — таланть оригинальный, самобытный, подающій самыя блистательныя надежды.

Académie-royale de musique.

LADY HENRIETTE OU LA SERVANTE DE GREENVICH (Леди Гепріетта или гринвичская служанка), балеть-пантомима въ трехъ дъйствіяхъ, соч. гг. Севъ-Жоржа и Мазилье; музыка гг. Флотова, Бургмюллера и Делдеве́за.

Бъдная леди Генріетта, какъ она несчастлива! Она молода; родословная ея начинается чуть-ли не до сотворенія міра; она обладаетъ милліонами, можетъ располагать собою и къ-тому-же предестна, очаровательна!

Ну, скажите сами, какъ ей нескучать, не грустить, не имъть сплина? Тъмъ-болъе, что за нею ухаживаетъ какой-то сэръ Тристанъ Кракордъ, самое скучное существо въ трехъ Соединенныхъ Королевствахъ! Пока онъ старается разогнать скуку леди Генріетты и темъ только усиливаетъ ее, подъ окнами слышится забавная музыка. Она сопровождаеть молодыхъ крестьянокъ, отправляющихся на рынокъ, для прінсканія м'єсть. Чтобы нів сколько разсвяться, леди Генріетта приказываеть служанив своей Нанси позвать въ замокъ крестьянокъ.

Онѣ входятъ и, какъ водится въ балетахъ, танцуютъ. Костюмъ крестьянскихъ дѣвушекъ очень нравится Генріеттѣ, и ей приходитъ довольно-странная идея: она нарижается крестьянской и съсубреткой своей Нанси отправляется на рынокъ.

Туда англійскіе фермеры собираются пріискивать себѣ служанокъ. Очень-натурально, что такимъ хорошенькимъ крестьявочкамъ, каковы Генріетта и Нанси не трудно найдти хозяевъ. Приходятъ фермеры Ліонель и Плумкетъ; первый-красавецъ, и судьба ошиблась, создавъ его фермеромъ,

а не принцомъ; второй – добрый и веселый краснощокій толстякъ.

Ліонель предлагаеть Генріетть вступить къ нему службу, а Плумкеть делаеть тоже предложение Нанси. Генріетта, все ради-ситка, принимаетъ предложение: Нанси савдуеть примъру госпожи своей. Танцують. Наступаеть вечерь, и въ то самое время, когда Генріетта и Нанси хотять воротиться въ замокъ, ихъ остананливаютъ фермеры, новые хозяева ихъ. Тутъ ничего не помогаетъ; условіе заключено въ присутствіи альдермана, а потому сопротивление напрасно. Кракфордъ, принявшійбыло сторону молодыхъ девушекъ, долженъ отступить предъ дюжими кулаками ловкахъ боксеровъ.

Можно представить себь ужасъ молодыхъ дъвушекъ, когда онв остаются однъ па фермѣ, во власти двухъ молодыхъ людей. Но, посчастію, все улаживается какъ нельзя лучше. Гепріетта очаровала Ліонеля могуществомъ взгляда своего, и стравная вещь! онъ нанялъ служанку для того, чтобъ она ему прислуживала, а теперь самъ, не только прислуживаетъ, но всячески стараетъ угождать ей, такъчто леди невольно тронута внезапною и почтительною любовію молодаго человъка.

Джонъ Плумкетъ церемонится менве молодаго приятеля своего; онъ нанялъслужанку, она ему нравится и онъ хочетъ поцвловать ее; по Нанси не-впервые защищаться отъ волокитъ. Плумкетъ получаетъ пару добрыхъ пощочинъ, которыя до того сбиваютъ его съ толку, что онъ рвшается огложить воло-китство до другаго времени и идетъ спать.

Ночь. Все тихо на фермв. Кракфордъ является подъ окномъ.... леди и горничная ея спускаются на дворъ, садятся въ почтовую коляску и скачуть домой. Шумъ привлекаеть хозяевъ.... Клътка пуста, птички улетели! Ліонель неутъщенъ: онъ отказывается отъ занятій фермера и идеть въ солдаты: Э педов свиня совер вт ги

Въ Виндзорскомъ лъсу большая королевская охота. На леди Генролевы, опять нашолъ сплинъ. Отдълившись отъ придворныхъ, она одна прогуливается по лѣсу; проходить придворная стража. Молодой солдать, который никто иной, какъ Ліонель, узнаетъ Ген-Это вы! предотрания опробления

– Это ты!

Ліонель не приходить въ себя отъ изумленія. Раздается выстрыль n spusto stronger lamers ners

ROSOLONX WENTSDELLS

- Помогите, помогите!

Лошаль королевы вабъсвлась, и вакусивъ удила, мчится по льсу.... Королева погибла! По Ліонель, быстрве молніи, брослется къ лошади, останавливаеть ее и спасаеть королеву, которая, въ порыва признательности, жалуетъ его въ капитапы.

Отъ охоты перейдемъ въ миоологическому маскераду, который королева даетъ въ Виндзорскомъ замкъ. Танцуютъ менуэтъ, самая хорошенькая фигура котораго прерывается появленіемъ капитана придворной стражи, безъ церемоніи ворвавшагося въ залу. Въ Венерѣ, танцующей менуетъ, онъ узналъ бывшую служанку свою, и вають, расходятся по домамъ, за-

Юпитера, Марса, Амура, Минерву, бросается къ ногамъ ея!

Взглядъ, исполненный негодованія, останавливаетъ дерзновеннаго... Леди Гсирістта чувствуєть въ сердив своемъ какое-то неясное, невольное влечение къ молодому человъку, но гордость заглушаетъ всякое человъческое чувство! Она приказываеть схватить Ліонеля и заключить его въ теманцу.

Вмѣсто темницы бѣдный капирістту; находящуюся въ свить ко- танъ попаль въ домъ сумащедшихъ. Боже мой, до чего мы дожили! Въ балетъ домъ сумастел-MAXI ... ADRIVAT SOMES

Бъдный Ліонель лишился разсулка: служанка, принцесса, Венера, охота, создать, капитанъ балеть, Плумкеть, менуэть, все это перемѣшалось въ головъ его. Королева посъщаеть Бедламъ, узнаеть спасителя своего и желаеть знать причину помѣшательства его. Мучимая угрызеніями совъсти, леди Генріетта признается королевъ, что она во всемъ виновата. Раскаяніе ея искренно, тімь-болке, что она любить Ліонеля не на-шутку.

Надо вылечить его. Бедламскій докторъ придумываеть очень-замысловатое средство. Ліонеля перевозять на ферму. Является Генрістта, въ костюмѣ служанки.... звуки тихой музыки терлются вы отдалении (потеря небольшая!) Ліонель приходить въ себя, разсудокъ его возвращается, королева женить его на Генріетть, Нансивыходить за Плумкета, а Кракфордъ не женитея ни на комъ. Всв сча-СТЛИВЫ И ДОВОЛЬНЫ.

Зрители апплодирують, вызыне обращая вниманія на Юнону, сыпають и видять во спі ту-же ченуку, которая свела съ ума бъ днаго Ліонеля....

OPERA-COMIQUE

Опекте ет Русь ов, (Оресть и Пиладь), комическая опера въ одномъ дъйствін, слова Скриба и Дюпеня, музыка г. Тиса.

Каремъ, безсмертный профессоръ кулинарнаго искусства, скавалъ: чтобъ сдълать личищу, падо езять лиць. Г. Скрибъ поставилъ себъ за правило: чтобы сдълать комическую оперу, надо взять старый водевиль его же фабрикации. Всъ помнятъ Жовіаля (Стряпчій подъ столомъ); изъ этого, весьмазабавнаго, водевиля г. Скрибъ, съ помощію г. Дюпеня, состряпали комическую оперу, подогръли и подали публикъ.

Въ тотъ самый день, когда Эдуардъ долженъ жениться на богатой молодой дёвушкт, его схватываетъ стрянчій и хочетъ посадить въ тюрьму ва долги. По просьбе молодаго человека и въ надежде что богатая партія доставитъ ему возможность заплатить долги, стрянчій соглашается дать молодому человеку оторочку, но съ условіемъ, что онъ всюду будеть преслёдовать его, подъ именемъ друга.

И вотъ новый Оресть не теряетъ Пилада своего мзъ виду и готовъ слъдовать за нимъ даже въ брачную комнату....

У Эдуарда есть соперникь, который желая повредить ему, перекупаеть у стряпчаго всв заемныя письма, но опаздываеть. Невыста узнала о долгахъ жениха и наивревается уплатить ихъ. Безъ опытности и драматической ловкости, Скриба, піеса эта была-бы слишкомъ-незначительна, тѣмъ-болѣе, что сюжетъ ея старъ, или лучше сказать, она ничто-иное, какъ передълка стараго водевиля.

По этой легкой канвѣ г. Тисъ набросалъ музыку легкую, милую и выразительную, напоминающую вообще всѣ прелестные музыкальные альбомы г. Тиса.

THÉATRE-FRANÇAIS.

На Первомъ Французскомъ Театръ возобновлена старинная комедія Гг. Пикара и Аний: l'Agiotage (Биржевые торги).

Это послѣдняя комедія Пикара, остроумнаго и веселаго писателя, и первая попытка г. Анпи. Грустная улыбка старика, наученнаго опытностью, и списходительность его безпрестанно сталкиваются съ живостію и благороднымъ пегодованіемъ молодаго человѣка.

- Зачемъ такъ сердиться, молодой человъкъ? говорилъ Пикаръ. Зачемъ это сильное негодование на нелостатки ближенув нашихъ? Повърьте мив, Колмедія должа быть снисходительна, чтобы люди стали слушать ее. И за что? Есть люди, которые на бирж в рискуютъ лишиться всего состоянія - что дълать! Они могутъ и обогатиться! Подумайте сами, если сердиться ва все, то мы не будемъ имъть ни минуты спокойствія! Развъ Мольерь, общій учитель нашь, сердится? Ничего не бывало! Онъ смъстся надъскупымъ, онъ смвется даже надъ Тартюфомъ, а вы хотите, чтобы я сердился на

молодыхъ людей, у которыхъ пътъ теривнія и которые хогять разбогатьть въ сутки? Нътъ, если вы хотите дать урокъ, то чемъ онъ будеть забавиве, твив будеть и сильнье, и дъйствительнье!

Комедія l'Agiotage достойна изученія и глубокаго ввиманія уже потому, что на каждомъ шагу живость и энеригчески-выраженное негодование молодаго смягчается спокойствіемъ и благоразуміемъ стараго комическаго поэта.

SECOND THÉATRE FRANÇAIS.

LA FAMILLE COCHOIS, (Cemeiremeo Кошуа), комедія въ пяти действіяхъ, г. Лоноре.

Изъ Семейства Кошуа Лонпре савлаль загадку. Онъ всеми силами старается, чтобы егоникто не поняль, и вполив достигь цели своей. Когда надо поразить зрителей сильнымъ сценическимъ эффектомъ. онь ихъ только щекочеть. Острота его падаеть не какъ градъ, а вакъ енъгъ, холодно, вяло, безъ шуму и только вадобдаеть.

- писть, (Люсиль) драма въ 5-ти актахъ, Ашиля Конта.

Молодая дъвушна Люсиль обольщена и покинута своимъ обольстителемъ, кавалеромъ Ланзакъ, посавтого какъ она уже савлалась матерью. Дитя у нея похищено и она сходить съ ума. Черезъ нъсколько льть является Ланзань вивств съ отцомъ Люсили; при видвего, разсудокъ Люсили возвращается и она открываетъ низкій поступокъ Ланзака и свое безчестіе. Следствіемъ

закъ раненъ, а Люсиль находить своего сына.

Проходить еще 15-ть льть. Сынъ Люсили нахолится при ней качествъ секретаря, потому-что отецъ ея не хочетъ, чтобы она признала его своимъ сыномъ. Письмо Ланзака, который, умирая, соглашается наконецъ дать свое имя той, у которой онъ похитиль все счастіе, уничтожаеть преграду материнской и живости Люсили, и она публично признаетъ своего секретаря любимымъ сыномъ.

Мысль этой піесы не нова, но отдълана со вкусомъ и знаніемъ дъла.

- LA RÉPARATION FORCÉE, (Hacuabное вознаграждение.) Комедія въ 5-ти дъйствіяхъ, въ стихахъ.

Менве счастливая предъидущей, піеса эта подверглась всімъ непріятностямъ, какимъ подвергаются піесы, неправящіяся партеру Одеона.

Блинваль, казначей въ одномъ маленькомъ городкъ, мътитъ какъбы забраться куда-вибудь повыше; его поддерживаетъ депутатъ Дюпонъ. Честолюбивый до крайности, казначей отвергаеть предестную Емилію, которую онъ обольстилъ и которая повинула для него свое семейство. Ему хочется жениться на одной знатной дам'в и онъ съ этою целью компрометирусть ес. Вдругь онь получаеть мъсто казначея въ Бордо и приказъ немедленно туда отправиться. Знатная дама пишетъ къ нему, чтобы онъ подписаль объщание жениться на ней. Емилія перехватываетъ письмо, вкладываетъ въ него росписку на свое имя; Баинваль, не читая, подписываеть, ее и въ-сабаствіе этого вынуждень жеэтого, разумъется, была дуэль. Лан- ниться на Эмиліи. -Снамрмевле, (Шаимеле) комедія въ 1-мъ действіи, въ стихахъ, соч. Ипполита Люка.

Извъстна любовь Расина и Шанмеле. Великій поэтъ не могъ остаться равнодушнымъ къ артисткъ, которая такъ-трогательно передавала созданія его генія. Хотя сынъ Расина и опровергалъ существованіе слишкомъ-тъсной связи отца его съ этою трагическою актрисою, однако жъ доказано, что авторъ «Андромахи» палъ къ но гамъ своей Герміоны и не покидалъ ихъ до самой «Федры», будучи больше любовникомъ, нежели другомъ.

Эту-то любовь, скромную и граціозную избраль Иполлить Люка сюжетомь для своей прекрасной комедіи. Лафонтень, Расинь, Шанмеле, Марія Шанмеле, воть дъйствующія лица месы. Однакожь недовольно того, чтобы собрать кой-какь въ кучу историческія лица, — что очень часто бываеть въ подобнаго рода картинахь.—надобно выдумать интригу, интригу новую, оригинальную, словомъ, создать комедію, и авторъ создаль ее.

Главное дъйствующее лицо въ піесъ — Шанмеле. Три самыя замъчательнъйшія лица той эпохи волочатся въ одно и тоже время за
его жевою. Во-первыхъ графъ
Клермонъ-Тоннеръ, который, какъ
гласилъ плохой каламбуръ того
времени, «déracina» автора» Федры»;
потомъ Расинъ и наконецъ Лафонтенъ. Шанмеле постепенно узнаетъ,
какія опасности угрожаютъ ему;
но онъ не такой человъкъ, чтобы
испугаться этихъ опасностей. Хитрый, ловкій, остроумный актеръ,
онъ ръшается бороться съ своими

противниками: онъ отстаиваетъ свою собственность, и ловкость его помогаетъ ему одержать нобъду. Тщетно, какъ говорили ему, возставали противъ него знатность, геній и дружба: онъ побъдитель, — за нимъ осталось поле битвы сегодня, но не увъренность, что тотъже успъхъ будетъ и завтра.

THÉATRE DU VAUDEVILLE.

security whitehe amendance

ріенне іе міссіоппатне, (Мидліонщикъ Пьеръ) комедія въ трехъ адіствіяхъ, съ куплетами, г-жи Ансло.

Добрыйи честный малый, Пьеръ Нику, быль секретаремъ графа де-Жонвиля, и страстно влюбился въ дочь его. Съ такою безнадежною любовью въ сердцѣ, надобно или умереть, или удалиться изъ отчизны; Пьеръ избралъ послѣднее и уѣхалъ въ Индію за день до свадьбы m-lle Жонвиль съ графомъ де Валькуромъ.

Въ Индіи оправдалась для Нику пословица: «несчастье въ любви, счастье въ дѣлахъ. « Онъ разботѣлъ какъ Крезъ, и, проживъ 20 лѣтъ въ Индіи, возвращается на родину.

Въ двадцать лътъ многое перемъгилось. Графъ де Валькуръ раворился и умеръ. Жена его, съ молоденькою дочерью, осталась въ крайней бъдности. Она живетъ въ мансардъ и трудами рукъ своихъ заработываетъ кусокъ насущнаго хлъба.

тенъ. Шанмеле постепенно узнаетъ, какія опасности угрожаютъ ему; но онъ не такой человъкъ, чтобы испугаться этихъ опасностей. Хитрый, ловкій, остроумный актеръ, онъ рёшается бороться съ своими

Однажды Полина, — такъ вовутъ дочь графини, — возвращается домой блёдная, трепещущая; ее пресъбдуетъ какой то молодой волотрый, ловкій, остроумный актеръ, наться ва хорошенькою дёвушкою

въ шестой этажъ. Едва Полина бросается въ объятія матери, какъ входитъ молодой человѣкъ.

Милостивый государь, говорить съ негодованіемъ мать: надъюсь, что вы будете почтительные кълочери графа де-Валькура!

 Возможно-ли! восклицаетъ молодой человъкъ саъдовательно вы дочь графа де Жонвиля?

- Почему вы знаете?...

Тетушка! позвольте мив исправить ошибку свою; я, ви конть де Жонвиль, сынъ племянника нокойнаго отцавашего, прошу руки кувины моей Полины де Валькуръ!

Междутьмъ Нику, желая провесть остатокъ дней своихъ въ Парижь. кочетъ купить домъ. Случай, этотъ неутомимый сотрудникъ всъхъ драматическихъ писателей, ведетъ его къ дому, въ которомъ живетъта, которую онъ нькогда такъ горячо любилъ. Мплліонщикъ узнаетъ вдову.... Кто счастливъе Нику? Онъ богатъ; та, которую онъ любилъ, въ нищетъ; онъ предлагаетъ ей жизнъ свою и богатства... г-жа де - Валькуръ отказывается отъ всего!

Пьеръ въ отчаяніи. Онь не по нимаеть, что бъдная мать, полюбившая уже Нику, когда она была дъвушкой, когда онъ былъ бъднымъ, ничтожнымъ секретаремъ, подавляеть въ душъ своей пробудившееся чувство только потому, что она думаеть, что бракомъ съ Нику попрепятствуетъ счастію дочери, что викопть де-Жонвиль не захочеть вступить въ родство съ купцомъ, мъщанипомъ! ... Нику думаетъ, что графиня горда и превираетъ его.

- Теперь только я вполны по-

стигаю, что счастія купить нельзя! восклицаеть онь въ отчанніп. Къ чему мні всі мои богатства? все мое золото? Та, которую я любиль и поныні люблю, презираеть милліонщика столько-же, сколько презирала секретаря!

 Не горячитесь, говорить ему Довилье, вотаріусь: не горячитесь! Деньгами все сділать можно.

Huyero! are 18076 an Old Auril

Можно, выслушайте только меня....

- Постойте, постойте, у меня идея... внаете-ли что? Густавъ де-жонвиль близкій родственникъ графини; онъ вадолжаль 200,000 франковъ, его преслѣдуютъ, хотятъ посадить въ тюрьму; я уплачу долги его, отдамъ за него дочь свою (у Пьера была дочь, мать которой умерла въ Индіи) съ огромнымъ приданымъ, и этимъ благодѣяніемъ отомщу вмъстъ и за презрѣніе и за гордость графици!

 Конечно, это очень хорошо, возражаетъ Довилье, только дорогонько....

 Милліономъ пожертвую, только-бы....

- У меня была другая идея....

- Ничего слушать не хочу! Мив нравится моя идея, и я приведу ее въ исполненіе! Надо-же, чтобы богатство мое послужило мив къ чему-нибудь!

Густавъ, преслъдуемый должниками, рътается отказаться отъ руки Полины и хочеть жениться на дочери милліонщика. Но это только минутное ваблужденіе. Добовь къ Полипъ и благородныя чувства виковта берутъ верхъ; онъ не продаетъ ни чести, ни счастія своего!

- Ивтъ восклицаеть онъ: ваши

миллюны не заставять меня сдьлать низкій поступокъ! Не надо мить денегь вашихъ; я не люблю дочери вашей. я люблю Полину и ей предлагаю сердце и руку свою! туть-то и вапятая-никакъ не поналешь въ Моиморанси: то кареты, у которыхъ безпрерывно что-нибудь портится и ломается, то кучера.

Опать бъдный Нику сталь въ

тупикъ, степлуя

— Къ Чему-же голны деньги? восклицаетъ онъ. Всё отъ нихъ откавываются и когда я хочу обогатить кого нибудь, то меня-же за то презираютъ!...

Бѣдный милліонщикъ со-всѣмъ бы сбился до толку, еслибъ наконецъ не объяснилось все дѣло. Овъ узнаетъ, почему графиня отверглапредложенія его, и вторично предлагаетъ ей милліоны и сердце свое, чтобы, какъ овъ говоритъ, опа могла дать порядочное приданое дочери.

Пьеръ женится на графинѣ. Густавъ на Полинѣ, а дочь Пьера выходитъ за натаріуса Довилье....

Въ этой комедіи столько-же ума, сколько денегъ; на каждое острое слово приходится по милліону. Эпиграммы сыплются какъ золото. По окончаніи спектакля большая часть зрителей готова была бъжать их Индію — не отъ комедіи г-жи Апсло, нѣтъ! она слишкомъ-хороша, а — за милліонами, которые тамъ такъ-дешево достаются.

— Le voyage impossible, (Невозможное путешествіе), водевиль въ одномъдъйствін, гг. Ксавье и Ком берусса.

Это исторія весельчака Жобине, который нарочно привхаль изъ Новаго Свёта въ Парижъ, чтобы жениться. Онъ безирепятственно переплыль море и проёхаль не малое число станцій: остается только отправиться въ Монморанси, отыскать свою невёсту. Но воть

дешь въ Монморанси: то кареты, у которыхъ безпрерывно что-пибуль портится и ломается, то кучера. которые сбиваются съ дороги, то носильщики, которые колотять бъднаго жениха, и наконецъ, въ довершение всего, соперникъ, здоровый мужчина и отчанный забіяка, все это делаеть невозможнымъ путешествіе въМонморанси. Чтобы утвинться какъ-нибудь въ этой неудачь, Робине женится па первой попавшейся красавиць и отправляется обратно въ Нью-Горкъ отыскивать свой чемоданъ, который коммиссіоперь, по-опибкъ, отправиль опять тула, откуда онъ только-что прибыль.

THÉATRE DU PALAYS ROYAL.

automagenalik goan Ardeenea.

савью вт савых, водениль въ двухъ дъйствіяхъ, гг. Дюмановра и Мельвиля.

Карло едва минуло девятнадцать лътъ; онъ быль пажомъ герцога Пармскаго, отъ котораго убъжавъ, потому-что его хотьли выскчь за какую-то шалость. Прибывъ во Флоренціо, Карло дізается фехт-итанц-мейстеромъ. Молодые люди обоихъ половъ сходятся у Карло. Сколько сломанныхъ рапиръ валяются въ углу и сколько дентъ забыты на нескромныхъ дивапахъ! Въ квартиръ Карло, служащей фектовальной залой и будуаромъ, ввуки шпагъ, ударяющихся одна о другую, сливаются съ звуками поцълуевъ. Всъ синьйорины итальянскія безъ ума отъ хорошенькаго учителя своего. Прелествая герцогиня де-Фріола болбе другихъ влюблена въ Карло, по онъ еще слишкомъ-молодъ, чтобъ быть честолюбивымъ, а потому не раздѣляетъ любви ея.

Карло влюбленъ въ молоденькую ихорошенькую Амантину, актрису, за которою волочится мужъ герцогини. Желая удалить опаснаго соперника, герцогъ узнаетъ, что Карло убъжавшій пажъ герцога пармскаго, и велитъ арестовать его.

Но Карло ловокъ, смѣлъ и предпріимчивъ; онъ выскакиваетъ изъ кареты, въ которой везутъ его въ Парму, вскакиваетъ въ открытое окно, и, по счастливому случаю, попадается въ театръ, при которомъ находится Амантина.

Директоръ въ отчаяніи. Онъ только что узналь, что актеръ, занимавшій роли Арлекина, забольть. Не будетъ представленія, не будеть и сбора!.. Въ это самое время вбъгаетъ Карло; онъ слышить за собою голосъ герцога Фріола; что дълеть? куда дъваться?

Онъ видитъ костюмъ арлекина, тотчасъ наряжается въ него, изъ Карло превращается въ Карлена выходитъ на сцену, и узнавъ въ Коломбинѣ милую Амантину свою, играетъ съ такою живостью и граціей, что публика въ восторгъ.

Двректоръ не знастъ, какъ благодарить избавителя своего; герцогъ потерялъ слёды бъглеца, который вифстъ съ Коломбиной своей отправляется во Францію.

Пісска эта написана для милой, талантливой актрисы Дежазѐ, портреть которой быль приложень къ «Репертуару» въ прошломь году. Она играла роль Карло — слѣдовательно пьеса должна была имѣть успѣхъ.

THÉATRE DE LA GALTÉ.

off on how we through anyone

our sil tames on classes were

LA ВОНЕМІЕННЕ DE PARIS, (Парижская цыпанка), драма въ пяти дъйствіякъ, съ куплетами, гг. Поль де-Кока и Густава Лемоана.

Надовли всё эти цыгане и цыганки, выкроенные изъ «Парижскихъ Тайнъ! «Тёмъ-болье, что всё эти подражанія не что иное, какъ спекуляція. Ужасы, представленные въромань Сю, имьють достоинство правды и интереса; всьже подражанія не что иное, какъ грязныя картины, отъ которыхъ всякой невольно отвращается.

Какая-то парижская цыганка, г-жа Стюаръ, которую прежде звали г-жою Жюль, а до того г-жою
Едуаръ, а прежде всего Пальмирой, выведена на сцену въ самомъ
отвратительномъ видъ. Она дочь
тряпичницы и обманомъ, распутствомъ, даже воровствомъ, накопила себъ порядочное состояніе.

Эта многоименная госпожа украла молоденькую девушку, на красоге которой она основала надежду на богатую добычу. За молодую девушку, которую зовуть Жюльеттой, сватаются четверо мужчинъ: Виллафлоръ, сообщникъ г-жи Стюаръ, интригантъ, рыцарь промышлености, Монришаръ, богатый алвокатъ; Фернандъ, молодой Испанецъ, любимый Жюльеттой, и наконецъ какой-то таинственный герцогъ.

Цыганка даетъ балъ. Испанецъ приходитъ къ ней съ бумажникомъ, въ которомъ хранятся 400 000 ф., все состояніи его. Какая несообразность! Зачёмъ ему братъ всё эти деньги съ собою на балъ?... Авторы подобных драм не входять въмелочныя подробности; они заставляють других в поплачиваться за собственныя ощибки. Такъ и тутъ: не успъл повернуться Фернандъ, какъ 400,000 фр. какъ не бывало! По-дъломъ, впередъ будетъ умиъе!

Но Жюльетта знаетъ кто похотилъ бумажникъ; она въ зеркалъ видъла продълку мнимой матери своей, бросается къ ногамъ ея и умоляетъ, чтобы она возвратила бумажникъ. Тронутая убъдительными просьбами дочери, г жа Стюаръ возвращаетъ бумажникъ, только безъ денегъ.

Фернандъ играетъ въ карты, проигрываетъ бездёлицу, хочетъ заплатить, вынимаетъ бумажникъ... не тутъ-то было! Вмёсто денегъ онъ находитъ только слёдующую записочку:

 На балъ не берутъ съ собою 400,000 франковъ!

Всѣ совершенно согласны съ этимъ миѣніемъ и даже самъ Фернандъ видитъ наконецъ, что въ-самомъ дѣлѣ не слѣдовало брать съ собою денегъ.

Четвертое действіе происходить въ лавчонке старухи Крюшо, ростовщицы, торговки и меняльщицы. Пока она продаеть свое старье и закупаеть старыя вещи за десятую часть цёны ихъ, раздаются крийи: «Помогите! помогите!» и вскоре молодой человекъ вносить възавчонку молодую девушку безъ чувствъ. Молодой человекъ — Фернандъ; молодая девушка — Жюльетта, которая, понявъ наконецъ всю мервость поведенія той, которую она считаетъ матерью своею, решилась съ-горя утопиться. Въ бреду горячки Жюльетта обвиняетъ

мать свою. Туть-же открывается, что старуха Крюшо мать цыганки парижской.

Г-жу Стюаръ преслѣдуютъ; она скрывается въ загородномъ домѣ и хочетъ бѣжать за границу, но таинственный герцогъ, который не кто-иной, какъ шпіонъ, открываетъ убѣжище ея. Бъда!

Виллафлоръ требуетъ отъ цыганки половину денегъ, украденныхъ у Испанца; Монришаръ требуетъ 10,000 франковъ, которые она у него украла; дядя Монришара, старый распутный волокита, хочеть бъжать съ нею за границу; какой-то капитанъ Ламберъ требуеть 200,000 фр., которыя г-жа Стюаръ украла у него; сверхъ-того, капитанъ требуетъ еще, чтобы она отдала ему дочь его, которую она также похитила; Фернандъ требуеть 400,000 франковъ!.. Уфъ! дайте перевесть духъ! Сколько денегъ, сколько покражи!

Открывается, что Жюльетта дочь капитана Ланбера; молодой Монришъръ вызываетъ Виллафлора на дуель и убиваетъ его; каждый получаетъ деньги свои, а мнимый герцогъ арестуетъ г-жу Стюаръ, которую отсылаютъ на десять лътъ на галеры.

Страшио!..

THEATRE DE L'AMBIGU-COMIQUE.

Les Amans de Murcie, (Любовники въ Мурсіи) драма въ пяти действіяхъ и шести картинахъ, г. Фредерика Сулье.

мерзость поведенія той, которую на считаєть матерью своею, рѣшилась съ-горя утопиться. Въбреду горячки Жюльетта обвиняеть лій королевства Мурсіи. Это домъ,

или лучше сказать, кръпость дона Начеко. Только въ одномъ окив, сквозь бархатные занавѣсы, пробивается слабый свъть. Тамъ Стелла, дочь гордаго Испанца, забываеть весь свать въ объятияхъ дона Сильвіо. Но воть уже по горизонту протянулась слабая, красноватая полоса... наступаетъ утро. Пора разстаться. Стемла провожаеть Сильвіо, поже дення униволов пр

Въ это самое время влазаеть въ окно другой молодой человъкъ... ото графъ Виллафлоръ-Донъ-Жуанъ Мурсійскій. Вся Испанія гово рить о храбрости и шалостяхъ Виллафлора. Мавры боятся одного имени его, во за то сколько семействъ опозорилъ онъ, сколько молодыхъ девушекъ сделались жертвами прихотей его!. И теперь Виллафлоръ пробрался въдомъ Пачеко только для того, чтобы выиграть закладъ; онъ побился, что не позже двухъ дней прелестная Стелла будеть женою его.

Виллафлоръ одинъ въ комнатъ Стеллы. Чтобы привесть въ исполнение намврение свое, онъ громко начинаеть звать на помощь. Всв въ домѣ просыпаются и вбъгаютъ въ комнату молодой девушки, гав вастаютъ мужчину... о позоръ!

Отецъ Стеллы, донъ Генрикъприбъгаетъ первый; за нимъ является сынъ его Фаустусъ. Суматоха, шумъ, негодованіе, бъщенство. Подъ окнами мрачнаго дома собирается толпа народа, и Вилла. флоръ, удивляясь, что его не прокололъ еще вакой-нибудь толедскій кинжаль, выходить на балконъ, какъ будто-бы счастливый любовинкъ донны Стеллы.

Фаустусь хочегь убить дерзкаго, но старикъ отецъ останавли- детъ Стеллу въ церковь. Они об-

ваетъ его. Онъ умоляеть собравшихся родственниковъ простить преступной! Она тотчасъ-же должна выдти за Виллафлора, следовательно, честь славнаго рода Пачеко будетъ возстановлена не кровавымъ наказаніемъ, а свадьбой.

Является Стелла. Донъ Генрикъ со слезами на глазахъ дълаетъ ей выговоры, наконецъ прощаеть, потому-что Виллафлоръ согласенъ жениться на ней. взапаново данова

- Виллафлоръ! восклицаетъ молодая девушка, бросаясь къ ногамъ милостиваго отца: Отецъ мой! Я преступна, но люблю не Виллафлора; тотъ, который посягнулъ на честь дома нашего, тоть, кто мой любовникъ, мой мужъ, не Виллафлоръ! Это донъ Сильвіо де-Телno rvivra Child Bulera

- Теллесъ! Сильвіо!.. непримиримый врагъ дома Пачеко! О горе! Ава позора въ одну ночь, два стыда, два преступления!.... 000 000

Тогда Стелла зоветь себъ на помощь все свое мужество. Нетъ! она не откроегъ настоящаго позора своего роднъ. Она затантъ въ глубинъ души горесть свою, и выйлеть за Виллафлора. Измѣна за изм'вну, обмань за обмань; онь достигъ руки ея низкимъ поступкомъ, за то будетъ имъть жену обезчещенную падыть атоличает и

- Я выйду за графа Виллафлора! говорить ова решительно.

- Ты исполняешь долгь свой, говорить отець; потомъ, обращаясь къ сыну своему, Фаустусу, онъ говорить ему на ухо, глухимъ голосомъ:-не вабудь, Фаустусъ, мнв нужна жизнь дона Сильвіо Теллесавимия оплачии жувстира вно.

Виллафлоръ съ торжествомъ ве-

ввичаны. Возвративнись домой, вю. Двв враждущів семьн недодонъ Генрикъ, окруженный всею роднею, принимаетъ ихъ въ парадной заль, и энергическою, торжественною рѣчью, разъ навсегда объявляеть дочери, что съ этой минуты отцовскій домъ закрыть ANN HER! . . . TOUR MER STEP SHEET

Третье действіе происходить въ занкъ графа Виллафлора. Все проникауто какою-топечалью, грустью. Мурсійскій Донъ-Жуанъ надвялся. что гиввъ молодой жены скоро пройдеть и что любовые и пежною ваботливостью ему удастся поправиться ей, но увы! Стелла вепреклонна и онъ понялъ наконецъ, что она никогда, никогда не полюбитъ его!.. Еслибъ она кричала, плакала, рвала на себъ волосы, то быда-бъ еще надежда; но вътъ ни криковъ , ни слезъ... мрачный взглядъ, постоянное молчаніе, вотъ все, чемъ выражается горесть, отчаяніе, затанвшіяся въ глубинъ Aymu!nement a greenen!umyA

Несчастиве всего для Виллафлора то, что онъ искренно и душев но полюбиль жену свою - онъ даже ревнуеть. пробод применя по П

Король, которому надобли всв фамильныя ссоры, приказываетъ Виллафлору созвать късебъ на пиршество Пачековъ и Теллесовъ. Они соберутся, проведуть целую ночь вивств. обнимутся и къ утру будуть друзьями. Повинуясь воль короля, донъ Генрикъ со всемъ домомъ своимъ является первый... Грустный, печальный видъдочери, бавдное лицо са поражають старика и онъ вторично прощаетъ ей!-Сцепа эта чрезвычайно-трогательна и мастерски написава.

Ввучать трубы . Это фамилія Теллессовъ, ве доман гор дымъ Силь-

вкрчиво и съ ненавистно погладывають одна на другию. По первымъ словамъ ихъ видно, что примиреніе невозможно! Сильвіо, горя миценіемъ, собираетъ около себя всьхъ гостей и читаетъ баздаду, недавно сочиненную, въ которой подробно описываются всв обстоятельства женитьбы графа Виллафлорь, ил изганития биличеров

Мужъ Стелзы, отецъ ся и братъ слушають балладу, дрожа отъ гивва. . Стелла. быдная Стелла, которую жестокій Сильвіо такъ-хладнокровно поражаеть въ самое сердце, готова лишиться чувствъ... Донъ Генрикъ не въ-силахъ удерживать негодование свое: овъ бросаеть перчатку въ лицо смертельному врагу своему, но Виллафлоръ. не желая подвергнуться гивву короля, велить схватить обоихъ и посадить въ полземную темницу...

Четвертое абиствіе происходить въ темницъ. Слъдуя повельно короля. Визлафлоръ посадилъ дона Генрика вывств сь дономъ Сильвіо, надъясь, что, живя вывств, въ усдипеніи и безъ оружія, враги примирятся. Виллафлоръ сходить въ темницу и объщаеть заключеннымъ свободу, если они откажутся оть вражды своей и соединять силы свои, чтобы защитить отчизну отъ нашествія Мавровъ. Донъ Генрикъ, на котораго смертельно дъйствуеть удушливый воздухъ подземелья, съ радостио принимаетъ предложение зяти своего; но допу Сильвіо не нужно ни воздуха, ни солнечнаго свъта; онъ живетъ и дышить однимъ мщенісиъ, а потому обратить мысли евои на друг гіе предметы только тогда, когда сразится съ Виллафлоромъ съ Генривомъ, съ Фаустусомъ, со всёмъ родомъ Пачеко, которые для него ненавистиће Мавровъ.

Тогда Виллафлоръ открываетъ траппу въ темную яму, откуда выходятъ сырыя, могильныя испаренія. Онъ объясняетъ Сильвіо, что
вто попадетъ въ эту яму, тотъ
уже изъ нея не выйдетъ; въ ней
уже находятся трупы людей, несчастныхъ, которыхъ Виллафлоръ
уморилъ голодомъ!.. Ничто не дъйствуетъ на Сильвіо; онъ умретъ съ
голоду и жажды, но не примирится, и смъло опускается въ яму...

Является Стелла. Она узнала, въ какую пропасть низвергнули Сильвіо и рѣшилась спасти его. Она тайно унесла ключь отъ страшной ямы. Сильвіо свободенъ! Онъ все еще любить Стеллу и хочеть бѣжать съ нею, но графиня Виллафлоръ останется вѣрною мужу. Эта спена слишкомъ романическая — мѣсто и время дурно выбраны.

Стелла хочетъ вывесть дона Сильвіо изъ подземелья, но на порогь встрычается съФаустусомь!... Воспользовавшись отсутствіемъ отца, Фаустусъ переръзаль всъхъ Теллесовъ, всъхъ, исключая Сильвіо, за которымъ онъ теперь пришолъ. Стелла грулью своею защищаетъ безоружную жертву брата. и зоветъ на помощь. На крикъ ея совгаются люди графа и съ ними старый Пачеко. Видя, что сынъ его нападаетъ на безоружнаго, донъ Генрикъ вручаетъ обольстителю дочери своей собственную свою шпагу!.. Это слишкомъ-похоже на испанскій романсеросъ. Чудная привиздегія поэтической Испаніи! Изъ нея и съ нею можно дълать что угодно, и все будетъ хорощо, все будеть въроятно!

За этимъ следуетъ сцена, которую Фредерикъ Сулье могъ-бы уничтожить. Ивъ-самомъ-деле Фаустусъ поступилъ жестоко, безчедовачно, убивъ всахъ Теллесовъ, но слишкомъ-строго судить его нельзя, если по самой драмъ г. Сулье это въ тогдашнихъ испанскихъ правахъ! За что же всв нападають на него и осыпають проклятіями? Донъ Генрикъ, добрый старикъ, но немножко непостояненъ; то проклинаетъ, то прощаетъ, то говоритъ - убей, - то не тропь! Вѣдь опъ самъ требовалъ, чтобы донъ Сильвіо быль убить, а теперь, когда помогъ ему защититься, онъже принимается проклинать бъднаго Фаустуса! И Стелла, забывъ. что братъ мститъ за обиду, ей-же причиненную, начинаетъ проклинать его! А забавиће всего то, что и Виллафлоръ, который не имветъ никакого права проклинать кого. бы то-ни было, туда-же пускается вследъ за тестемъ и женою!.. Это такая ошибка, которая портитъ весь ходъ піесы и вызываеть невольную улыбку.

Последнее действіе съ великольпнымь спектаклемь, говоря слогомъ старинныхъ аффицъ. Донъ Сильвіо перешоль къ неприятелю; перемѣнилъ шлемъ на чалму: Христіанинъ клянется Магометомъ! Онъ подвель Мавровъ къ ствнамъ Мурсін; онъ начальникъ ихъ и, овладъвъ городомъ, предписываетъ законы побъжденнымъ. Фаустусъ, котораго, мимоходомъ замътить, отецъ простиль, ръшился лучше умереть, нежели преклонить кольни предъ нечестивымъ побъдителемъ. Стелла ждетъ смерги, какъ избавленія отъ страдавій. Вилла-Флоръ изчезъ, никто незнаетъ куда.

Лонъ Сильвіо объявляеть дону Генрику, что онъ пощадитъ Мурсію только съ однимъ условіемь : если донъ Генрикъ, Фаустусъ и Стелла явятся къ нему въ лагерь съ обнаженными ногами, съ веревкой на шев, съ повинной головою, и признаютъ его своимъ господиномъ и властелиномъ. Отецъ и сынь будуть рабами его, а Стелла вступить къ нему въ гаремъ. Надо признаться, что Донъ Сильвіо жестовъ. Онъ хочетъ сафлать рабомъ своимъ бъднаго дона Генрика, спасшаго его отъ неизбъжной смерти! Стелла, спасшая его изъ ужаснъйшей темницы, будеть наложницей его? Жестоко, потомучто... замолчите, г-нъ критикъ, и не мъщайте намъ слушать прекрасную драму, вашими, слишкомъ строгими замѣчаніями!

— Да развѣ вамъ нравится эта драма?

- Конечно!

- Она наводить на васъ страхъ?
- Ужасъ!
- И вы находите, что всѣ происшествія неожиданны и новы?
- Pasymberca!
 - Слѣдовательно, піеса хороша?
- Прекрасна! Молчите...

- Молчу.

Не-смогря на слишкомъ-жестокія требованія дона Сильвіо, донъ Генрикъ різшается ножертвовать собою, чтобы спасти Мурсію. Они отправляются въ неприятельскій лагерь.

Великолѣпная декорація. Развалины, лагерь, прекрасное мѣстоположеніе, облитое яркимъ, палящимъ солнечнымъ свѣтомъ. Въ ро: скошномъ восточномъ костюмѣ лежитъ на коврѣ Сильвіо, окруженный толпою невольниковъ. Медлен-

но приближается донъ Генрикъ съ сыномъ и дочерью... ноги ихъ обнажены .. у каждаго на шев веревка... слъдовательно все кончено – несчастные погибли!

Нетъ!... вотъ спаситель, вотъ графъ Виллафлоръ! Предъ нимъ самые дикіе мусульмане падаютъ ницъ. . что-же это значить? Послушайте Виллафлора; въ прекрасномъ монологь онъ разскажетъ вамъ, какъ онъ пробрадся до самой палатки наследника великаго Магомета, Абд-эль-Романа, какъ онъ выпросиль у него фирманъ, который повелеваеть победителямъ отступить отъ Мурсіи, и приговариваетъ страшнаго начальника къ казни!... Войско отступается отъ Сильвіо... все изм'вняетъ ему, онъ спасется бъгствомъ, но заставитъ Стеллу последовать за собою! И эта посабдняя надежда исчезаеть, когда Стелла говорить ему:

— Сильвіо! Мы умремъ вмѣстѣ! Та самая Стелла, которая, будучи дѣвушкой, предалась дону Сильвіо, не хочетъ взмѣнить мужу своему и сдѣлаться наложницей ренегата! Она поднесла емукубокъ съ ядомъ.

Оба умираютъ. Мурсія спасена. Этадрама въкоторой Фридерикъ Сулье развилъ всё высокія качества ума своего, должна была имёть и имёла большой успёхъ. Рыцарство, героизмъ поэтической Испаніи; сила действія, энергія и страсти лицъ, благородный, блестящій слогъ, проявляющіеся во всей піесе отъ начала до конца, поражають зрителей новизной и увлекатоть ихъ.

ug rote and one was some provided to be the a

a young will program to an it has said in

THEATRE DES POLIES DRAMATIQUES.

LES Mystènes de Passy, (Тайны Пасси), пародільь 11 (!) нартинахъ гг. Рошфора и Дортоа.

Опять Тайны Л. Куда скрыться, куда бъжать отъ нихъ?...

Но успокойтесь, таймы эти цестранны, пеужасны: овв не что иное, какъ пародія на мелодраму, которая съ такимъ великольпіемъ упала въ прошломъ мъсяцв. Пародія распространяется и на самыя имена.

Нъкто Пандольтъ (Rodolphe) живеть въ Пасси (Paris); онъначитался Париженить Тайнь и голько и бредить тъмъ, какъ-бы ему сдълаться новимь Родольфомь. Онъ посъщаеть самыя грязныя закоулки, кабаки, таверны, дружится съ самыми развратными извуньеми и самыми оборванными, отвратительными мошенинками.

Однажды онъ приводить къ себъ домой трехъ страшныхъ бродягь, съ которыми познакомился въ какой то тавериъ; садится съ ними за столъ, кутитъ, пируетъ, цьетъ, и новые приятели до того напиваются, что скатываются со стульевъ подъ столъ...

Это еще не все. Пандольфъвстръчаетъ молодую канатную плясуныю, которую выкучаетъ у хознава ея Суринёра (Chourineur) за 500 франковъ. Одинъ изъ бродягъ, которыхъ новой Донъ-Кихотъ привелъ къ себъ въ домъ, Лаколъ (Maître d'école), разсмотръвъ расположение квартиры его, влъзаетъ по балкону, чтобы обокрасть его. Пандольфъ защищается, но мэтръ Даколь упрятываетъ его въ погребъ; между - тъмъ Суринёръ спасаетъ шкатулку съ деньгами Пандольфа.

а привратникъ Кривад (Pipié) вытаскиваеть самого изъ погреба, габ онъ чуть не угонуль.

Авколь поймань и Пандольфъ въ наказание приказываеть обрить ему бороду, что очень-прискорбно Лаколю, потому-что вийстй со званиемъ бродяги и вора, овъ исправляеть въ мастерскихъ художниковъ должность натурщика.

Лаколь проклинаетъ Пандольфа. Сцена уморительно-смъщна.

Но вотъ является на сцену Гуранъ (Ferrand), страстно влюбленный въ плясунью, выкупленную Пандольфомъ. Онъ похищаеть ее и. запираетъ усебя въдом в. Пандольо в влізаеть вь трубу и освобождаеть красавицу. На него напаетъ шайка Лаколя, который хочеть отомстить за оскорбленіе, причиненное бородъ его. Суринёръ защищаетъ Пандольфа, но разбойники сильнъе; они привязывають обоихъ къ дереву. Пандольфъ силенъ; по уходъ негодневъ онъ разры. ваетъ веревки, которымъ связанъ и вывств съ Суринёромъ поджигаетъ хижину Лаколя...

Занавъсъ опускается и тотчасъ-

Пандольфъ опять сидитъ ва столомъ съ тремя бродягами, какъ въ нервомъ дъйствіи. Опъ выспался и видълъ страінный сонъ... слъдовательно, все разсказанное нами происходило не на-яву, а во-снф! Сновидъніе это такъ хорошо подъйствовало на Пандольфа, что опъ отказывается отъ маніи своей, прогоняетьбродягъ и жепится на кузинъ. Представленіе оканчивается картинами, представляющими четыре главныя сцены изъ романа Евгенія Сю.

- Сменной фарсъ. чен оппер вып

вънские театры.

meren ornermunta by our combar Lon

K. K. HOFTHEATER NÄCHST DEM KAERTNERTHORE.

Разопал Ввино, (Павкаль Брюно), романтическая опера въ 3-хъ дёйствіяхъ, перев. съ англійскаго фонъ Зейфридомъ; музыка Джона Л. Гаттона (Hatton).

Запавьсъ поднимается. Графиня Карини, супруга вице-короля сицилійскаго, спить и просыпается, испуганная страшнымъ сномъ. Около нея собпраются ея служанки и въ числъ ихъ Тереза, которая. по приказанію госпожи, должна выдти за-мужъ за Гіагано,придворнаго служителя. По Терезъ не хочется этого, потому-что она любить другаго; имя этого другаго она не открываетъ, но только даетъ знать, что опъ «благороднаго происхожденія. Потомъ графиня патетически поетъ:

«Geh', Theresa, bringe Nun Licht auf meine Toilette, Eh aus Parlermo kommt der Vice-König, Dass er die Königin des Festes nicht Im Dunklen mit den Gästen überraschte, r.e.

«Поди Тереза зажги свѣчи тамъ на туалетѣ, пока вице-король не возвратился изъ Палермо съ гостями и не засталъ насъ въ потемкахъ».

Тереза отвічаеть на это романсомь о Паскалі Брюно, страшномь атамані разбойниковь. свирішствующемь вы горахь. Какъ скоро Тереза уходить за свічами, является самь Паскадь Брюно и прямехонько въ спальню, Овь то са-

мый и есть тотъ незнакомецъ .благороднаго происхожденія, котораго любитъ Тереза. Теперь онь явился требовать у графини руку своей любезной. Графиия отказываетъ и убъгаетъ. Сцена перемъняется, приходитъ Гіатано, женишокъ Терезы, и поетъ себъ разудалую песенку. Потомъ является и Тереза; она сперва мечтаетъ опервой и единственной любви своей, и варугъ начинаеть вывств съ Гіатано веселую плисовую пъсню съ кастапьетами. Но вотъ начинается праздвикъ. Вице-король запъваетъ застольную пъсню, свита и лакеи подгагивають ему. Затвив появляется опять Паскаль Брюно, но уже не одинъ, а съ препорядочною шайкою подобиых в себ в «незнакомцевъ благороднаго происхожденія», и уволить Терезу въ вамокъ своихъ «благородныхъ» предковъ, т. е. въ горы. Такъ-какъ Тереза не противится такому похищенію то и вице король и ero soldateska, съ своей стороны довольно-хладнокровно смотрять на эту проделку, и не думають даже и попыгаться отнять у смъльчака его добычу. Бельшой финаль перваго дійствія.

Во-второмъ действіи Тереза въ обществі «благородныхъ незнакомпевь », товарищей ел возлюбленаго; однако, какъ кажется, ато общество ей не совстмъ-то нравится. Женихъ ел Гіатано отыскиваетъ еи, преобразившись въсемидесятизътняго бродячаго музыканта, и по-счастію разбойники не узнаютъ его. Вдругъ даютъ знать, что разбойниковъ преслідують; всі они стремглавъ разбігаются и прежде всіхъ Паскаль Брюно, который въ испугі забываеть даже захватить съ собою и свою возлюбленную. Оставшись одна, Тереза начинаеть философствовать и говорить слёдующія, в'вроятно, никогда не встречавшіяся ни въ какой роли оперной примадопны, вдохновенныя слова:

«Wie traurig ist die Einsamkeit!
Die silbergrauen Berge öd' und kahl
Strecken ihr Haupt zu stolzer Wolkenhöh'
Wie graue Riesen, die den Himmel stürmen.
Und ich—Atom, ich stehe an ihrem Fuss,
Verachtend sehen sie mir an, mir fehlt
Der Muth, der Riesen Blick' zu stehen,
Der finster brütent schaut in die Ewigkeit.

т. е.

•О, какъ печально уединеніе! Сребристыя скалы пустычными и голыми вершинами своими стремятся къ гордымь облакамъ, какъбулто тѣ страшные титаны, которые осмѣлились влести войну съ небомъ, а я – атомъ, стою у ихъ подножія; преврительно смотрять они на меня, и я содрогаюсь отъ взгляда этихъ великановъ мрачно, и сурово заглядывающихъ въ вѣчность».

Вследъ за этими и другими подобными высоко-патетическими, но ужъ со встыть не музыкальными, размышленізми, она поетъ арію на мотивъ полонеза изъ «Пуритане». Является опять Гіатано, и Тереза отправляется съ нимъ домой. Но передъ уходомъ захотвлось ей пить, и она пьетъ изъ перваго по павшагося ей подъ руку кубка, а въ кубкъто этомъ быль опічмъ, который повергаеть человька на цыыя трое сутокъ въ непробудный, подобный смертному сонъ. Только-что Тереза, напившись, уходить, является Паскаль Брюно. Видя, что его возлюбленная скрылась, онъ рветъ и мечетъ, и клянется отмстить за эту измину. Сце на перемъняется. Графиня проъздомъ останавливается на ностояломъ дворъ, а тамъ ужъ и для нея готовъ опіумъ. Смільчакъ Брюно взаумалъ усыпить ее и похитить. Однако такъ-какъ у графини не было жажды, то она и не напилась опіуму, а напилась его только одна изъ ея служановъ и въ слъдствіе этого поеть усыпительный романсъ о мальчикъ рыбакъ, и, не кончивъ его, засыпаетъ. — Совершенно-новый музыкальный фекть! Только усовла служанка уснуть, изъ погайной двери за обоями является ужасный Паскаль Брюно; по на этотъ разъ попадаетъ и самъ въ западню: съ другой стороны входитъ самъ вице-кородь съ стражею и захватываеть разбойника Напоследовъ опять явдяется Тереза. Опіумъ начинаеть дъйствовать въ ней — она леллется умирающею, какъ гласить либретто и хоръ поетъ: «Печаль разорвала ея сердце!» Большой финаль втораго акта. Что савлалось съ Гіатано, зрители не узнаютъ ни во второмъ, ни въ третьемъ актъ

Въ третьемъ акта графиня просить вице-короля помиловать Паекаля Брюно, который приговоренъ къ смерти. Вице-король отказываеть, и Паскаля приковывають къ статув на кладбищв. Графиня приходитъ и освобождаетъ его. Сперва это радуетъ его, потомъ онъ вспоминаетъ о своей мнимоумершей Терезв и хочетъ лишить себя жизни. Къ-счастію Тереза во время просыпается, вице-король вовремя одумывается, прощаетъ Паскаля Брюно, и Паскаль Брюноженится на Терезъ. Большой финаль третьяго авиствія. 11 420 - FY T

Вотъ вамъ и англійская романтическая опера! Въ музыкъ г-на Гаттона не достаетъ одного—изобрютенія! И этимъ, кажется, все уже сказано. Обстановка оперы великолъпна. Новые костюмы и новыя декорація г-дъ Бріоски, Миллитца и Шлегеля заслужили всеобщее одобреніе.

THEATER AN DER WIEN

or staten - coursely statement

ermender in a tradition of the subparence

DIE SPIELKAMERADEN, (Товарищи домства) шутка съ куплетами, въ 2-хъ дъйствіяхъ, Фридр. Кейзера. Мувыка Ад. Миллера.

Слесарь и садовникъ въ дътствъ были неразлучными друзьями и товарищами, дълили вмёсте радости и горе. Въ юношескихъ летахъ оба товарища влюбились въ одну и туже девушку, а какъ въ этомъ случат нельзя было уже подтлить ся, то соперники и сдълалась изъ арузей врагами. Враждаета не простыла и съ лѣтами; бывшіе друзья уже въ пожилыхъ лътахъ, оба уже отцы семействъ, а ненависть ихъ другъ къ другу все еще не погасла. У слесаря есть сынь, а у садовника дочь. Молодые люди пылають взаимною любовію, но вражда отцовъ нхъ не позволяеть имъ и думать о счастій обладать другъ-другомъ, и они страдають безнадежно. Потомъ оказывается, что дочь садовника, бывшаго когда-то солдатомъ, не дочь его, а приемышь, и что ей по силь какого-то завъщанія, приходится получить большое наслёдство. Но на это-же самое насатаство мътитъ какой-то лъсничій, и разными интригами старается захватить въ свои руки подлинное вавъщаніе, подагая найдти въ немь

какой-нибудь крючокъ, который можно будеть обратить въ свою подьзу и огнять у бъдной девушки ея собственность. Покуда онъ интригуетъ, старики какъто сошлись вивств, разчувствовались при воспоминаній о своемъдътствъ, помирились и саблались по-прежнему друзьями. Лесничій успеваеть наконець достать завъщание: но оказывается, что тамъ не къ чему придраться, и зъсничему пришлось отказаться отъ своего злаго намфренія. Названная дочь садов. ника получаеть наследство, и такъкакъ теперь преграды для счастія любовниковъ болъе уже не существуеть, то дело, разумеется, и кончается свадьбою.

Ясно, что такой сюжеть годилсябы скор ве для драмы, нежели для водевиля, и чтобы сдёлать изъ него шутку, Кейзеръ сдёлаль комическими три действующія лица. слесаря, жену его и подмастерье. Впрочемъ, въ піесѣ много хорошенькихъ сценъ, довольно остроумныхъ куплетовъ, и, не-смотря на нѣкоторыя длинноты, она понравилась и авторъ былъ удостоенъ многократвыхъ вызововъ.

THEATER IN DER JOSEPHSTADT.

EIN MORGEN, EIN MITTAG UND EIN ABEND IN WIEN (Утро, полдень и вечеръ въ Вънѣ). Мъстная картина съ пъніемъ и съ гимнастическими представленіями, въ 2-хъ дъйствіяхъ.

Піесу эту побудиль написать успъхъ поставленнаго Фридрихомъ Кейзеромъ на театръ an der Wien водевиля: Ein Morgen, ein Mittag und ein Abend in Paris, о которомъ

мы говорили въ прошедшей книжкв • Репертуара и Пантеона •. И дъйствительно, народная жизнь въ Ввав могла-бы не менве Парижа. доставить матеріаловь для комической піесы; но авторъ не обратиль на это впиманія; піеса его вся основана на гимнастических в экспериментахъ огличающихся теперь въ Ввив гимнастиковъ изъ Лондона, Слита, Кемпа и коми, и изь нея нечего не вышло. Аффиша привлекла въ теат ъ миогочисленную публику, ожидавшую такогоже великольпнаго спектакля, какъ и на театрь an der Wien, въ вышепобоеникова богдо узао не суще

-нои и долодичесо, отдетот и кон-

Alcue, are ranou clouer a rounded.

упомянутой піесь Кейзера; но она жестоко ошиблась, и довольнымъ остался одинъ бенефиціантъ, комикъ Фейтингеръ, въ пользу котораго дана была въ первый разъ эта піеса. Сшитый на живую нитку сюжегь песы состоить вы томъ, что черезъ-чурь уже совершеннольтиня вынская красавица отвергаеть съпреарвніемъ руку Француза и выходить за своего бывшаго опекуна. У гро означаетъ завгракъ въ комнать: полдень - обълъ въ Пратеръ, а вечерь-обляснение и заключение сердечнаго союза въ Шенбрунскомъ саду!

Caecapa in casaments as abreed

BELLEG AL. MELECOP

en den ersisas indorp n gangenon co myrny. Reliasys cabasas konsческима три денетачения зния. пристра, жену его и подмастерье. Ronogoma, as nicch anorm xopoправкить споль, довольно остроvansity evalerous, il. no-cuorpa na "SHROD ERO , STERRIBELL RESERVESTE SHARE H SETODE DELLE VACCTORRE WHO TO THE REAL PROPERTY AND THE PARTY OF TH TREATER IN DEAL OCCUPRITION. EIX MORGEN, EIN METTAG CAD RIN ARRED IN WIEN (Vypo, nothern a escens as Rock) Alberton caprons сь приједа и се гановогимескими appacrationisms, at 2-vs this Hicer are nobvaula rauncers теньхъ прегавленнаго Фридрикомъ Mencepons na rearos an der Wien BOARSHARD Ein Morgen, ein Mittag

в пиллател пининучания положной товерищами, сфанци вивека радоour excepte, and apparent neglected and cru a rope. Ils mnoinconny a strays оба чиварища выпопась въ оляч CITTAT MEASON CHILD THE HOLKINGS ся, то сопорыяхи и плалась на друзей врагама. Враждо эта пе проcraira n co abraun; facinia appara чевы помилыкь збракь, облуже отцы семейства, в пемациоть ихъ друга ка другу все сме по погасла. У слесала сеть сынь, в у садовина rose arosesian most margarett resunnom imposito, no spanca ocurora O STREET B JUH STERLOSEON OR STR счастіп обладать другь другь другомь. и они страдають берналешно, По-TOME ORGANISCETCH, RIO LOVE CRASSиня бывшие вогла-то (одлатом). no rossiero, a opaensimi, nuto eli no cart wakers to saubinania, apa--ыплоне вопытой апертов возорог отво. Но на это-же самое насътаorso abrura asandero abcansil, u -AB ROYSEGETO MEGINGTHE NUMBERS двагить пь спои руки подлинное und ein Abend in Paris, o coronous давъщаніе, пологая наймун въ немъ

STUDIES DESCRIPTION TO BE MORNEY VILLE VILLE BUT CHARLES HOCKES HOLD IN CHIL-

прикланать, носибациясь на рай (публика спотрить на нее равно-

BIN-Edwal.

PRESIDENCE OF SPRINGERS

терь-шетмейстеровь и прочить

ah, opendast nch inchenge ch

Орхистить деятеринбургодиго теэтре очень-кирошь и состоить иль

ersieus, no ne-escret na feb

crapacia canetencierens, c. Hon-

aponena, monoutro griorbin, energe

Abia, ucusa suornà necessitaveca MUSTARORS: MOTORY-STO SEED CHOPO

AND DESCRIPTION OF PROCES

од атинович и при провинитальные провинитальные ответствива да

телераях превидения актерану Екатеринбургскій театръ. niena companiarza 110, ana aust

BAKER H HOUSER'S RIBOR. REER-ORY

rpana nices, no proposi pasa mana

дущио: На откула, вопросъ, в ите

nce nomera nince a saka axa noставить на спену, особенно солер-

жателю прознацівального театра,

въиса вано, хорошо на пинатъси свои-

Ma polante, northerway no maio-

TYPE & CHREST DATES OF CV20HHSADAP

(Письмо кв Редактору). HER RECEIVED TO STORE BY ARBITANCE

Вы уже получили извъстіе о театрв, открывшемся недавно за Уральскими горами, въ Азіи, т.е., въ Екатеринбургв. За эту статью всв доброжелатели театрального искусства должны душевно отблагодарить г. Э. Сибирякова, который первый съумвав вполнв оцьнить труппу г. Соколова. Хотя и были въ разныхъ годахъ печатаны объ ней сужденія въ различныхъ журпалахъ, но всъ они полны пристрастія : тамъ разбирали всегда трушиу г. Соколова, им вл въ виду столичную сцену, чего ни въ какомъ случав двлать нельзя и

Разсмотримъ теперь г. Соколова съ его труппою въ Екатеринбур гв. Что она дълала, какія давала представленія и какъ удовлетворила завиниюю, довольно не кстати разборчивую публику? Начнемъ устройства театра. Театръ камен-

довольно - удобное, хотя для вавшаей публики театръ малъ. Зригели вом вщаются въ креслахъ. -этгел ви изхишитохен, чхинения рев, падъ ранкомъ) и райкв. Диванъ на 5 персон в (помъщаетъ впрочемъ свободно 6) стоптъ на одинъ спектакль 5 р. сереб., а на 25 спектаклей, составляющіе абонементь, 75 рублей серебромъ; кресла по 5 р. асс., а въ абонементъ по 1 р. серебр ; въ райкъ мъсто по 50 к. сер. - Внутренняя отдълка театра, благодаря стараніямъ г. Соколова и помощію, оказанною ему начальствомь, очень-хороша. Входы защищены отъ холоднаго воздуха особенным в устройством в. На-право, при входъ, помъщается буфетець (выдумка торговой промышлености, а не г. Соколова), т. е., въ какомъ-то подвалъ находится столь съ водкой, паюсной икрой и сёмгой для мужчинь; кромъ того вы увидите тамъ мочоныя яблоки, конфекты, сръщки и лимонадъ, любимое дамское лакомство отъ Петербурга до устьевъ Волги. Этими вещами наши юные франты номъ строенін; поміщеніе его, угощають дамъ, засідающихъ на

диванахъ и въ креслахъ. Дамы-же выхъ и новыхъ піесъ. Какъ-бы втораго разряда, т. е., жоны унтерь - шихмейстеровь и прочихъ приказныхъ, посмѣщаясь въ райкв. привозять всв дакомства съ собою.

Оркестръ екатеринбургскаго театра очень-хорошъ и состоитъ изъ 8 человъкъ, этого пока довольно. Музыка его слушается съ удовольствіемъ, но, не-смотря на всѣ старанія капельмейстера, г. Немвродова, молодаго человъка, вполнь обламающаго знаніемъ своего авла, нельзя вполнв наслаждаться музыкою: потому-что какъ скоро ванавъсъ опустится, то викто не обращаетъ вниманія на музыку, а всѣ завимаются разговорами и такъ громко, что нельзя услышать ви одного звука музыкальнаго.

Декораціи очень-хороши и г. Соколовъ старался о томъ, сколько ему было возможно. Девораторъ его, г. Михайловь (о которомъ ниже будеть речь) приложиль веф старанія, чтобъ театръ г. Соколова производилъ приятное впечатавніе на наше зрвніе. На костюмы г. Соколовъ не жалълъ денегъ, и мы видъли актеровъ во всъхъ піесахъ не только въ приличныхъ, но даже въ богатыхъ костюмахъ.

Малочисленность труппы и тьснота сцены не позволяли г. Соколову давать въ вынѣшнюю зиму ничего почти, кромъ однъхъ комедій-водевилей съ двумя или тремя операми. На драмы онъ и не попытался, по неимѣнію драматическихъ актеровъ.

Но, не-смотря на всв старанія г. Соколова, онъ все-таки долженъ быль слышать ропоть влёшней публики. Она требуеть все но. Посат этого сулите сами, чего

хорошо ни была поставлена и сыграна піеса, во второй разъ наша публика смотрить на нее равнолушно. Но откула, вопросъ, взять все новыхъ піесь и накъ ихъ поставить на сцену, особенно содержателю провинціальнаго театра, въ которомъ уже и безъ того актеры не успъють, играя четыре раза въ нелълю, хорошозаниматься своими розями, потому-что, по малочисленности труппы, одинъ и тотъже актерь должень выполнять роли. занимаемыя въ столичныхъ театрахъ нъсколькими актерами?

Всъхъ представленій было 57, а піесъ сыгранныхъ 115, изъ нихъ даны во второй разъ только 37. Представьте же себѣ скольковътри мъсяца, должны были одни и тъже актеры исполнить ролей!!! Для примъра могу вамъ, по върному вычислению, привести краткій обзоръ, сколько каждый актеръ въ продолжение этихъ трехъ мъсяцовъ выходилъ на сцену, а MMCHBO: And Profession of the Manager to and

Г. Головинскій	97	разъ.
Г-жа Ивапова	91	12.11
Г. Дмитріевъ	84	MED 4
Г. Поляковъ	58	TELSOI!
Г. Шумиловъ	55	SHEET ST
Г. Левашовъ	54	THURT
Г-жа Головинская	53	1 42101
Г. Васильевъ	52	HUE NO
Г-жа Дмитріева	46	HOLLO
Г. Михайловъ	45	12 (22)
Г. Ефимовъ	38	1 110
Д-ца Качевская	37	Chall.
Г-жа Ефимова	34	pulsar.
Г. Слукинъ	33	AULLO
Г-жа Садовская	31	THE PARTY
Г. Саловскій	29	HIED.
A STATE OF THE RESIDENCE OF THE PARTY OF THE	6000	1 Shirthead

150

AD

можно требовать въ отношении постановки новыхъ піесъ?

Но обратимся теперь къ самой трупов г. Соколова.

Первый сюжеть - самъ содержатель г. Соколовь. Хотя онг редко доставляль намъ удовольствіе видъть себя на сцень, по всегда вполнь удовлетворяль публику. Мы его видели въ «Ревизоре» Городничимъ, въ «Казакъ Стихотворцъ» Прудіусомъ, Богатоновымъ, Пустославцевымъ въ «Синичкинъ» и въ «Актеръ Музыканть» Колковымъ, и всегда были восхищены его игрой. - Но все-таки Прудіусомъ унесь онъ самое большое одобрение: онъ вполит поняль довольно-трудную роль, Прудіуса налменнаго, и отъ трусости низкаго малоросса, и сыграль ее безь малейшей ошибки, выдержавь эготь характеръ отъ пачала до конца піесы. Онъ, однимъ словомъ, актеръ, который смъло могъ-бы играть и на столичной сцень, не заставляя красивть артистовъ, находящихся съ нимъ на однъхъ и тъхъ-же до-CKAXBO APPROVINCENTED TO ENDING

Г. Полякова, весьма-отчотливый актеръ, заслуживающій первое мѣсто въ трупив г. Соколова. Главное его достоинство состоитъ вь разнообразіи игры. Играя весьма несходныя между собою роли, онъ умфеть впозиф понять характеръ роли и выдерживать его такъ, что его трудно узнать въ другой роди, и по этому доставляеть своей игрой большое удовольствіе. Мы вид'вли его Синичкинымъ, Кресчендо въ «Новомъ Бедламь». Гедрогеномъ въ Домъ Сумасшедшихъ », Курочкинымъ въ «Титулярныхъ Совътникахъ», Труфельяномъ въ «Мужъ въ каминь, Его амплуа на здъщней сцень са-

жена въ гостяхъ». Служакинымъ въ «Студенть, хористь, артисть и афферистъ». Пауковымъ «въ Архиваріусь», Роланомъ въ «Аввушка Гусара», Люстюкрю въ «Жена ва столомъ, мужъ подъ поломъ, Миловановымъ въ «Недотрогь», Силоромъ въ «Русской человъкъ добро помнитъ и Роде въ «Пожкъ и всв эти роли, какъ-бы разнообразны они ни были, были имъ исполнены весьма-отчотливо, и всегда быль онъ встрвчаемьо бщимъ восторгомъ. Изъ всехъ ролей, имъ сыгранныхъ, самая трудная была роль Гедрогена въ Лом в сумасшелшихъ .. и выполнена г. Поляковымъ такъ, что едва можно лучше ожидать и на столичной сценв. Изъ другихъ ролей заслуживаютъ особеннаго вниманія роди : Синичкина, Архиваріуса, Люстюкрю, Труфельяна и Кресчендо. По что миого говорить? г. Поляковъ актеръ прекрасный, знающій превосходно сцену и занимающійся не только выполненіемъ роли игрою, но и костюмомъ. Онъ не уронилъ-бы себя и на столичной сцень, и право, жалко видьть, какъ таланты, подобные г. Полякову, остаются въ неизвъстности и исчезнутъ наконецъ, не оставивъ почти пикакого воспоминанія по себъ, такъ-какъ извъстность провинціальнаго актера, которан у столичныхъ актеровъ называется славою, - весьма-мала.

Г. Головинскій, первый теноръ, имбеть, при хорошей игръ, еще то преимущество предъ другими актерами, что прекрасно сложенъ и приягной наружности. Голось его приятный, чистый, но несильный. Манеры его весьма-хороши.

мое обширное : онъ играеть исв актерь, играеть очень удачно роди первыя роди. Мы видели его Губ. кинимъ въ «Студентъ, хористъ, артисть и аферисты, Торонкою въ « Аскольдовой могиль», Славскимъ въ въ людяхъ ангелъ – не жена, дома съ мужемъ - сатаная, Сенвплемъ въ «Кегли», Эдмондомъ въ «Клятвь», Дерсаномъ въ «Дядъ на прокать ., Альфредомъ въ «Но вомъ Бедламъ», Легкинымъ въ Подмосковныхъ проказахъ», Алексъемъ въ • Семействъ Старичковыхъ. Ленскимъ въ «Свать не въ попадъ». Эльвиномъ въ «Hentert лунатикъ», Алинскимъ въ «Хороша и дурна. умна и глупа», Дервилемъ въ «По цвиув по векселю», Вальтеромъ въ •Не влюбляйся безъ памяти не женись безъ разсчота . Миловао ромъ въ «Оборотняхъ», Луцкимъ въ . Женщинв дунатикъ ., Филиппомь въ «Терезь». Мурановымъ въ «Архиваріуст», Ренвилемъ въ ·Первой любви», Лаверже въ «Любовномъ зельта, и Поповымъ въ «Дебюгь актрисы Троепольской.» -И всв эти роли сыграль онъ хорошо,

Да это не можетъ быть, скажете вы, столичные жители: какъ можно этому върить? Эго всь роли лучшихъ нашихъ артистовъ! И даже Эльвина сыграль онъ, - роль любимаго Европою Рубини! Не можетъ быть! А все-таки, милости вые государи, такъ, - онъ сыграль эти роли и хорошо. Уливляйтесь провинціальному генію! А въ Губкинъ и Торонкъ можетъ онъ даже тягаться съ столичными актерами, а Торопкою пожадуй отбивать славу у г. Леонова. - Г. Головинскій составляеть красоту провинціальныхъ театровъ.

Филатки, Жано Бижу, Рутли, Хлестакова въ Ревизоръ. Вареоломел въ «Дядъ на прокать», Фрейтага въ . Аввушвъ гусаръ., Ница въ . Дезертеръ, Карла въ . Первой любви», Прискаго въ Дебють актрисы Троепольской ,Шопена въ «Дъвушкъ рекрутъ и вообще роли, которыя носять типь простачковъ и дурачновъ. Особенно корошъ онъ въ розяхъ Жана Бижу, Рутли и Жака въ «Терезв ».

Г. Шумиловь, бывшій любимецъ казанской публики, постарълъ уже немного, но, не-смотря на то, выполняетъ нѣкоторыя роди весьмахорошо, на пр. Квинточкина въ «Актерѣ музыканть», Падчерицына въ «Хороша и дурна, умна и глупа» и Жовіаля въ «Стряпчемъ подъ столомъ». Также хорошъ онъ Простофилинымъ, въ маленькой оперъ • Мнимый невидимка .. Но роль, въ которой онъ успълъ заслужить полное наше вниманіе, именно Пудувикова въ «Русской человъкъ добро помнитъ. Роль эта была выполнена г. Шумиловымъ сходно.

Г. Левашова, комическій актеръ былъ-бы хорошъ,если-бы онъ тверже училь роли и не пересаливаль: бы. По все-таки есть роли, въ которыхъ г. Левашовъ хорошъ : Суфле въ «Секретарь и поваръ», Кречетовымъ въ «Титуларныхъ совътникахъ», Грифынкомъ въ «Утро журналиста», Копейкиномъ въ «Ломъ на петербургской сторонв», Ломомою въ «Аввушкъ рекрутъ»,-Сурковымъ въ «Купеческой дочкъ» и Педаленъ въ «Жена и воптикъ». Но роль, въ которой г. Левашовъ превосходить самого себя, родь Г. Амитрівев - очень-молодой Грицко въ Казакъ стихотворць ..

Г. Левашовъ имбетъ за то превосходство предъ многими другими актерами въ искусствъ прекрасно костюмироваться. Онъ умветь своимъ костюмомъ, всегда съ отчот дивостію подобраннымъ къ роди, обратить все внимание публики на себя и привести всъхъ и самыми пустыми розями въ смъхъ. Въ роли Садка въ «Аскольдовой могилъ», хотя и самой пустой, г. Левашовъ, и не говоря ни слова, насмещитъ любую публику. При всехъ этихъ достойнствахъ жаль, что онъ въчно г римасничаетъ. Г. Левашовъ составляетъ впрочемъ самое необходимое лицо въ дивертиссементахъ. Онъ пляшетъ превосходно по русски, по-цыгански и по-казацви съ г-жами Дмитриской и Садовской, которая съ особенною граціею является въ танцахъ.

Г. Садовскій - играеть старыхъ слугъ очень хорошо, и отличился въ роляхт. Муфле въ «Дівушкі рекрутъ и Жана Кокю въ Мужъ въ каминъ, а жена въ гостяхъ. в А въ роди Емельяна въ «Хороша и дурна, глупа и умна» не урониль бы себя и на столичной сцень. Онъ и суфлеръ. напражения при в см

Г. Михайловь - декораторъ, педавно началь являться и на сценъ, играеть слугь и молодыхъ простачковъ. И въ роляхъ Реонсета въ «Царствъ женщинъ», Наумыча въ «Вдова чиновника», Осипа въ «Ревизоръ и Мирошки, не найдетъ скоро себь соперниковъ

Г. Слукина - драматическій актеръ, о достоинствъ котораго еще не можемъ судить, потому-что драмы почти не было покуда въ репертуаръ г. Соколова. Роли Свътловскаго въ "Русской человъкъ

«Павелъ Павловичъ и его супруга» выполнилъ онъ хорошо.

Гг. Васильевт и Ефимовт - изъ нихъ первый развѣ только огромнымъ голосомъ замъчателенъ. играетъ деньщиковъ, а второй слугъ довольно-хорошо.

Между актрисами звъзда первой величины г-жа Иванова. Она играеть всв первыя роли во встхъ піссахъ, какія только входять въ репертуаръ г. Соколова. Она имъетъ голосъ чистый, сильный, очень-приятный. жаль, что мало обработанный. Играеть она оченьотчотливо, стараясь выполнить самыя мелочи даже и въ костюмахъ. Между всеми провинціальными актрисами надобно ей, по всей справедливости, назначить первое мъсто. Она притомъ-же любимица нашей публики, а особливо молодыхъ нашихъ франтовъ; толькочто пвляется, и франты встрвчають ее оглушительными апплодисментами. Ворочемъ, я видълъ этихъ-же самыхъ франтовъ, аплодировавшихъ актеру, который выходиль объявить о следующемъ спектавав. О tempora, о mores! Мы видван г-жу Иванову въ савдующихъ роляхъ : Амины въ • Невъсть лунатикъ, Нагаши въ «Женщинь зупатикъ», въ «Украинской певесть, Кетли, Настиньки, Лизы Синичкина, Педлё: ры въ «Парствъ женщинъ», Маріи въ . Клятвъ ., Аглан въ «Новомъ Бедлам'ь», Славской «Въ людяхъ апгель - не жена, дома съ мужемъ сатана», Катерины въ «Катеринъ или золотой крестъ ., Надиньки въ «Хороша, дурна, и глупа и умна», Троевольскій въ "Дебють актрисы Троепольской • Эммелины въ • Пердобро помянть и Радугина вы вой любви , Терезы въ Терезъ,

Катерины въ «Любовномъ зельв», Пакеретты въ «Жена за столомъ, мужъ полъ поломъ ., Маруси въ «Казакъ стихотворцъ», Тансін въ «Оборотняхъ», Надежды въ «Аскольдовой могиль и Жанетты въ «Поцьлув по векселю». И всегла г-жа Иванова исполняла всѣ эти роли, къобщему удовольствио, превосходно. Но особенно хороша была она въ « Heвberb лунатикъ», въ «Катеринь или золотой крестикъ», въ • Людяхъ ангелъ - не жена, дома съ мужемъ сатана» и въ «Женщинъ лунатикъ». Особенно павнила она насъ своимъ превосходнымъ представленіемъ соннамбульнаго состоиотвати итринавно-остом от Р. віня актрисы, еслибъ она имъла случай усовершенствоваться на стозичной сценъ? симпин в Отоба

Г-жа Головинская — актриса опытиая, знающая вполив сцену и исполняющая все роли съ большою отчотливостію. Мы ее вильли женою Городинчаго въ "Ревизорв, Багатоновой, Радугиной въ «Павель Павловичь и его супруга», Трамболиной въ Парствъ женщинъ ., Ладочкиной въ . Купече ской дочкъ ., горничной въ . Украинской невъсть, г жою Бардехъ въ • Свадьбѣ по судейскому приговору» и рози эти были ею исполнены прекрасно; но въ роляхъ Глафиры Гурьевны въ Студенть, артисть хористь, и афферисть, Мароы въ • Архиваріусь и Влюбчиной въ «Вдовъ чиновницъ» она была почти неподражаема и заслуживаетъ за эти роли полное внимание всъхъ любителей театральнаго искус-CTBay y n castle and another

Дювица Качевская – молодая актриса, подающая большія надежаы; жальтолько, что по молодости у ней голосъ еще слинкомъ-слабъ. Но Лизой Синичкина, Лизбетой въ «Дезертиръ», Джиною въ «Не влюбляйся безъ памяти, неженисьбезъ разсчота» и Луизой въ «Узкихъбашмакахъ», она доставляла намъсвоей игрою удовольствіе и надежды на будущность.

Г-жа Ефимова — играеть ворчливыхъ женщинъ хорошо, и почти неподражаема въ «Актерь музыканть» Колковой.

Г-жа Дмитріева—играетъ горничныхъ,

Г жа Садовская, дъвщы Петрова и Языкова – исполняютъ незначительныя роли довольно-хорошо,

Въ заключение долженъ я еще сказать несколько словъ, чтобъмою статью не приняли за пристрастіе къ труппв г. Соколова. Г. Соколовъ имѣлъ до появленія статьи г. Сибирякова несчастіе быть всегда осуждаемъ съ своею труппою. Но отчего эго происходило? Людей, взявшихъ на себя трудъ критиковать труппу г. Соколова можно причислить кътретьему разряду крикуновъ и критиковъ г. Сибиракова, т. е., людей просвъщенныхъ, но смотрящихъ навсе въ ту склое стекло. Чтобъ дать настоящую цъну провинціальному актеру, надобно умъть вполнъ понять его назначение и трудность его званія.

Провинціальный актеръ не можеть выбрать себѣ роль по своимъ способностямъ, но долженъ играть, что ему даютъ Можетъ-ли онъ послѣ этого выполнить всѣ роли безъ всякаго осужденія? Если онъ половину ролей исполняеть хорошо, то заслуживаетъ даже предпочтеніе предъ большею частію столичныхъ актеровъ, которые тыть только имыють предъ нимъпреимущество, что, вграявсегда свойственныя себь роди, не обнаруживають своихъ недостатковъ. Я видаль самъ столичный театръ въразное время, видаль и столичныхъ артистовъ, игравшихъ вифстф съ провинціальными на одной и той же сцень, и могу по этому судить объ игрь ихъ. Самое лучшее доказательство достоинства какоголибо актера, и мъсто, которое ему дано публикою, доказывается его сборомъ въ бенефисъ своемъ.

Нашъ театръ даетъ содержатедю, если биткомъ набитъ, 600 съ
чъмъ-то рублей. Не удивительно-ли
же слышать, что напримъръ, г-жа
Иванова собрала въ бенефисъ 2500
руб., г-жа Головинская 1600 руб.,
г. Головинскій 1400 руб., г. Поляковъ 1400 руб., г. Дуитріевъ 1200
руб., г. Левашовъ 1500 руб., г.
Немвродовъ 1000 и г. Васильевъ
600 *. Эти сборы вполнъ доказываютъ какъ достоинство актеровъ, такъ и ревность нашей иублики къ поощренію искусствъ.

И послѣ этого вы скажете еще, что мы Сибиряки не можемъ имѣть удовольствій и не умъемъ ихъ цѣнить. Нѣтъ, извините м. г. и «мы видали виды», и мы умъемъ цѣнить и поощрять таланты.

Мы приютили г. Соколова такъ, что, надъемся, онъ насъ не оставитъ и мы будемъ имъть удовольствіе владъть постояннымъ театромъ. Теперь постояъ г. Соколовъ ванимается пріобрътенніемъ новыхъ автеровъ и постановкою новыхъ піесъ.

Посав Пасхи, до авта, начнутся

опять представленія и полуду им'єть удовольствіе, если вы примете благосклонно эту мою статью, снабдить вась снова изв'єстіями о ход'єтеатральнаго искусства унась въ глуши, (какъ называють нашу гостепріимную страну) въ Сибири, за Уральскими горами.

Съ истинны в уважениемъ честь имъю быть м. г. вашъ покорнъй-

Contre-Bapans.

Екатеринбургъ. 14 февраля 1844 г.

Еще о Екатеринбургскомъ . Театръ.

DESCRIPTION STRUCTURES

OTREBURG AND ATOTER CHARLEST CONTRACTOR

appearance on the valority beneget

Вотъ и нашъ ва Уральскій городъ Екатеринбургъ, лежащій на большомъ сибирскомъ тракть по восточную-азіатскую сторону древнягоРифея, нашего золотаго пояса, видимо просвъщается. Кромъ безпрерывнаго благоустройства этого стариннаго, въковаго города, недавно возобновленъ въ немъ благородный Клубв, въ собраніяхъ котораго участвують почти всъ чиновники и многіе изъ купечества, весьма-зажиточнаго; еще недавиве открылся завсь публичный театрь, по всеобщему желанію; онъ устроенъ покуда въ старомъ казенномъ зданіи, но здішніе граждане нам'трены построить вновь огромный домъ для совокупного помѣщенія клуба и театра, въ большомъ размъръ. Поддержку всвхъ этихъ общественныхъ увеселеній и предпріятій составляеть главный начальникъ Уральскихъ Горныхъ заводовъ В.

^{&#}x27; Слова г. Соколова.

А. Г., который непрестанно вабо- для 25 спектаклей въ кресла и батится о благоустройствъ города и нользь его разнообразнаго общества. - Слукъ о такой цивилизаціи Екатеринбурга, въроятно, разнесся по ближайшимъ окрестностямъ Пермской губерніи, почему и начали сюда приважать разные артисты и даже ремесленники, какихъ прежде воисе не бывало въ завшнихъ мъстахъ.

Такимъ-образомъ, въ концѣ минувшаго 1843 года прибыла въ Екатеринбургъ особая труппа актеровъ солержателя г-на Соколова. страстнаго любителя сценическихъ представленій. Онъ уже извістень своею хорошею труппою кестромъ музыки въ городахъ Кавани и Уфъ. гав въ посавание го ды даваль многіе спектакли, засдуживше одобрение дучшей пу блики, какъ объ этомъ отозвались п въ Репертуарт и Понтеонь. Въ Казани, бывшій (въ 1842 году) пожаръ много повредилъему, потому онъ переселился было въ Уфу, глф однако не нашодъ себь успъхачто, по-видимому, и заставило его со всею братіею перебраться къ въ Екатеринбургъ, столько уже извъстный своею зажиточностью и вкусомъ къ изящному; но при такихъ странствіяхъ участь г-на Соколова везав одинакова: главное устройство для театра надобно заводить почти снова, бол веже всего декораціи, которыя трудно перевозить съ собою. Итакъ, устроивши вавсь, въ Екатеринбургћ, свой подвижной театръ на скорую руку, но съ должнымъ изяществомъ, онъ открылъ его, съ дозводенія начальства, въ октябрѣ прошлаго 1843 года, приглашениемъ вочтенной публики на абонементь звучный голось; далье

лконъ съ диванами (для семействъ - вивсто ложъ) за умвренную цвну, что было вдругъ разобрано съ уплатою денегъ, необходимыхъ на поврытие чрезвычайныхъ расходовъ для сказаннаго устройства, гдь, кромъ довольно - общирной сцены съ уборными актеровъ, помъщается зрителей - въ креслахъ, диванахъ и партеръ (за креслами, подъ балкономъ) до 200 человъкъ. Первоначальное представление состояло изъ двухъ піесь: оперы Женщина лупатикь и водевиля Ножка, которые сыграны были весьма-хорошо, особливо послъдняя. Потомъ еженельно - до святокъ, - давалось по два спектакля въ абонементъ и одинъ (по воскресеньямъ) не въ счотъ абонемента. Преимущественно играють новые водевили, изъ коихъ многіе идутъ весьма - удачно; по большія піесы - комедін и н'вкоторыя оперы, на пр. Невъста-Лунативъ (итальянская) разысрываются не удачно по недостатку дъйствующихъ лицъ, хотя въ комеліяхъ участвуеть и самъ г-нъ Соколовъ, довольно хорошо играющій главныя роли: Богатолова или провинціала въ столиць и Городициато - въ Ревизоръ Гоголя. Но за то маленькій оркестръ музыки этого странствующаго театра, можно сказать, прекрасенъ не только для спектакля, но и для бала, какіе здісь бывають нерідко, при чомъ недостаетъ лишь контрбаса. - Изъ прочихъ дъйствующихъ лицъ труппы Соколова Prima-donna есть Инанова, мододая и преспособная имъющая довольно - приятный и

Головинскій, представляющій разнообразныя роли и поющій теноромъ: Полякова, какъ дъйствительный и ловкій актеръ для многихъ полей: Амитріевь, способный бол ве представлять дурачковъ и лакеевъ: Михайловъ, онъ-же и декоратеръ театра, им вющій боль шую способность кь ролямъ простяковъ - резонёровъ (въ комедіи); Левашова, онъ-же и танцмейстерь. довольно-спогобный актерь, по жаль, что имбеть сиповатой голосъ, кажется, отъ природы; Головинская, жена вышеупомянутаго актера, способна играть старыхъ барынь и кухарокъ или нянюшекъ; Амитріева, жена тоже упомянутаго актера, хорошо играетъ горничныхъ служанокъ, хотя и слаба голосомъ; она и танцовать можеть порядочно — въ роль балетномъ: одругихъ разныхъ действующихъ лицахъ въ мужскихъ и женскихъ родяхъ говорить нечего: всь они довольно - посредственны или велостаточны для сцены; есть однако между ними болће способныя, на пр. Садовскій (суфлёръ), дыв. Качевская и н. д.

Въ-продолжение вынашихъсвятокъ – праздника Р. Х. – труппа г-на Соколова представляла какоето perpetuum mobile, то есть, играла ежедневно, разумъется, болье для своей выгоды. Между - прочимъ давились и бенефисы ивкогорымъ лучшимъ актерамъ, актрисамъ и капельмейстеру; изъ нихъ ргітаdonna Иванова собрала въ свою пользу разомъ до 3,000 руб. ассиг. Савдовательно, таланть и вдёсь равно уважается. Но усилевность или безпрерывность спенической игры нередко сбиваеть съ толку действующихъ лицъ и уто- Екатеринбургъ.

мляеть или охлаждаеть врителей, отчего актеры дурно знають роли. не выдерживають характера ихъ. теряють голось и проч., а зрители перестають восхищаться спектаклями, осгавляють ихъи проч. Это легко можеть случиться и съ нашимъ театромъ ревностнаго Соколова, которому надобно быть умьрениве, давать лучше спектакли, да только поръже, и наблюдать за точностію ихъ исполненія побытая всъхъ пропусковъ и неумъстныхъ. лишникъ прибавокъ или фирсовь; тогда его походный театръ болье воддержится для славы и пользы своей. Нетолько содержателю театра, но и режиссёру его не должно забывать, что отъ небреженія или незнанія ролей теряется эффекть представленія, равно вакъ и отъ пенаблюденія мальйшихъ требованій разыгрываемой піесы. Все это скорве замвчается любителями сценическихъ удовольствій на домашнемъ или небольшомъ театръ, нежели въ огромномъ его помъщении, какъ на пр. въ столицахъ; а всякое такое замъчаніе нарушаеть желаемое удовольствіе и даже правственную пользу, доставляемую весьма-многими піесами. На сцень все должво стремиться къ одной цвли (ensemble), какой требуеть самая піеса, и за выполненіемъ этого сабдуетъ наблюдать въ особенности неослабно, въ чомъ и состоитъ главное дѣло режиссера или антрепренёра, какъ хозяина своего теагра: члены безъ головы однообразно, успъщно дъйствовать He MOLYTE ON HUMBOOMS 4500 404

7-го инварл 1844 Екатеринбургъ.

КІЕВСКІЙ ТЕЛТРЪ.

MOTORNES CAMPAGES OF MER AVEREN

(съ 13 декабря 1843 по 6 февраля 1844 г.)

Въ прошломъ году, съ августа мъсяца до декабря, кіевскій театръ быль закрытъ, за отъ вломъ трупны Каратьева въ Полтаву. 14-го декабря 1843 году, разнесенныя афиши возвъстили объ открытіи спектаклей на кіевской спент новоприбывшею труппою Рекановскаго; но предубъжденіе кіевскихъ жителей противъ этой трупны было такъ-велико, что въ первыя три представленія театральная вала была почти пуста.

Г-иъ Рекановскій уже 14 льтъ странствуеть то съ польскою, то съ русскою труппою по всему западному краю Россіи, отъ Смоленска до Одессы. Привады его въ Кіевъ всегла были чрезвычайно неудачны. Здъшняя публика, избалованная игрою привзжихъ изъ столицъ артистовъ, Мочалова, Щепкина, Мартынова, и и которыхъ провинціяльныхъ знаменитостей: Рыбакова, Молотковской, Мочаловой, не могла безь не удовольствія и скуки смотрыть на этотъ сбродъ полупольскихъ, полурусскихъ актеровъ съ ихъ доманымъ наръ-TIERS HOUSENESS ES OCCUPANT

Артистовъ этой труппы должно раздълить на три разряда.

Къ первому разряду принадлежатъ актеры и актрисы польскаго происхожденія, которые хотя и не всѣ безъ дарованій, но едвали могутъбыть на нашей сценѣ, потомучто дурно владъютъ русскимъ языкомъ.

Ко второму разряду относятся актеры, попавшіе сюда изъ другихъ труппъ, занимающіе здѣсь главныя роди: они всѣ имѣютъ болѣе или менѣе, слособности къ сценѣ и, какъ природные Русскіе, знаютъ языкъ, но по-несчастію не всегда могутъ владѣть имъ.

Третью часть труппы составляють большею частію новички на сценв, и только они одни привлекають вниманіе зрителя своей игрой, въ которой замвтно часто истинное дарованіе и хорошее изученіе ролей.

Перваго разряда лица слъдующія:

- 1. Самъ содержатель труппы, Г. Рекановскій. Онъ очень-хорошъ во всьхъ малороссійскихъ комическихъроляхъ и нестериимо дуренъ во всехъ русскихъ. Въ Сватаны на Гончаровки, розь Стецька была выполнена имъ съ искусствомъ близкимъкъ совершенству, и проникнута юморомъ въ высокой степени; но да сохранитъ его Аполлонъ браться за такія роли, какъ напримъръ Бургомистра въ Сар-Корабельном в Мастерь дамскомв или Учителя въ комедію Учитель и Ученико. А Чапиневони - в вот
- 2. Г-жа Рекановская неутомимая жрица Мельпомены въ теченіе 20 лѣтъ. Въ трагеліяхъ, въ водевиляхъ, въ комедіяхъ – вездѣ она играетъглавныя роли, и могла бы быть замѣчательной артисткой, еслибы внала русской языкъ и удерживалась отъ безрперывныхъ жестовъ. Въ игрѣ ея часто проявляется глубокое чувство и всегла видно прилежное изученіе роли.
- отъ русскимъ 3. Г. Зборовскій, занимающій такъ-называемыя роли резонё-

пимо коверкаетъ слова и коверкается самъ; онъ и г-нъ Мей немогуть вовсе быть терпимы на русской сцент, по незнанію языка.

Лица вгораго разряда:

1. Лебедевъ, молодой человъкъ съ несомивиными способностями къ сцень, но онъ вовсе не заботится ни о выполнении своихъ ролей, ни объ изученін ихъ. Онъ быль оченьхорошь въ роль Жучка, въ вол. Авло во шляпь, и въ графъ Велидовь въ трагедіи Людмила; но ва то испортиль почти всв другія свои роли. Въ драмв Тереза, играя пастора, онъ до того вывелъ изъ теровнія публику, что содержатель принуждень быль передать окончание роди другому ак-Tepy. wena manatammera diamon in

2. Тапрягинъ играетъ главныя роди почти во всъхъ піесахъ; но только въ роляхъ солдатъ онъ былъ

довольно-хорошъ.

3. Новиковъ владеетъ истинпымъ комическимъ дарованіемъ. Разнообразіе, простота и особенное, ему свойственное выражение голоса, могуть савлать его замвчательнымъ артистомъ на всякой сцевъ. Напрасно онъ прибъгаетъ часто къ фарсамъ, которыя смѣшатъ только раёкъ и иногда портять цваую піесу.

ат Артисты третьяго разряда:

Г. Алынаровъ - молодой человъкъ, одаренный отъ природы всъии средствами, чтобъ быть хорошимъ трагическимъ актеромъ: сидою чувства, звучнымъ голосомъ мастерскимъ умъньемъ читать стихи и прозу и пріятною наружностью. Ему не достаетъ знанія сцены, развязности и довкости - качествъ приобратаемыхънавыкомъ: обще по ел танцамъ трудно вамъ-

ровъ и иногда комическія, нестер- а онъ, какъ говорять, еще въ первый разъ выступиль на театральное поприще, и очень-жаль, что онь избраль для своихъ дебютовъ такую труппу, въ которой нътъ ему не только образдовъ, но даже товарищей для поддержавія его Лучшія его роли были Франца (въ Сардамском в кораб. Мастерь) и Короля Энціо. Не совътуемъ ему браться за комическія роли. Онъ урониль себя въ роли Шпака (въ Ком. Шельменко) и въ Исчаянномь гость, какой-то новой нигав неигранной комедіи, безъ смыслу и толку, взятой изъ . Мая-Ka.n

2. Г. Карповъ быль довольно-хорошь въ нѣкоторыхъ серьёзныхъ роляхъ и въ особенности въ роли Вознаго въ Наталкъ Полтавкъ: но для главныхъ драматическихъ ролей у него не достаетъ средствъ.

З и 4. Дъвица Колумбъ и Г-жа Ящултъ-артистки съ дарованіями: первая вообще для водевильныхъ родей, вторая исключительно для комическихъ ролей простонаролнаго быту. Первая была прелестна въ Честолюбивай Штопальшиць и въ Жена каких много, вторая отличалась въ Одаркв, въ Сватаньи на Гончароски, и въ Мъщанкъ Пошлепкиной въ Ревизоръ, понита, ни другая не должны браться за драматическія роли, къ которымъ онв вовсе неспособны.

5. Д-ца Рекановская очень-молода и мила, и если будетъ пот прже учить свои роли, то современемъ можетъ блистать въ роляхъ гризетокъ. для допу и изэ

Въ антрактахъ почти въ каждомъ спектакав танцовала А-ца Алель и иногда очень-мило; но воТальйони (?!), какъ это было объявлено на афишахъ. Оркестръ Рекановскаго очень порядочный, но

rates degrees as correged pares cay ac rostne of paramete, no take

attent . Irunia ero posa Gana deputing se Constance are arrest. Mis-

тить, что она ученица славной костюмы, а въ особенности лекораціи, никуда не годятся.

апурпацата по в Опътана почива

es on secondo L manno

II. TOMHAOBCKIN.

овозръніе петербургскихъ концертовъ. creus ens Sparted of Chargockie

Laudenne Lange of a constant employed in an and constant ero

post, One victima ivide us near съ 13-го февраля по 17-е марта 1844 года.

Наступиль великій пость и ежеобычно потянулись длинною вереницею концерты, а вивств съ тымъ настало вольное или невольное опустошение кармановъ у любителей. Казалось-бы, что въ великомъ пость сабдовало слушать музыку истинную, какова, на прим'ють, музыка трехь отцовь -Гайдна, Моцарта, Бетховена! Инчуть ни бывало: мы и въ великій пость продолжали восторгаться прсичи стачененой платинской музыки. Словомъ, на этотъ разъ и въ пость у насъ была италіниская опера. - Мы не отвергаемъ, что приятно послушать такихъ артистовъ, каковы Рубини, Віардо, Тамбурини, и высоко ценимъ таданты ихъ; однакожь вовсе не разавляемъ мивијя, будто-бы итальянская музыка, которую только и поють они, можеть доставлять постоянное удовольствіе и пищу для души и ума. Напротивъ-того, мувыка итальянская совершенно подобна сахарной пищь, которая, если употреблять ее часто, слъдается приторною, - даже несно-

мвсть, скука и монотонность? Что такое всв эти водянистыя порожденія незаконной фантазіи, жалкія пародін на творенія геніальнаго человька, каковы всв эти «Соннамбулы», «Лючін», «Пормы» и тому подобный музыкальный комплотъ?! Мы небудемъ оспаривать, что изъ италівнской музыки можно еще слушать музыку Россини; быда, что первокласные артисты, если и пъли что-нибудь изъ его музыки, то весьма и весьма-ръдко, и то по большой части однѣ и тѣже піесы. Напримъръ, ни Рубини, ни Віардо, ни Тамбурини, не соизволили исполнить ни одного нумера изъ великаго творенія пезарскаго маэстро, - изъ его Вилыельма Теля: напротивъ того предпочитали ничтожную музыку Беллини и Донидзетти, которая только щекотить слугъ, не доставляя удовольствія ни сердцу, ни уму, и часто раздираетъ уши неумъстнымъ и страшнымъ злоупотребленіемъ тяжолой артиллеріи оркестра. Конечно и то правда, что спъть что-нибудь изъ Вильгельма Теля п сною. - Да и что такое вся музы- притомъ съ достоинствомъ, горака какихъ-вибудь Беллини и До- вдо-потрудние, нежели исполнять нидзетти, какъ не наборъ общихъ всё эти сахарныя песенки Беллини и Донидзетти. Притомъ-же въ музыкъ «Вильгельма Теля» исполненіемъ нельзя стать выше композитора или поровняться съ нимъ; много, слишкомъ уже много былобы, если-бы исполнение оказалось достойнымъ музыки; здёсь нельзя также извлечь восторженныхъ рукоплесканій, однимъ, авумя ничтожными эффектцами, какъ обыкновенно бываеть въ піесахъ Беллини и Лонидзетти, а можно заслужить одобреніе только отличнымъ, во всъхъ частяхъ, исполненіемъ... Но не въ томъ дело. По нашему мивнію, вообще новвишая итальянская музыка есть почти анохронизмъ. Музыку нашего времени составляють Донь-Жуань Моцарта, Симфонія - Бетховена, а не какія-нибудь плаксивыя и руладныя пъсенки одряхлъвшей Игаліи! Въ-самомъ-дъль, должна-ли имъть мъсто подобная музыка, когда уже существуетъ музыка Моцарта, Бетховена, Вебера, Мейербера?... Конечно Итальянцы музыки этой не понимають, такъ пусть себь и слушають свою пресловутую мувыку; но странно то, что и Европа до-сихъ-поръ не можетъ отказаться отъ этой матеріальной музыки, которая составляла самую существенную и необходимую принадлежность восемнадцатаго въка: въ наше-же время сдълалась почти-анохронизмомъ.

Для порядка напомнимъ, что концерты начались съ воскресенья первой недъли великаго поста (13-го февраля), концертами прави месторыхъ, какъ всъмъ извъстно, важнъйшую роль играли живъв какъ главное отлическонцертовъ нашихъ было то,

что они состояли преимущественно изъ пѣвучей, итальянской, музыки, то сперва мы поговоримъ вообще оглавныхъ дѣйствующихъ лицахъ этихъ, можно сказать, коицертовъ оперв, то есть о пювцахъ и пъвицахъ; потомъ обратимъ вниманіе на нѣкоторыхъ артистовъ, каковы скрипачъ Моликъ и пъвнистка Клара Шуманъ Викъ. Наконецъ укажемъ на самые замѣчательные концерты.

Старая гвардія парижской итальянской оперы - Рубини и Тамбурини, какъ на сценв, такъ и въ концертахъ, были тождественны, то есть пъли, какъ и всегла, съ достоинствомъ и съ темъ удивительнымъ искусствомъ, которое, можно сказать, свойственно только этимъ двумъ великимъ ар. тистамъ. - Рубини доставилъ много удовольствія аріями изъ Донь-Жуана - Моцарта (il mio tesoro) и изъ Stabat - Россини, которыя онъ прия вр конпертака прскотрко разъ и всегда увлекалъ. - Тамбурини тоже исполниль двъ замъчательныя аріи, - одна изъ Stabat, другая изъ Осады Кориноа – Россини, и объ - превосходно. Пъли они еще дуэть изъ Монсея - Россини, въ которомъ, какъ будто другъ съ другомъ соперничали въвыделвсевозможныхъ трудностей пънья. - Вотъ самыя замъчательныя піесы, исполненныя этими двумя артистами въ концертахъ, до отъвзда въ Москву. Само-собою разумъется, что они пъли много и другой музыки, потому-что рѣшительно, до 25-го февраля, то есть до концерта Віардо (въ которомъ они не учавствовали, по случаю отбытія въ Москву), непрохо-

гдъ бы они чего-нибудь не спъли: 1 но это было по большой части повтореніе уже слышаннаго на сцень, а потому и говорить объ этомъ считаемъ излишнимъ.

Віардо - Гарціа піза много и очень-много. Можно сказать, что почти ни одинъ концертъ не обходился безъ нея до 25 го февраля, то есть до ея собственнаго концерта, когда она пъла въ последній разъ предъ отъездомъ въ Вену. -Мы высоко цвнимъ таланть Віардо, но далеко не раздъляемъ того пеограниченнаго восторга, съ какимъ принимаетъ ее наша публика. Извъстно, что Віардо особенно ходопа только въ полухарактерныхъ роляхъ, какъ то доказываютъ роли: Розины, Соннамбулы, Церлины. Зато, въ роляхъ Дездемоны и Лючіи, она была несравненно слабъе Главное, желательно-бы побольше силы. Это самое обнаружива еть, что роли, напримъръ. Семирамиды, Нормы, Донны-Анны, для нея недоступны. Партіи контральтовыя, какъ то показали роль Poмео, сцены изъ Танкреда, также не изъ ея репертуара. Следовательно и прекрасною примадонною она можетъ быть только въ известномъ роде музыки. Кроме того, слушая пеніе Віардо въ кон цертахъ, мы убъдились еще, что она півица больше драматическая, но не концертная. Въ залъ ея пъніе много теряеть оть того, что на сценъ ему придаетъвесьмамного прелести игра ея, исполненная живости и даже огня; зафсьже вполнъ оказывается, что соб ственно въ вокальномъ отношении отъ нея можно потребовать многаго, даже очень многаго. — Самою

она спъла въ концертъ своемъ, была арія Агаты изъ Фрейшюца. Исполнение прекрасное. Пъла она также арію изъ Нормы (casta diva); -но, увы ! мы слышали какъ исполняли эту арію Паста и Росси, и воспоминание наше не въ пользу Віардо. Кром'в этого, въ ковцерть исполнены были арія рондо Беріо, написанная для Малибравъ; рондо изъ Соннамбулы Беллини, Соло изъ 18-10 псалма — Марчелло и русская пъсня-Соловей. Петровъ и Артемовскій пропали дуэть изъ Marino Faliero Донилзетти, а оркестръ сыгралъ дви увертюры, одну изъ Эвріанты - Вебера, другую изъ Эгмонта Бетховена. Участвовали также Мауреры (отецъ и два

Какъ-бы то ни было, но Рубини, Тамбурини, Віардо и въ концертахъ доставили своимъ пъніемъ много удовольствія. Но вотъ что показалось намъ ужъ чрезъ-чуръ страннымъ, что и текорт Пазини и плвица г-жа Ассандри тоже вздумали являться въ концертахъ, полагая конечно, что и они также могутъ пленять публику своими несравненными талантами. Намъ такъ кажегся, что эго, съ ихъ стороны, было просто заблужденіемъ. Неужели они не могли понять, что публика не умфетъ оцфиить ихъ талантовъ! Однако-же Пазини вскорѣ почувствовалъ, что Петербургская публика погружена въ какоето невѣжество, восхищаясь только Рубини, Тамбурини, Віардо-Гарціей и никакъ не признавая удивительнаго таланта его, - почему и поспѣшилъ отправиться ва границу, въроятно въ Испанію. Но г-жа Ассандри не удовольствозамъчательною піссою, которую валась присмоме и сънкоме, какимъ

ее удостоила почтить публика и ј являлась въ концертахъ нъсколько разъ, -- повидимому, нисколько не догадываясь, что публика оченьхорошо помнить, что никогда не видала и не слыхала, ни такой Нормы, ни такой Донны-Анны, кавою была г-жа Ассандри. Казалосьбы лучше всего последовать прим вру Пазини и отправиться хоть въ Варшаву, гаф, какъ говорять она составила себв славу неувядаемую. Ко всему этому не доставало только, чтобы въ концертахъ явилась и quasi-пъвица Тадини. О тогда конечно было-бы полное тріо этихъ артистовъ, составлявшихъ не совствъ свътлую сторону италіянской оперы, по плохому знанію музыки, фальшивому панію и проч., и проч.

Кромѣ этихъ артистовъ, въ постъ явилось у насъ три примадонны Миланскаго театра: Дераккуръ, Шоберлехиеръ Даллока и Финкъ Лоръ. Вотъ ихъ корогенькая характеристика.

Деранкурт имфеть голось (соправо) свъжій, довольно-сильный и звучный, но необщирный: голосу енне достаетъ мягкости, гибкости, словомъ обработки. Попадается зпачительное количество фальшивыхъ нотъ; къ тому-же пъвіе ся черезъ-чуръ холодно. Хотя она и рекомендовача, какъ говорятъ, самимъ Россини, но ей много и очень-много надобно учиться (если только уже не поздно), что бы дойти до степени примадонны, Мы не говоримъ уже о вкусъ, о выраженіи, о чувстві, о знаніи мувыки, - все это при словь о Деранкуръ не можетъ имъть мъста. Въ концертъ своемъ (21- февраля)

она не дурно проивла каватину изъ Сороки-воровки — Россини. Арія изъ stabat исполнена была неудовлетворительно а о прочемъ и говорить нечего. Въ ея концертъ участвовали Рубини и Тамбурини.

Шоберлежиеръ-Даллока (конц. 1 марта) примадонна въ полномъ смысл'я слова, только черезъ чуръ уже опытная. Она владветь голесомъ съ удивительнымъ искусствомъ. Но, Боже мой! какъ жестоко бользяв или неумолимое время или то и другое вивств, отяготвли надъ ея голосомъ! Гдв та сила, заукъ, полнота, сребристость голоса, которыми она изумляла насъ въ 1838 году, въ бытность ея въ Петербургь? Увы! все эго улетьло невозвратно, какъ улетаетъ чудный сонь. По-видимому голосъ ея уже года три тому назадъ, какъ пострадаль. Конечно искуство осталось. Мы восхищались ея паніемъ, какъ восхищають насъ лучи заходящаго солица. Шоберлехнеръ пъніемъ своимъ напомнила намъ Пасту, - такъ оно высоко, величественно — Каватиною (Grace) изъ Роберта-дъявола - Мейербера, она привела насъ въ восторгъ: сколько чувства, сколько истиннаго выраженія, сколько драматизма, выкавано было ею въ исполнении этой чудной піесы! Слушая ее, у насъ невольно вырывались слова: «Вотъкакъ надобно пъть! "Кромъ этого, она исполнила прекрасно арио изв Велизарія Донидзетти, которую пъла и въ 1838 году, въ концертъ своемъ, хотя здёсь мы замётили значительную разницу между тогдашнимъ и нынъшнимъ. Искусства больше, но голосъ.... Исполненіе прочихъ пієсъ, каковы другая арія Донидзетти, арія Паччини

васлуживаетъ похвалу.

Финка-Лора имфеть голосъ сильный, звонкій и общирный, настоящее первое сопрано. Особенно хороши у нея высокія воты. Дикція ея прекрасна, обработка голоса доведена до совершенства. Въ пъвін ел много чвуства, выраженія, даже вадушевности; въ самомъ голосъ есть какая-то особенная мягкость, приятность, лельющая ухо. Но при всемъ томъ, голосъ ея уже не въ первой свъжести. Во всякомъ случав однакожъ, это прекрасная примадонна, какой Петербургу давно уже не удавалось слышать. Да, вотъ пъвица, которая пришлась бы, такъ сказать, по плечу такимъ артистамъ, каковы Рубини и Там бурини. - Объ одномъ жалтемъ, что, кром'в двухъ арій, одна Паччини, другая изъ Ченерентолы Россини, исполненныхъ прекрасно, Финкъ-Лоръ, въ концертъсноемъ (7 го марта), пъла все романсы (4-е за разъ). Для насъ приятиће было-бы услышать артистку въ большой піесь, изъ какой-нибудь opera-seria, гдв она могла-бы развить свои средства, по-видимому огромныя. Что же касается до романсовъ, то если и новъйшая италіянская музыка черезъ-чуръ уже суха, то отъ романсовъ, да еще французскихъ, да избавитъ Аллахъ насъ и каждаго ближняго! Просто скука.... Отчасти, за выборъ романсовъ въ такомъ количествъ, нельзя и упрекать артистку. Назначено было только два, а два другихъ спъты, нъкоторымъ образомъ, по непредвидимымъ обстоятельствамъ. Предположено было исполнить большой дуэть изъ Се-

и русская писия Рупини, — также гомъ, котораго Финкъ-Лоръ пригласила, не знаю по какимъ уваженіямъ вмісто того, чтобы обратиться къ отличнымъ нашамъ артистамъ Петрову или Артемовскому, которые, в роятно, не отказались бы участвовать въ ея концерть; во господинъ Ферзингъ не изволилъ явиться въ концертъ, яко-бы по болъзни, и тъмъ самымъ произвелъ разстройство и поставилъ артистку въ затруднительное положение. Мы всегда были того мивнія, что хотя у Ферзинга голосъ и прекрасный, но въ италіянской музыкъ, онь вообще нехорошъ, то есть ему не достаетъ методы, нать въ голось мягкости, гибкости.

Были или и теперь находятся въ Петербургв, на-върное не знаемъ, еще двъ примадонны, Ронци де-Беньи и Шютць-Ольдози. Первая концерта не давала, почему мы и не имъли случая ея слышать. Знаемъ только, что она съ давняго уже времени извъстна какъ первоклаская пѣвица. Она пожинала лавры въ одно время съ Пастою. Изъ этого можно заключить, что Ронци теперь примадонна только по воспоминаніямъ. Въ 1835-мъ году, въ Миланскомъ журналъ «Есho,» была дана ей следующая лаконическая характеристика : «Воспоминанія минувшаго блеска.» Страшивается, какова-же она должна быть теперь? - Конечно, блаженной памяти пъвица Мара и на 64-мъ году жизни своей все еще пъла!! Что касается до Шютцъ-Ольдози, то хотя она также въ концертъ не являлась, за то мы слышали ее на сцень, въ Нормь, гав она эффекта не произвела и мирамиды Россини, съ г-мъ Ферзин- обнаружила только, что когда-то

была прекрасною примадонною, а теперь голосъ ея жестоко пострадалъ и осталось одно только искусство. - Странное дело! Кажется Петербургъ платитъ щедрую дань талантамъ артистовъ-пъвцовъ, а все какъ-то неудается съверной Пальмир' послушать итальянскихъ соловьевъ съ свѣженькими или въ полномъ пвътъ голосами. По большой части къ намъ являются артисты съ воспоминаніями блеска -УДИВЛЯТЬ ТОЛЬКО ОДНИМЪ ИСКУС-

Вотъ всв пввучія и рузадныя знаменитости и незнаменитости, восхищавшія, бол'є или менье, Петербургъ своими талантами. -Финкъ-Лоръ желательно бы послушать на сценв. Пишуть, что къ намъ, въ непродолжительномъ времени, прибудетъ изъ Берлина прославленный пъвецъ-теноръ Италін, соперпикъ Рубини, знаменитый Моріани. Вотъ и кстати бы услышать ихъ на театръ вивсть. Если Моріани явится только въ концертахъ, то мы получимъ о талантъ его неполное понятіе потому что онъ, какъговорять, скольво великій півець, столько же и великій актеръ.

Кром'в вышепоказанныхъ иностранныхъ артистовъ, насъ посътили скрипачь Моликь и пьянистка Клара Шумань-Викь.

Молика принадлежить къ разряду первокласныхъ скрипачей. Игра его имбетъ много достоинствъ; особенно отличается силою, чистою звука и выразительностью; пассажи самые трудные исполняетъ онъ удивительно легко, можно подумать даже, что трудностей для него не существуеть, и

ливость; есть даже огонь въ его игръ. Хотя стиль его композицій, какъ и самой игры, строго-класси ческій, однакожъ пініемъ онъ не можетъ похвалиться : скрипка его непфвуча. Пфніе составляеть изящнъйшую сторону искусства игры на скрипкъ и, въ этомъ отношени, мы, все-таки, не можемъ невспомнить старика Лининскаго, котораго самъ Паганини уважаль за превосходное пъніе. Кром'в этого, вообще въ игръ Молика нътъ чего-то неизъяснимаго, что бы васъ увлекло, чего-то такого, за что готовы простить художнику лаже отступление отъ основныхъ законовъ искусства. Изъ бывшихъ у насъ, въ прежніе годы, скрипачей: Гоумань, Липинскій и особенно Оль-Буль, оставили въ душъ нашей неизгладимое впечатльніе; тогда-какъ, признаемся откровенно, игра Молика насъ болве удивляеть, но не поражаеть, не приводить въ восторгь.

Клара Шумант-Викт-пьянистка, по-справедливости, весьма-замьчательная, быть можеть, даже первая между извъстными пьянистками. Въ игръ ел много чистоты и бъглости; есть сила и блескъ; видінь изящный вкусь; довольно чувства и выраженія. На фортепьяно вообще трудно пъть, но подъ пальцами Клары Викъ, инструменть иногда издаеть ивніе. Она играетъ музыку всевозможиыхъ композитровъ и ум'ветъ достаточно усвоивать родъ композицін и выказать ся характеръ. Хотя она и доставила намъ удовольствіе; но не удивила, не поразила, не восхитила. Словомъ, особеннаго впечатавнія не произвела. Право, во всемъ этомъ величайшая отчот- когда послушали Тальберга и Листа, после нихъ все эти превознесенные пьянисты и пьянистки какъ-то уже не увлекають. Мы думаемъ даже, что разсказы о томъ. что Клара Викъ становится на-ряду съ Тальбергомъ, Листомъ, Шопеномъ и другими первокласными пьянистами, чрезъ чуръ ужъ преувеличены и составляють довольноизрядный пуффь, хогя варочемъ Шуманъ несравненно выше, бывшей у насъ-нъсколько лътъ наваль тому, пьянистки Плейель. -Она прекрасно исполняетъ солаты-Бетховена и фуш-Баха. Съ большимъ искуствомъ сыиграла фантазію Тальберга изъ Монсея Россини. Но только, какая разница, когда эту-же піесу исполняль самъ Тальбергъ! Тоже самое можно ска вать и о разгрываемыхъ ею сочиненіяхъ Листа.

Перейдемъ теперь къ замвча-

тельнымъ концертамъ.

Въ прежніе годы, самыми замічательными концертами бывали концерты филармоническаго общества Въ концертахъ этихъ, почти всегда исполнялась музыки-великихъ мастеровъ музыка Генделя, Гайдна, Моцарта, Бетховена, или же замьчательныя произведенія новъйшей музыки; наконецъ, какія либо новыя произведенія, посвященныя обществу или написанныя на заданную обществомь тему. — Во первомо концерть (19 го февраля) исполнены были 45 и 48 псалмы Державина, положенные на музыку Нейкомомъ, для хора и оркестра; часть 18 псалма Мар. челло (соло пъла Віардо); большой хорь Бетховена. Участвовали также Рубини и Тамбурини. - Оркестръ исполнялъ свое дело до-

до хоровъ, то вообще они были слабы, недостаточны, особенно замътно было мало стройности и единства. Исполнение подобныхъ піесь требуеть строгаго изучевія и, следовательно, побслыне репетицій. Самая музыка Нейкома не заключаеть въ себъ ничего особенно-примъчательнаго. — Намъ кажется, что этотъ концертъ былъ несовствить удаченть, какть по выбору піесъ, такъ и по самому исполнению. Мы не говоримъ объ итальянскихъ артистахъ, которые, съ своей стороны, сделали все, что только отъ нихъ зависвло, то есгь пъли прекрасно. Тамбурини исполнилъ apito изъ Stabat Россини, а Рубини и Віардо - по аріи изъ оперы Bianca e Gualtiero, соч. г-на Львова. - Но за то второй концерть (4 марта) быль истиннымъ праздникомь для техъ любителей, которые считають музыку не однимъ услажденіемъ уха, но высочайшимъ искусствомъ въ мірѣ, выергания благомъ, даннымъ человъку на землъ. Достаточно сказать, что концерть этогь состояль изъ 9-й симфоніи Бегховена, въ беминорномъ тоив, съ хоромъ (!); его же увертюры andante и rondo для шести скрипокъ соч. Маурера. Сверхъ-того въ немъ участвовала Клара Шуманъ. - Начнемъ съ того, что принесемъ сперва искреннююблагодарностьФилармоническому Обществу за Симфовію Бетховена. Боже мой! что это за музыка! Слушаешь и неверишь, до какой степени величія можеть дой ти создание человька. Да, переходь оть сухой, жалкой, вичтожной музыки какихъ нибудь Беллини и Донидзетти, къ музыкъ вольно хорошо. Что-же касается Бетховена, да еще къ 8-й симфо-

ніи, признаемся, быль разителень. Аля насъ симфонія эта была какъбы оазись въ пустынь, на который путещественникъ вдругъ попадаеть, томимый жаждою. Мы уже имълислучай не-разъслышать эту симфонію и прежде. Теперь вновь слушали, и могущественная, величавая гармонія германскаго барда унесла насъ къ какой-то дивный міръ, недовѣдомую страну. Симфонія состоить изъ allegro, scherzo, adagio и финала, въ которомъ Бетховевъ ввелъ голоса. Слова заимствованы изъ оды ка радости Шиллера. Общая поэтическая идея эгой симфоніи-поэмы заключается въ томъ, что маэстро желаетъ возвыситься, постепенно, отъ наслажденій вемныхъ къ радостямъ небеснымъ, и потому первыя три части, хотя и составляють каждая полное целое, могуть быть разсматриваемы, какъ приуготовленіе къ великой, окончательной драмъ, заключенной въ финалъ, вогда поэть призываеть звызды, милліоны, всв созданія преклонить чело предъ Всевышнимъ и восићть ему торжественное te Deum Словомъ, 9-я симфонія составляеть какой-то чудный музыкальный міръ, полный высокихъ идей, выраженвыхъ звуками. Самъ Бетховенъ никогда не слыхаль этой симфоніи, по причинь глухоты. Отягченный жестокою болъзнію и неприятностями жизни, онъ бросилъ симфонію въ свой въкъ, какъ вызовъ потомству! — Объ одномъ жалбемъ, что исполнение этого гигантскаго созданія великаго, неподражаемаго Бегховена, было невполив удовлетворительно. Особенно недостаточны были хоры. Намъ неоднократно случалось замічать,

что хоръ придворныхъ пъвчихъ прекрасенъ, собственно въ церковномъ пънін; но въ соединеніи съ оркестромъ въ ораторіи, или какъ теперь въ симфоніи, хорь этотъ ръдко бываетъ удовлетворителенъ. Особенно слабы дисканты и альты; теноры неимъють яркости; - одии басы сильны и могущественны. Соразмърности въ полнотъ и звучностяхъ между голосами очень мало. - Притомъ же весьма естественно, что для пъвчихъ, привыкшихъ къ церковной музыкъ должно быть чрезвычайно затруднительно пъть съ оркестромъ, особенно для маленькихъ голосовъ, по неопытности. - Если-бы хоръ, для 9 й симфоніи, быль составлень изъдвухъ хоровъ-русской инфмецкой оперы, нътъ никакого сомивнія, что исполненіе много-бы отъ этого выиграло. Можно-ли сравнивать опытных в хористовъ, привыкшихъ пъть музыку театральную, съ хористами, какъ-бы созданными для церковнаго пъпья? Можно ли сдълать какое либо сравненіе между силою, полнотою и звучностью женскихъ сопрано и контральтовъ, съ дискантами и альтами мужскими - дътскими? Конечно вътъ! Ко всему этому надобно прибавить, что оркестръ быль нетакъ полонъ, какъ бы сл кдовало, и тоже исполняль свое дело несовствить удачно. Piano и forte ръдко были высшею степенью того, чёмъ должны быть оттенки эти; crescendo и decrescendo, также оставлялижелать многаго. Наконецъзамътенъ былъ недостатокъ единства и жара въ исполнении. Мы думаемъ, что для выполненія, въ достойномъ видъ, 9-й симфоніи Бетховена, налобно, по крайней-

м врв, 50-тъ струнныхъ инструментовъ, (24 скрипки, 8 альтовъ, 10 віолончелей и 8 контрбасовь), а чемъ еще больше, темъ лучше, дабы была соразмърность въ звучностяхъ, между струнными инструментами и инструментами духовыми и мѣдными. - Притомъ-же, для хорошаго исполненія симфоній Бетховена, рѣшительно требуется строгое изучение. - чамъ больше репетицій, темъ лучше. Въ Париже, напримъръ, при отличныхъ качествахъ тамошнихъ инструментистовъ, Габенекъ (дирижоръ Большой оперы) иначе не пустить въконцертъ Консерваторія симфонія Бетховена. какъ сдълавши, по-крайней мъръ, пять репетицій. У нась все это ограничилось, кажется, только одною бывшею по-утру, въ день самаго концерта. - Жаль, очень-жаль, что подобныя вещи ділаются даже оркестромъ Филармоническаго общества, составленнымь изъ артистовъ. Это недалеко отъ того, что называется шутить ст музыкою. Музыка этого не терпить. Неужели вы играете, какъ бы по-обязанности, для публики? Напротивъ того вамъ, какь истиннымъ артистамъ, любящимъ свое искусство савдуетъ играть для себя. Положимъ напримъръ, что въ вашемъ концерт в собрались д в йствительно любители; да много ли изъ нихъ такихъ, которые сознательно восхищались-бы музыкою симфоніи и моглиз амътить недостатки исполненія? Въроятно, начтется ужъникакъ не-болье 50 человькъ. Прочая публика, конечно, осталась довольною. Да позволено будеть сказать даже, что еслибы, вивсто симфонін Бетховена, было сыиграно хоть какое-нибудь приглашение кв

вальсу Вебера, то эта самая публика, по-видимому, состоявшая изъ любителей, едвали-бы не получила еще большаго удовольствія отъ этой піесы, чёмъ отъ симфоніи! Такъ устроены правы наши. Вотъ вамъ ваша публика. Повторимъ еще разъ - играйте для себя. - Впрочемъ, завсемъ темъ, для насъ, день этотъ быль въполной мѣръ торжествомъ. Мы до такой степени увлеклись звуками симфоніи Бетховена, что по окончание ея, сочли за лучшее, даже не прослушавъ его увертюры, удалиться, дабы продлить еще сколько-нибудь очарованіе, въ которое погрузида насъ эта божественная музыка. И потому, ничего не можемъ сказать объ остальныхъ піесахъ этого знаменитъйшаго изъ всьхъ концерта.

Посав концертовъ Филармоническаго Общества, у насъ бывали замъчательны концерты любителей. Мы очень-хорошо помнимъ нѣкоторые изъ этихъ концертовъ, когла въ нихъ исполнялись, напр. почти вся опера Вильгельмо-Тельогромнымъ оркестромъ и хорами изъ 400 голосовъ; большая часть оперы Гугенотовь; Реквіемь Моцарта и т п. д. Помнимъ также, что въ концертахъ этихъ участвовали незабвенная Росси, очаровывая своимъ небеснымъ годосомъ.съ чистотою и приятностью котораго ничто не можетъ сравниться. Помнимъ... Настоящій концертъ (22 февраля), если исключить скрипача Молика, который также въ немъ участвовалъ, былъ просто однимъ изъ представленій итальявской оперы. Ивли Рубини, Віардо, Тамбурини, Ассандри, Петровъ, Артемовскій и хоры. Было повтореніе, и безъ того уже безчисленное число разъ повторенныхъ, финаловъ изъ Соннамбулы, Лючіи и проч. – Не знаемъ, каковъ то будетъ второй концертъ?

Студенты Императорскаго университета, по-примъру прошлаго года, даваликонцерть съблаготворительною целію. Въ немъ участвовала Віардо. Студентъ Щулепниковт сыграль на фортепіано, съ весьмазам вчательным в искусством в, фантазію Тальберга изъ Моисел-Россини: Студентъ Меймардъ подражаль на скрипкъ пънію Рубини, фантазируя на мотивы изъ «Соннамбулы»; а студенть Зееланды исполниль на фортеніано прекрасно, прелестный сартісе Мендельзона -Бартольди. Но лучшее, въ этомъ концерть, были двь увертюры -Бетховена (изъ Эгмонта) и Мендользона - Бартольди (Hebrides). Объ исполнены оркестромъ, подъ управленіемъ изв'єстнаго нашего віолончелиста Шуберта, -превосходно, артистически. Ясно видно было, что разучены и прорепетированы не на-скорую руку. Такъ и быть должно. Увертюра Бетковена отличается силою, величіемъ, драматическою выразительностью и занимательностію. Это одна изъ лучшихъ его увертюръ. Увертюра Мендельзона, тоже прекрасна и исполнена поэзіи.

Станемъ-ли продолжать говорить еще о другихъ концертахъ, каковы. концерты нъкіихъмужей – Пиццолато, Нигри и Сетти, – наконецъ концертъ дирижора италіянской оперы Ромберга? Конечно нътъ. Всъ эти концерты были на одну тему, варіированную слъдующимъ образомъ: Рубини, Тамбуриви, Віарло-Гарціа; потомъ Віардо

Гарція, Тамбурини, Рубини и т. д. Просто, концерты эти были решительнымъ продолжениемъ представленій итальянской оперы; почему ихъ и можно назвать, по всей справедливости. концертами - операми. - Кром'в этого было еще много другихъ концертовъ: скрипачей — Бема и слепорожденного Карла Кюна, віолончелиста Кнехта, пьячиста Карла Мейера; ученицъ Дмеюліани (певицъ) Вольбрюкт и Козловой, въ которомъ мы, къ-сожалвнію, не были, хотя впрочемъ и весьма-бы интересно было послушать, каковы-то наши северные соловьи; извъстнаго уже Петербургу своимъ талантомъ пьяниста Рубинштейна, съ братомъ, и проч.

Заключимъ статейку нашу сльдующимъ замъчаніемъ: Со-времени появленія у насъ итальянской оперы, публика до того увлеклась пъснями Рубини, Віардо и Тамбурини, что впала въ совершенную односторовность и какое-то пристрастіе. Только и жаждетъ слушать этихъ артистовъ, следовательно, итальянскую музыку. Другихъ артистовъ и другой музыки. знать не хочетъ. Что-же это такое? Это доказываетъ только бъдность нашего образованія и еще то, что много надобно времени, для того, дабы могъ установиться въ массъ общества сколько нибудь опредъленный вкусь къ изящному, при посредствъ котораго публика приобрала-бы, съ одной сторовы, способность находить прекрасное не въ одной только итальянской музыкъ, а съ другой, хотя инстиктивное уменье оценять артистовъ въ разныхъ родахъ, или въодномъ и томъ-же родъ, во различныхъ по степени таланта. Отличительный характеръ концертовъ великаго поста составляла итальянская музыка. Словомъ, мы, какъ будто, объитальянились. Сегодня итальян ская музыка, завтра музыка итальянская, потомъ тоже и опять тоже...При этомъ невольно вспомнишь слова безсмертнаго Суворова, который говариваль : • Сегодня счастье. вавтра счастье — помилуй Богъ! Надобно немножко и ума »! Такое положение, для истинныхъ любителей, не совствъ утвшительно. Будемъ налъяться, разумъется наавось. что обстоятельства, рано или поздно, изм'внятся, какъ и все въ мір'в. Авось-либо итальянская мувыка поприслушается и публика станетъ искать удовольствія въ другой возвышенной музыкъ, - въ музыкъ великихъ мастеровъ! Надежды несбыточныя; но желать должно надъяться можно, а какъ и когда что будеть, покажеть время, - его-же не минуетъ ничто чедовъческое...

разныя извъстія.

avonivan or our minutes

- Дирекція королевскаго Hofburgtheater объявила, что съвысочайшаго разрѣшенія, опредѣлено ею впредь выплачивать авторамъ часть изъ сбора, поступающаго отъ представленій ихъ піесь. Плата эта будетъ производитьсь на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Авторъ оригинальной піесы, будетъ-ли она уже въ печати, или только въ рикописи, получаетъ съ чистаго сбора за всякое представленіе его піесы, со включеніемъ въ то число и сбора съ годо-

выхъ аббонентовъ следующе проценты: за піесу, которая одна займеть цвлый спектакль, 10 процентовъ; за піесу, передъ которою или посл'в которой будеть нужно давать еще одноактную піесу, 6 процентовъ, и за піесу, съ которою будуть даваться еще піесы изъ двухъ, трехъ и болће актовъ, 3 процента. 2) По смерти автора таковые проценты, въ теченіе 10-ти лъть, получають его прямые наследники. 3) Уплата процентовъ производится каждую четверть года. Проценты невытребованные въ течени трехъ лътъ обращаются въ пользу бъдныхъ драматическихъ артистовъ. 4) Право частаго или ръдкаго повторенія піесы привадлежить дирекціи. 5) Переводы и передълки принадлежатъкъ этому разряду только тогда, когда дирекцією признаны будуть въ нихъ достоинства піесъ оригинальныхъ, и право ръшенія въ этомъ случать принадлежить дирекціи безъ всякой апелляціи. 7) Дирекція имветъ полное право, по истечении 3 хъ льть, измънить условія и даже вовсе уничтожить плату процентовъ, если она найдеть эту мъру несоотвътствующею ожидаемымъ ею пользамъ. 8) Авторамъ во всякомъ случав предоставляется свобода предпочитать получению таковыхъ процентовъ. бывшую вт употребленіи до-сел'в единовременную HARTY. SAMES SECTION OF BOILD AFACT

- Въ Парижѣ умеръ, на 76-мъ году отъ роду, Жанъ Батистъ Ніоше де-Турнэ, одинъ изъсамыхъ старыхъ французскихъ водевилистовъ. Онъ былъ превосходно образованъ и страстно любилъ искусства. Таланты его, какъ живописца и какъ музыканта, цѣнились

высоко. Онъ отлично игралъ въ шахматы и гордилсятьмъ, что могъ бороться съ знаменитымъ Филидоромъ. Еще въ 1801 году водевиль ero «l' Abbé Pelegrin » имълъ большой успѣхъ. « Мармонтель», « Разлука. . «Arlequin , tyran-domestique» были лучшія его произведенія въ этомъ родъ. Vautour (1805) быль любимъйшею піесою Парижанъ. Тогда повсюду распъвали куплеть.

La maison de monsieur Vautour Est celle où vous voyez un âne.

Онъ давно уже сощолъ съ драматическаго поприща и болъе сорока лътъ находился при французскомъ банкв.

 Изъ Берлина пишутъ отъ 6-го марта: Вчера, на театръ, называемомъ Уранія, общество студентовъ давало представление, на латинскомъ языкъ, комедіи Плавта «Captivi» (павнники), передвланной изъ пяти актовъ въ три, съ принадлежащимъ къ ней прологомъ. Спектакль этотъ удостоенъ былъ присутствіемъ Короля, Принца Прусскаго и Принца Виртембергскаго. Въ числъ зрителей были также министры: Ейхгориъ, Савиньи, баронъ Александръ Гумбольдть, почти всв профессоры университета и множество другихъ знаменитостей учовыхъ, ли терагурныхъ и артистическихъ. - Въ актрантахъ двадцать человъкъ студентовъ исполнили, съ анкомпаньементомъ оркестра, три оды Горація, а именно: Іп Мегсиrium, lib 1,10; Ad Lyram, lib 1,32: Integer vitae, lib. 1-22, изъ кото рыхъ двъ первыя положены были

чая кацельней теромъ Христіаномъ Труберомъ, а музыка третьей давно уже написана знаменитымъ Мейерберомъ. Декораціи, исполвенныя по рисункамъ архитекто ра Штакка, славнымъ живописцемъ Гроссіусомъ, возбудили всеобщій восторгъ, вь особенности та, которая представляеть улицу въ Помпев. Костюмы даны были Кородемъ; они были составлены подъ руководствомъ знаменитаго археолога Циммермана. Король прибыль въ теагръ аккуратно въ 8-мь часовъ и принятъ быль депутаціею, изъ пяти студентовъ, съ которыми онъ долго разговаривалъ. Во-время представленія Его' Величество перелистывалъ время-отъвремени экземпляръ стереотипнаго издавія Сочиненій Плавта.

- Давно уже поговаривали въ Парижъ о постройкъ новаго театра для оперы, въ замѣну стараго, безвкуснаго и неудобнаго. Необходимость обширнаго, изящнаго и, сколько возможно на просторивишемъ мъсть построеннаго зданія тѣмъ очевиднѣе, что старое хотя и находится въ прекрасной части города, но совершенно застроено тоже самыми неврасивыми домами, такъ, что и самый доступъ къ нему, въ случав пожара, очень-неудобень. Вь теченіе слишкомъдвадцати лътъ много представляемо было проектовъ и плановъ; теперь правительство обратило особенное внимание напланъ предложенный архитекторомъ Гекторомъ Оро, и какъ полагаютъ, Король утвердить его. По этому плану, театръ долженъ быть построень на Италіянскомъ бульварь, на углу улицы Grande-Batelière; на музыку именно але этого слу- при чомъ уголь этоть будеть округленъ колоннадою. Театръ будетъ етта Альбони, контральто; Полипостроенъ решительно изводнихъ несгараемыхъ матеріаловъ Величиною онъ превзойдеть всв евро пейскіе театры. Въ залѣ должно помъщаться три тысячи человъкъ зрителей. Словомъ, новый театръ долженъ быть великолфинъйшимъ вданіемъ, вполнів достойнымь Па-

- Одеонъ, безспорно дътельнъйшій изъ парижскихъ театровъ, рѣшился поставить на сцену изсколько древнихъ греческихъ піесъ, разумвется, въ переводв. На первый разъ данъ будетъ Софокловъ «Эдипъ»;потомъ, говорятъ, последують Аристофоновы «Облака» и «Аягушки». Нъкоторые французскіе журналы подшучивають надъ этимъ предпріятіемъ; напримъръ, одинъ изъ нихъ совътчеть дирекціи давать эти классическія произведенія въ той самой первобытной простоть, какъ овъ давались у древнихъ, сабдовательно, чгобы и музыка была того-же времени. А для большей исторической върности назначить переводчикамъ этихъ великихъ классическихъ произведеній тотъ-же самый гонораръ, какимъ награждала греческая дирекція своихъ драматурговъ, а именно - сосудъ масла и вънокъ изъ масличныхъ вътвей съ деревьевъ, выросшихъ въ садахъ Академіи.

 Вънскій италіянскій оперный сезонъ начнется въ нынѣшнемъ голу 8 апреля и будеть чрезвычайно замъчателенъ. Ансамбль его булуть составлять следующе знаменитые артисты: Евгенія Тадолини, Полина Віардо-Гарціа, Антуанетта Дель-Карменъ Монтене-

на Каттанео, Джіованнина Ронкони-другія примадонны; Луиджи Феретти, Николай Ивановъ, Ита-То Гардони, первые теноры; Джіоражіо Ронкони, Феличе Варези, Игнаціо Марини, первые басы; Августино Новерро, бассъ-буффо; Антоніо Бенціолини, второй басъ; Мишель Новерро, второй теноръ. Репертуаръ, какъ говорять, будетъ состоять изъ «Севильскаго цирюльника · и «Отелло» Россини; «Maria di Rohan» «Linda di Chamouni» и «Don Pasquale» Донидветти, «I Normanni in Parigi» Меркаданте. Объщають также «Семирамиду», «Сороку воровку», «Норму», новую оперу Донидзетти: · Catterina Carnaro» и еще новъйшую, Вердика, «Ernani». Къ довершенію всего балекъ съ несравиненною Фанни Эльслеръ, которая ангижирована дирекціею а 10 спектаклей.

- Нѣмецкіе драматическіе писатели, кажется, дожили до золотаго въка. Достойному похвалы примъру вънскаго театра начинаютъ подражать и частные театры. Г-нъ Шпигель, директоръ кёльнскаго театра, ръшился также предоставить пять процентовъ въ пользу автора изъ сбора при представленіи піесы. Такая рѣшимость въ частномъ директоръ, у котораго часто и безъ-того доходы не покрывають расходовь, достойна замвчавія.

- Изъ Берлина пишутъ отъ 7-го марта и. с.: Вчера вечеромъ прибыль сюда Листь. Друзья и почитатели ожидали уже его въ Hôtel de Brandenbourg, гав онъ долженъ быль остановиться. Члены забгро, примадонны сопрано; Mapi-I шняго Männergesangvereins привътствовали его, какъ своего почотнаго директора, и блистательная серенада, исполненная полковыми музыкантами и состоявщая изъ Листова знаменитаго Венгерскаго марша и галопа, увеличила торжество. На возвратномъ пути изъ Штетина, гдѣ овъ сегодня и завтра даетъ концерты, заѣдетъ онъ опять сюда, поиграть въ публикѣ, потому что 24 марта овъ долженъ быть въ Парижѣ. Однакожъ въ субботу онъ будетъ присутствовать при открытіи вышеупомянутаго Männergesangvereins.

- Такъ-какъ и въ самой Англіи шекспировы піесы мало им'єють успѣха на сценѣ (потому-что и тамъ, какъ у насъ, для исполненія ихъ мало актеровъ) то, для поддержки, стараются какъ можно великолфинве обставлять ихъ и даже позволяють себь дылать въ нихъ нъкоторыя измъненія, чтобы больше угодить вкусу публиви. Такъ, напримъръ, недавно въ Лондонъ давали «Ричарда III» съ сабдующимъ измѣненіемъ: извѣстно, что въ последней сцене этой піесы Ричардъ III восклицаетъ : «Коня, коня, полцарства за коня! и, въ-следъ за темъ, появляется герцогъ Ричмондъ и объявляеть себя побълителемъ. - Чтобы сделать больше эффекта, и исправить Шекспира, представляли самый поединокъ Глочестестера съ Ричмондомъ на полѣ сраженія, посреди многочисленной арміи. И піеса им'єла огромный успѣхъ!

 Говорять, что въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ въ Парижъ съѣдутся четыре знаменитѣйшіе піаниста – Дрейшокъ, Тальбергъ, Дёлеръ и Листъ. Фравцузскіе журналы ос-

трятся на-счоть этого соединенія четырехъ фортепіанныхъ знаменитостей. Такъ, напримъръ, въ одномъ журналѣ говорятъ, что они привдуть двлить между-собою міръ. Дрейшокъ, какъ восходящее солнце, возьметь на свою часть востокъ; Тальбергу, солнце котораго, кажется, начинаеть уже заходить, отдавъ будетъ запаль: Лёлеръ, отъ котораго немного несетъ холодомъ, овладъетъ съверомъ, а Листу, великому Листу, какъ самому пылкому изъ встхъ піанистовъ на земномъ шарѣ, достанется въ полное и нераздъльное владъніе цілый югь.

- Въ Англіи есть призы, для которыхъ стоить потрудиться. Такова премія Вебстера, въ 500 ф. ст., за лучшую комедію. Теперь дляприсужденія этой премін составлень комитеть изъ отличнейшихъ драматическихъ артистовъ и литераторовъ, въ числѣ коихъ находятся и редакторы значительнъйшихъ журналовъ. Въ конкурсъ поступило 101 піеса. - Кромъ этого, искусства нашли еще новаго покровителя: герцогъ Кембриджскій приняль місто президента въклубъ мелодистовъ и начальника надъ составленіемъ праздника, назначеннаго на 19-е апръля, 106-й день учрежденія королевскаго общества музыкантовъ.

 Россини, который такъ давно ничего уже не писалъ, сочинилъ кантату, для торжествееннаго праздника въ Туринѣ, по случаю трехъ-сотъ лътняго празднованія рожденія ассе. Эта кантата повторена была три раза, при восторженныхъ рукоплесканїяхъ публики.

- Въ заграничномъ журналахъ

извъщаютъ, что Россини пишетъ большую орега-seria, въ пяти дъйствіяхъ, содержаніе который за-имствовано изъ Шиллеровой Іо-анны д'Аркъ. Матерія богатая для оперы, достойная великаго маэстро!

-Наша статья оконцертахъ была уже кончена и отпечатана, когла г-жа Ронии де-Беньись. о кото-объявила концертъ свой, который и быль дань 29-го марта, въ залъ Аворянскаго собранія. Въ этомъ концерть участвовали неожиданно возвратившіеся къ нимъ на Москвы соловьи наши-Рубини и Тамбурни. Г-жа Ронци де-Беньисъ, несмотря на лъта свои, сохранила еще прелесть голоса, который, благодаря превосходной методъея, и теперь можеть приводить въ восторгъ. Она пропѣла арію «Casta diva« изъ « Нормы »; дуэтъ съ Руби. ни изъ оперы «Roberto Devereux»: дуэть съ Тамбурини изъ «Семирамиды»; дуэть съ Рубини и Тамбурини изъ Анна Болена. Всв эти піесы приняты были къединодушными рукоплесканіями.

— 30-го марта, въ залѣ Энгель гардта, давали свой послѣдній концертъ, передъ отъѣздомъ за границу, геніальные малютки-вертуозы братья Рубивштейны. Нельзя надивиться игрѣ этихъ геніальныхъ дѣтей, изъ которыхъ младшему только семь лѣть, а онъ съ удивительною легкостію разыгрываетъ

CONTRACTOR OF TENNET. TO PLANT

ean range bear the bury laber suc-

на-память трудвъйшій піесо Фильда, Шопена, наконецъ Венгерскій маршъ Листа (вмъстъ съ братомъ въ четыре руки)! Рубинштейны огправляются за-границу, чтобы тамъ изучать свое искусство у одного исъ знаменитъйшихъ современныхъ композиторовъ. Что будетъ изъ этихъ геніальныхъ дътей извъстно Богу, но можемъ полагать на нихъ огромныя надежды.

— Театры наши открылись нъмецкими вечерами (Abendunterchsttungen). На одномъ изънихъ (г. В*деманнъ) представленъ быль водевиль П. А. Каратыгина Булочникъ, съ величайшимъ усиъхомъ. Буулочника игралъ г. Видеманъ, чиновника г. Моръ, а Карлушу г. Голландъ. Піеса шла съ превосходнымъ аксамблемъ.

- Вечеръ г. Гемузеуса (30-го марта 1) въ Александринскомъ театръ быль настоящимъ попурри, составленнымъ изъ разныхъ разностей - отрывковъ изъ оперъ, комедій и водевилей. Г-нъ Ферзингъ и въ этотъ разъ не измѣнилъ своему обыкновению - неявиться по-бользии, а потому мы должны были, вивсто его, слушать г-на Шупмана. Г-жа Нейрейтеръ пъла въ послыдній разт передъ петербургскою публикой, и была принята съ громкими рукоплесканіями. Г-нъ Моръ, въ заключение всего. танцоваль качучу.

РЕДАКТОРЪ Межевичь.

Agendance Teachques, Aleron ut un

strong of Bright a catherin

Landing ... The en main himself